

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЗА социалистическую ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН
ПРОКУРАТУРЫ
■ СССР ■

АВГУСТ 8
1935

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ № 8

	<i>Стр</i>
Знаменательная годовщина.....	1
Г. Согал — Осенне-зимние перевозки и задачи транспортной прокуратуры.....	5
А. Викторов — Вопросы общего надзора прокуратуры.....	7
И. Авербах — Закон 7 апреля и преступность несовершеннолетних.....	10
А. Бондик — О работе народных судов по борьбе с несовершеннолетними преступниками в г. Москве.....	15
Д. Горвиц — Задачи защиты по делам несовершеннолетних.....	17
Л. Вуль — Хулиганство в Москве и борьба с ним.....	18
А. Тагер — Кассационные заметки.....	21
В. Черноа — Правильно организовать и провести обыск.....	24
И. Краутич — Юридическая подготовка судебно-прокурорских работников.....	28
Н. Малов, П. Тарасов-Родионов — Сдать юрминимум на отлично.....	28
Тяжобовин — Помогать с недооценкой гражданских дел.....	31
Е. Львова — История одного дела.....	34
В. Томский — Выше качества прокурорской работы.....	35
Борьба с хищениями в органах власти.....	36
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза.....	43
Оперативно-прокзв. совещание в Союзной прокуратуре 10 июня в 1935 г.....	48
Библиография.....	51
Официальный отдел.....	53

ЗА социалистическую ЗАКОННОСТЬ

ПРОКУРАТУРЫ СССР

АВГУСТ 8
1935 г.

Редакция:

Москва, Б. Дмитровка, д. 15

Знаменательная годовщина

Исполнилось три года со дня издания исторического декрета 7 августа об охране общественной социалистической собственности, декрета, вошедшего в историю Октябрьской революции, в историю борьбы рабочего класса за построение в СССР социалистического общества в качестве одного из наиболее знаменательных и важных документов великой эпохи строительства социализма.

Этот декрет был прямым ответом на требования миллионов масс трудящихся нашей великой родины о принятии решительных мер охраны общественной собственности, являющейся основой всего социалистического строя.

Этот декрет явился новой вехой в борьбе за общественную собственность, символизируя собой громадные успехи нового общественного строя, созданного в результате героических усилий рабочего класса и всех трудящихся, строящих в СССР под руководством нашей великой коммунистической партии, во главе с ее ЦК и великим вождем т. Сталиным, новое социалистическое общество.

Характеризуя год тому назад значение декрета 7 августа, т. Каганович подчеркнул его громадное историческое значение, сказав, что такие законы живут десятки и сотни лет. И, действительно, декрет 7 августа был вызван к жизни не той или иной сложившейся в данный момент политической конъюнктурой, временными политическими обстоятельствами.

Он был вызван к жизни всей логикой развития пролетарской революции и государства пролетарской диктатуры, опирающегося на общественную собственность, на коллективную собственность

трудящихся масс, своими усилиями воздвигающих новое, невиданное до того общество трудящихся.

Декрет 7 августа явился в известном смысле слова итогом развития всей нашей пролетарской революции, итогом борьбы нашего пролетарского государства, на протяжении всего своего исторического существования неуклонно и неустанно строящего социалистическое общество.

Но значение декрета 7 августа далеко выходит и за эти сами по себе грандиозные пределы.

Это его значение достаточно характеризуется тем обстоятельством, что принцип социализма, выражающийся в господстве общественной собственности, празднует свою окончательную победу в нашей стране.

Господство общественной социалистической собственности окончательно и бесповоротно закреплено во всех областях нашего народного хозяйства.

Именно поэтому так важна и необходима всемерная охрана общественной социалистической собственности, представляющей собой основную заботу и нашей революционной законности и всей деятельности органов пролетарской диктатуры, призванных охранять интересы пролетарского государства.

«Основная забота революционной законности,—говорит т. Сталин,—в наше время состоит следовательно в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом».

В этих словах нашего вождя заключается исчерпывающая характеристика роли декрета 7 августа, поставленного на стражу общественной собственности.

В этом декрете с исключительной силой и остротой был три года назад поставлен вопрос о применении беспощадных мер наказания к врагам народа, о беспощадном разгроме всякого рода «воровских махинаций», при помощи которых последние остатки эксплуататорских классов пытаются подорвать в той или иной мере устой нашего социалистического строя, пытаются этими «воровскими махинациями», как говорил т. Сталин, вредить рабочим, колхозникам, советской власти, партии, всему пролетарскому государству.

Подводя итоги трехлетнего действия декрета 7 августа, мы можем с удовлетворением констатировать его громадное влияние на все направление нашей уголовной политики, на всю карательную деятельность судебно-прокурорских органов в борьбе с классовым врагом и его агентурой.

На основе декрета 7 августа органы прокуратуры и суда сумели, несмотря на все недостатки своей работы, нанести сокрушительный удар врагам народа, поднимающим свою преступную руку на священную и неприкосновенную общественную собственность.

На основе этого декрета органы суда и прокуратуры получили возможность активно и последовательно вести свою борьбу со всякими попытками колебать основы социалистического строя, мешать дальнейшим успехам социалистического строительства.

Декрет 7 августа вооружил органы суда и прокуратуры мощным и несокрушимым оружием беспощадной уголовной репрессии, направленной своим острием против остатков капиталистических классов, воров и расхитителей общественного и государственного достояния.

Вся практика работы советского суда и прокуратуры в области охраны общественной социалистической собственности тысячами примеров говорит о том сокрушительном ударе, который был нанесен расхитителям общественной собственности правильным и последовательным применением декрета 7 августа.

При оценке значения декрета 7 августа нужно учитывать еще и то обстоятельство, что хищение общественной собственности в нынешних условиях представляет собою одну из наиболее характерных форм проявления классового сопротивления «бывших людей», всех этих

последышей капитализма, раздавленных, хотя окончательно еще и не уничтоженных, пролетарской революцией. Именно в форме разворовывания и разбазаривания общественной социалистической собственности эти осколки разгромленных эксплуататорских классов пытались и продолжают пытаться до сих пор нанести пролетарскому государству, всему народному хозяйству СССР наиболее серьезные и чувствительные удары.

Известно, какую серьезную угрозу интересам пролетарского государства представляет собою вредительство, особенно распространенное в период, непосредственно предшествовавший первой пятилетке, и в течение всей этой пятилетки в целом.

Именно при помощи вредительства «бывшие люди» пытались в свое время вести борьбу против социалистического строя, избравши эту форму своего классового сопротивления делу социализма в качестве одной из самых излюбленных форм своего нападения на советскую власть. При помощи вредительства все эти люди пытались и еще в известной мере пытаются и сейчас пакостить и вредить социалистическому строю.

Говоря о вредительстве, т. Сталин подчеркнул, что главное в антисоветской деятельности «бывших людей» в настоящее время однако заключается не во вредительстве.

«Главное в «деятельности» этих бывших людей, — говорит т. Сталин, — состоит в том, что они организуют массовое воровство и хищение государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности».

Три года действия декрета 7 августа полностью и блестящим образом подтвердили гениальное указание т. Сталина, вскрывшего основной канал движения преступности, направленной против советского строя, показавшего, что основное направление этой преступности идет в нынешних условиях по линии нападения на общественную социалистическую собственность.

Воровство и хищение общественной собственности в настоящих условиях являются наиболее распространенной формой классовой борьбы эксплуататорских элементов с советской властью.

Опасность этой формы сопротивления остатков эксплуататорских классов заключается в том, что преступная деятель-

ность расхитителей общественных ценностей в известных случаях легко прикрывается попустительством, пассивностью, безразличным отношением к этому виду преступлений со стороны отсталых слоев самих трудящихся.

В условиях еще неизжитых пережитков капитализма в сознании людей, в условиях неизжитых мелкобуржуазных предрассудков, недисциплинированности, частнособственнических навыков, индивидуалистических привычек представляется немало возможностей вора и расхитителям общественной собственности уйти от карающего меча советского правосудия, остаться неразоблаченными и непреданными в руки органов революционной законности.

В свое время Ленин говорил об опасности «традиционной психологии» капиталистического общества, порождающей рваческие, кулацко-капиталистические настроения в отношении к общественному имуществу, к общественной собственности.

Ленин говорил, что «рабочий никогда не был отделен от старого общества китайской стеной», что «у него сохранилось много традиционной психологии капиталистического общества», что «рабочие строят новое общество, не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоят по колени еще в этой грязи» (XXIII, стр. 490).

Эта «психология» в определенных общественных условиях не может не играть на-руку классовому врагу, как не могут не сослужить классовому врагу своей службы все вообще элементы общества— «хранящие наследство капитализма», «соблюдающие традиции капитализма», «все эти лодыри, тунеядцы и казнокрады».

В своей статье «Как организовать современивание?» т. Ленин писал о тех пришельцах в фабричную среду, «которые теперь хотели бы относиться к народно й ф а б р и к е», к фабрике, перешедшей в собственность народа, попрежнему с точки зрения единственного помышления: «урвать кусок побольше и удрать» (XXII, стр. 163).

Вот эти «помышления» и создают почву, питающую хищническое отношение к общественной собственности.

Против этих-то рваческих настроений, этой «традиционной психологии» капиталистического общества и нужно повести систематическую и последователь-

ную борьбу, мобилизуя на преодоление этого зла широчайшие круги рабочих и колхозников, — «все, что есть сознательного, честного, думающего в крестьянстве и трудящихся массах» (Ленин), встающих в этой борьбе на сторону передовых рабочих.

Именно об этом неоднократно говорил т. Сталин, ставя вопрос о необходимости создать в отношении к подобному рода преступлениям такую «моральную атмосферу», «которая исключала бы возможность воровства, которая делала бы невозможным жизнь и существование воров и расхитителей народного добра, веселых и невеселых...».

Еще в 1926 г. т. Сталин говорил о необходимости «вести систематическую борьбу с воровством, с так называемым «веселым» воровством в органах нашего государства, в кооперации, профсоюзах и т. д. Есть воровство стыдливое, скрытое; есть воровство смелое, «веселое», как говорят об этом в печати».

Вот куда направлял наше внимание уже девять лет тому назад великий вождь нашей страны и мирового пролетариата т. Сталин, требуя такой мобилизации общественного негодования к расхитителям народного достояния, которое делало бы вора в глазах всех окружающих таким же преступником, как «шпион и предатель, если не хуже».

Основная задача декрета 7 августа заключалась в органическом сочетании двух основных требований — беспощадного разгрома и подавления классового сопротивления врагов и их агентуры и мобилизации общественного внимания к задаче охраны общественной собственности, укрепления нового социалистического правосознания и новой пролетарской дисциплины. В этом смысле декрет 7 августа олицетворяет собою основные принципы всей советской уголовной политики.

Это последнее обстоятельство еще в большей степени характеризует декрет 7 августа как законодательный акт громадной принципиальной исторической силы, как ведущий закон, определяющий собой все направление советской уголовной политики.

Социалистический уклад, о котором на XVII съезде партии т. Сталин говорил как о единственно господствующей и командующей общественной силе, опирается на общественную собственность, интере-

сы охраны и укрепления которой составляют основную заботу революционной законности и всего пролетарского государства.

Вот почему перед органами советской юстиции, перед рабочим классом и всеми трудящимися массами нашей страны с такой остротой стоит задача дальнейшей борьбы, самой непримиримой и большевистски последовательной, за общественную социалистическую собственность.

На этой основе цветет и преуспевает новое социалистическое общество, на этой основе растут и крепнут величайшие возможности самого широкого и всестороннего удовлетворения потребностей трудящегося человека, на этой основе развивается и расцветает новая социалистическая культура, подлинный человеческий прогресс и человеческая цивилизация.

Частная собственность, — эта исконная основа всякого эксплуататорского общества, — является тюрьмой человеческой свободы и человеческой культуры. Частная собственность эксплуататоров сковывает и уничтожает всякие возможности развития человека, рождая неразрешимые в рамках эксплуататорского общества противоречия, калеча и коверкая человека, отравляя и растлевающая его сознание, его душу. Частная собственность делает из людей зверей, создает положение, при котором, как говорит старая римская поговорка, — «человек человеку — волк».

Общественная социалистическая собственность, созданная героическими уси-

лиями миллионов рук трудящихся, уничтожающих всякие следы эксплуатации, полностью и целиком освобождает человека от звериных инстинктов, созданных капиталистическим строем.

На основе общественной собственности вырастает не только новое социалистическое общество, но и новый социалистический человек, прекрасный в своем духовном и физическом облике, олицетворяющий собою творческий порыв к новой жизни, кующий и строящий эту новую жизнь, прекрасную и величественную, светлую и радостную для всех трудящихся.

Великие успехи социалистического хозяйства, социалистической промышленности, колхозного движения, советской культуры, науки и искусства питаются могучими соками общественной собственности, являющейся подлинной и мощной основой новой социалистической экономики.

Декрет 7 августа во весь рост, достойный гигантских успехов нашей социалистической эпохи, ставит перед всеми трудящимися боевую задачу охраны нового общества от всех и всяческих на него посягательств.

Наша задача — бороться, не покладая рук, за дальнейшее укрепление общественной социалистической собственности на основе закона 7 августа, вошедшего в историю как один из наиболее замечательных памятников нашей борьбы за бесклассовое социалистическое общество.

„Сильная и могучая диктатура пролетариата, — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации“

(Сталин)

Осенне-зимние перевозки и задачи транспортной прокуратуры

За 4 мес., истекшие с момента назначения т. Л. М. Кагановича народным комиссаром путей сообщения, железнодорожный транспорт добился серьезных успехов: план перевозок выполняется и перевыполняется, железные дороги покрывают накопившуюся огромную задолженность перед народным хозяйством страны; четкость и конкретность выдвигаемых задач и большевистская организация их выполнения мобилизуют широкие массы железнодорожников на преодоление отставания транспорта; выкорчевываются гнилые и антигосударственные «теории», процветавшие на транспорте и являвшиеся огромным препятствием его росту.

Местные партийные организации и советы активно включились в дело улучшения железнодорожного транспорта; промышленность успешно выполняет его заказы.

Все это создает условия для дальнейшего быстрого роста транспорта и окончательной ликвидации отставания транспорта от гигантских темпов роста социалистического хозяйства нашей страны, в частности для успешного выполнения плана осенне-зимних перевозок 1935—1936 гг.

Однако совершенно очевидно, что дальнейшие успехи требуют напряженной работы по органическому оздоровлению всех без исключения звеньев ж.-д. транспорта.

Основным показателем этого органического оздоровления является ликвидация крушений и аварий, в которых концентрируются все недостатки ж.-д. транспорта. Без серьезных успехов в этой области нельзя говорить об органическом оздоровлении транспорта.

Обеспечение этого решающего условия подъема ж.-д. транспорта в немалой степени зависит от качества работы транспортных органов юстиции, являющихся важнейшим рычагом большевистского воспитания масс и мобилизации их против классовых врагов, хулиганов и разгильдяев — организаторов крушений и аварий.

Качество борьбы с крушениями и авариями является в такой же степени основным показателем работы транспортной прокуратуры и линейных судов, как и всего ж.-д. транспорта в целом. Судебная репрессия в этой области должна являться последним средством воздействия, применяемым в тех случаях, когда все другие средства исчерпаны или явно недостаточны. Но тем более отточенным и тем более метко разящим должно быть это оружие. К сожалению, надо признать, что прокуратура и суды на транспорте крайне медленно перестраиваются в сторону отказа от массовой и бесполовой репрессии по делам о крушениях даже после приказа Л. М. Кагановича о борьбе с крушениями и авариями и апрельского совещания работников ж.-д. транспорта. На некоторых дорогах (Московско-Казанская, Закавказская) апрель дал даже рост количества судебных репрессий по делам о крушениях. В мае наступил резкий перелом в количественном размахе применения этих репрессий; но

вместе с тем обнаружилась другая крайность в работе органов прокуратуры, свидетельствующая о растерянности и отсутствии твердой политической линии у судебно-прокурорских работников этих дорог. Эта крайность выразилась в отказе на ряде дорог от проведения судебных процессов даже при наличии большого количества крушений. Резкое снижение количества судебных процессов в мае не сопровождалось повышением их качества и поэтому носило в значительной степени механический характер; подготовка процессов и их проведение были попрежнему неудовлетворительны, карательная политика оставалась на том же низком уровне, как и в период массового применения судебных репрессий.

Лишь в июне отмечаются первые успехи в области повышения качества судебной борьбы с крушениями: повысилась тщательность отбора объектов судебных репрессий и в соответствии с этим ее уровень; на ряде дорог были проведены неплохо подготовленные и организованные процессы, сопровождавшиеся действительной мобилизацией железнодорожников (Северокавказская, Екатеринбургская, Московско-Курская и др.). Эти первые успехи были достигнуты прежде всего за счет ликвидации самотека в применении судебных репрессий, обдуманного отбора людей, к которым эти репрессии применялись, и действительной помощи политотделов в деле политической подготовки процессов.

Совершенно еще недостаточны сдвиги в области повышения качества и глубины расследования дел о крушениях. Здесь особенно дает себя чувствовать слабая техническая грамотность следователей, прокуроров и судей, без ликвидации которой невозможно серьезное повышение качества работы.

Решительные успехи в деле ликвидации аварий и крушений являются важнейшим условием выполнения плана осенне-зимних перевозок. Как должны готовиться к осенне-зимним перевозкам прокуроры, следователи и судьи на транспорте? Прежде всего напряженной работой над поднятием качества следовательской, прокурорской и судебной борьбы с крушениями и авариями.

Наряду с сокращением количества судебных репрессий по делам о крушениях последние месяцы дают некоторое снижение дел о хищениях, о корыстных злоупотреблениях. Механическое перенесение принципов борьбы с бескорыстными должностными преступлениями и служебными упущениями на борьбу с врагами народа и жуликами явно неправильно и опасно. Непримиримая борьба с хищениями грузов, разбазариванием автотормозного и другого транспортного оборудования, с хищениями и растратами в орсах — одно из важнейших условий, создающих условия для успеха осенне-зимних перевозок. В этой области — особенно в части хищений автотормозного имущества — прокуратура и суд должны проявить макси-

мум оперативности и меткости сокрушительного удара уголовной репрессии.

Особое внимание в области борьбы за сохранность грузов должно быть уделено органами транспортной прокуратуры делу охраны перевозимого железными дорогами урожая. Необходимо отметить, что даже на южных дорогах прокуроры крайне медленно включают в эту работу: пока мы имеем лишь отдельные проверки и обследования, а подлинная борьба с расхителями хлебных грузов, с злостными разгильдяями, портящими и уничтожающими хлеб, отсутствует. Между тем хлебные перевозки — первый и ответственный экзамен ж.-д. транспорта в выполнении осенне-зимних перевозок.

Практика последних месяцев показала, что в ряде звеньев транспорта еще далеко не изжиты проявления антигосударственных тенденций в области выполнения плана погрузки и ускорения оборота вагона, принимающие формы прямого саботажа приказов и требований НКПС. На ст. Товарково Московско-Донбасской ж. д. вскрыто систематическое очковитительство в учете простоев вагонов и незаконное зачисление в резерв рабочего парка с целью скрыть простои; на ст. Ясиноватая Екатеринбургской ж. д., обнаружена практика незаконной переадресовки грузов и т. п. Это показывает, что в рядах командного состава транспорта имеются саботажники, не желающие отказаться от гнилых методов работы. Если раньше транспортные прокуроры видели свою задачу в области борьбы за выполнение плана отгрузки в том, чтобы ставить судебные процессы по случаям простоя нескольких вагонов, а такого рода процессы никого не мобилизовывали, то теперь задача гораздо сложнее: надо уметь разоблачить саботажника, вскрыть его антигосударственные махинации и на него именно обрушить справедливую кару пролетарского суда.

Материалы о практике применения дисциплинарного устава к работникам ж.-д. транспорта за последнее время свидетельствуют о наличии продолжающихся в этом деле извращений двойного рода: в ряде звеньев транспорта продолжается механическое и пачкообразное наложение взысканий (Бобринская дистанция пути Юго-Западной ж. д.); в других местах наоборот вовсе не применяют дисциплинарных взысканий в течение продолжительного времени (депо Брянск Западной ж. д.). И тот и другой вид извращений одинаково разлагают дисциплину. Приходится отметить, что за последнее время ослабело внимание органов транспортной прокуратуры к важнейшему делу надзора за правильностью применения дисциплинарных

взысканий. Между тем дисциплинарная практика имеет исключительно большое значение в деле обеспечения железной дисциплины, являющейся самым главным условием ликвидации крушений и аварий и успеха перевозок.

Внедрение правильных методов руководства, бережного отношения командиров к кадрам железнодорожников, поднятие воспитательного значения дисциплинарного взыскания и поощрения имеют для подготовки к осенне-зимним перевозкам несколько не меньшее значение, чем ремонт подвижного состава и пути. Недооценка важности надзора за дисциплинарной практикой со стороны ряда работников прокуратуры является крупнейшим недостатком, который должен быть решительно устранен.

Историческая речь тов. Сталина 4 мая о гитарах, приказ т. Кагановича о борьбе с крушениями и авариями, первые успехи железнодорожного транспорта в деле выполнения плана перевозок в огромной степени подняли в широких массах трудящихся железнодорожников и пользующихся транспортом социалистическое правосознание, чувство собственного достоинства, сознание величайшей важности своей работы в общем грандиозном деле построения социалистического общества, творимом народами Советского союза. Это в огромной степени повышает роль и ответственность органов транспортной прокуратуры. Всякое неправомерное, неосновательное привлечение и тем более арест и осуждение, всякое проявление административного произвола — незаконное выселение, неправильно наложенное взыскание, неосновательное увольнение, незаконный штраф и т. п. — вызывают протест и суровое осуждение со стороны трудящихся. Отсюда понятен рост обращений в транспортную прокуратуру со всякого рода жалобами и протестами на незаконные действия. Мы должны так воспитать всех своих работников и так организовать свою работу, чтобы ни одно справедливое обращение железнодорожника, пассажира, грузоотправителя не осталось без быстрого и исчерпывающего реагирования. Необходимо, чтобы все наши работники поняли, что и на них лежит ответственность за дальнейший подъем нашего транспорта, что в частности они несут ответственность за успешность осенне-зимних перевозок, борьба за которые должна быть в данное время основной задачей судебно-прокурорских органов. Борьба с преступностью на транспорте должна явиться одним из мощных средств окончательного его оздоровления и подъема.

„Революционная законность нашего времени направлена своим острием не против крайностей военного коммунизма, которых давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхиителей общественной собственности“

(Статьи)

Вопросы общего надзора прокуратуры

Приказ прокурора Союза от 11 мая 1935 г. об усилении надзора за законностью постановлений и распоряжений местных органов власти и наркоматов ставит перед всеми органами прокуратуры острый и злободневный вопрос.

Как случилось, что об одной из основных функций органов прокуратуры, предусмотренной п. «а» ст. 4 Положения о Прокуратуре Союза, должен напомнить специальный приказ прокурора Союза, констатирующий при этом, что «наряду со значительным усилением работы по надзору за судом и следствием органы прокуратуры в ряде мест явно ослабили работу по надзору за законностью?»

Раздаются голоса, что этому способствовала та линия, которую за последний год вела Прокуратура Союза по усилению судебного надзора. Некоторые товарищи считают, что Всесоюзное совещание руководящих работников органов юстиции, происшедшее в апреле 1934 г., также проходило под знаком переключения внимания с общего на судебный надзор.

Бесспорно, что и апрельское совещание и вся деятельность Прокуратуры Союза за последнее время действительно были направлены на усиление судебного и следственного надзора органов прокуратуры, ставшего, если можно так выразиться, «узким местом» работы органов юстиции. Но было бы крупнейшей ошибкой утверждать, что требование усиления судебного следственного надзора, требование об улучшении качества работы следственных и судебных органов означало ослабление общего надзора за законностью. Наоборот требования улучшения качества работы суда и следствия исходили именно из общих задач борьбы за социалистическую законность и отнюдь ей не противопоставлялись.

Полезно будет вспомнить те общетеоретические предпосылки, которые содержались в докладах тт. Акулова и Вышинского на Всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников.

Говоря о мероприятиях по улучшению качества работы судебно-прокурорских органов, т. Вышинский указывал:

«Недооценивать роль суда и прокуратуры пролетарского государства, а следовательно и недооценивать значение высокого качества работы этих органов — это значило бы совершать грубейшую, подлинно-оппортунистическую ошибку, это значило бы недооценивать роль и значение органов советской юстиции именно как органов пролетарской диктатуры, являющихся, как это было отмечено в постановлении о революционной законности 25 июня 1932 г., важнейшими средствами укрепления пролетарского государства, защиты интересов рабочих и трудящихся крестьян и борьбы с классовыми врагами трудящихся...»

Приводя далее интересное замечание покойного Петра Ивановича Стучки, который подчеркивал, как Ленин ценил советский закон и законность, т. Вышинский напоминает знаменитое указание т. Сталина о «зазнавшихся вельможах», которые считают, что «советские законы писаны не для них, а для дураков», и

конкретизируя указания Ленина и Сталина в свете задач работников юстиции, т. Вышинский говорил:

«Кто из присутствующих здесь не признает, что вся наша работа строилась до последнего времени таким образом, что наши кодексы сами по себе, а мы сами по себе, когда считалось известного рода щегольством поменьше смотреть в кодекс и поменьше обращать внимания на то, что написано в кодексе... По таким настроениям нужно решительно ударить... Нужно преодолеть недооценку роли советского права в деле социалистического строительства, нужно понять и усвоить громадную организующую творческую роль советского права как определенного метода пролетарской диктатуры, как определенной формы организации общественных отношений, как орудия борьбы пролетарского класса за новые общественные отношения, за социализм... Не случайно, что за последние два года мы получили целый ряд декретов и законов, где красной нитью подчеркивается исключительная организующая гигантская роль нашего советского закона, когда советский закон объявляется и вводится в жизнь, как непрелюдная, твердая, непоколебимая директива» («За перестройку и улучшение работы суда и прокуратуры» — «Советское законодательство» 1934 г., стр. 22, 25, 26 и 27).

Мы привели такую большую выдержку из доклада т. Вышинского потому, что в этих словах дается, повторяем, теоретическое обоснование требований улучшить работу суда и прокуратуры именно с правильных позиций партийного понимания значения советского закона, определяющего необходимость безоговорочного его исполнения всеми органами власти и всеми гражданами.

Вместе с тем в этих теоретических обоснованиях трудно найти даже намек на противопоставление задач судебного и общего надзора. Такого противопоставления нет и в помине и не здесь нужно искать объяснения явной недооценки общего надзора, отмечаемой за последнее время.

Думается, что объяснение такому явлению нужно искать в недостатке политической грамотности некоторых наших товарищей, в их некультурности, о чем опять-таки говорил на апрельском совещании т. Вышинский.

«К сожалению, не все умеют у нас думать. Между тем думать — это важнейшее условие особенно нашей работы. Каждый из нас обязан научиться думать, ибо иначе нельзя вести работы, чрезвычайно сложной, имеющей дело с весьма запутанными явлениями. Чтобы вести работу судьи или прокурора, нужно обладать большой и серьезной подготовкой, нужно обладать большой умственной культурой. Нужно преодолеть недостаток этой культуры.»

Хроническим недостатком нашей работы является ставшая традиционной особенность при обнаружении недостатков на том или ином участке поворачивать на 180 градусов в сторону, исправлять недостатки при полном забвении чувств меры. Стоит, скажем, констатировать чрезмерную жесткость репрессий по

какой-либо категории дел, как реакцией на такую констатацию является противоположный крен в либерализм, граничащий с попустительством иногда весьма опасным явлениям. Только недостатком культуры, отсутствием умения видеть все общественные явления в их взаимосвязи, можно объяснить такую «традицию». И забвение задач общего надзора тогда, когда в силу естественных, всем понятных причин, велась настойчивая борьба за улучшение судебного-следственного надзора, является также выражением этой консервативной традиции. И сейчас, когда приказ прокурора Союза заостряет внимание на вопросах общего надзора, нам представляется чрезвычайно важным со всей резкостью подчеркнуть необходимость отрешиться от этих традиций и понять, что функции прокуратуры охватывают целый комплекс задач, каждая из которых не противопоставляется другой, а ее дополняет и закрепляет.

Нельзя ведь забывать, что через несколько месяцев после апрельского всеобщего совещания «Правда» в передовой от 7 августа 1934 г. писала:

«Прокурор должен быть твердым и решительным бойцом, способным по каждому конкретному вопросу в своей работе противопоставить государственную точку зрения местническим влияниям и попыткам проталкивать «калужскую и рязанскую законность». Он должен быть проводником революционной законности в массы населения, помощником каждого трудящегося, чьи законные права нарушены головами и бюрократами, суровым следователем расхитителя общественной собственности, проводника антигосударственных тенденций, слекачича, бракодела, классового врага, изменника и предателя родины».

Вот почему прокурор должен быть «настоящим законоведом, блестящим знатоком советского законодательства».

Если перевести эти слова «Правды» на наш ведомственный язык, то в них содержится развернутая программа как раз обеих важнейших функций прокуратуры: судебного и общего надзора. Тем не менее с надзором за законностью постановлений и распоряжений местных органов власти у нас обстоит за последнее время явно неблагополучно. Требования той же передовой «Правды» о том, что прокурор «обязан со всей решительностью драться за самое точное, недвусмысленное и исключающее возможность всяких лжетолкований исполнение советских законов и за соблюдение при применении закона тех именно форм, которые установлены советским государством», забыты во многих местах, как забыты требования постановления о революционной законности от 25 июня 1932 г.

Можно привести огромное количество примеров того, как прокуроры забросили этот участок своей работы, но не в этих примерах дело. Лучшей, пожалуй, иллюстрацией полного забвения задач общего надзора является практика надзора за осуществлением примерного устава сельскохозяйственной артели. Нужно прямо сказать, что опубликованные в «Правде» от 3 июля сего года постановления Наркомзема СССР и Сельхозотдела ЦК ВКП(б) о грубейших нарушениях примерного устава в ряде районов различных краев и областей являются живым укором бездеятельности не только районных, но и краевых (областных) прокуроров.

Ведь незаконные постановления районных организаций, противоречащие примерному уставу, были опубликованы в районных газетах. Обязаны были реагировать на это районные и краевые (областные) прокуроры? А ведь этого не случилось. Кто должен был прежде всего знать о допущенном в Вабинском р-не Киевской обл. правлением колхоза «Плуготар» беззаконии в отношении приема в колхоз единоличника Казнодия, если не районный прокурор? Этот факт либо прошел мимо райпрокурора, либо, что еще хуже, остался без реагирования вследствие его бездеятельности.

Повторяем, дело не в отдельных примерах, которых можно привести огромное количество. Важно констатировать, что общий надзор за законностью явно ослаблен и задача теперь заключается в значительном его усилении.

Конкретные пути и методы усиления надзора за революционной законностью указаны в приказе прокурора Союза от 13 июня 1935 г. за № 357.

Эти пути и методы не новы. Они известны старым работникам прокуратуры, которые в свое время при помощи этих методов, варьируя их сообразно местным условиям, проводили большую работу по осуществлению общего надзора.

Одним из важнейших звеньев в цепи мероприятий по оживлению общего надзора за законностью является связь с юрисконсультами учреждений и предприятий и периодические совещания с ними. Целью этой связи, как указывает приказ прокурора Союза, должно быть получение через них распоряжений и постановлений, издаваемых этими органами. Но нельзя сводить связь с юрисконсультами только к этой задаче. Она должна быть гораздо более органичной и охватывать значительно более широкий круг вопросов.

Юрисконсульт в учреждении, предприятии, если только правильно понять его роль, должен быть тем рычагом, при помощи которого осуществляется надзор за законностью действий, распоряжений и постановлений данного учреждения или предприятия. Сама природа должности юрисконсульта сводится к даче заключений о законности или незаконности намечаемого мероприятия. И если такая роль юрисконсульта правильно осознана руководителем учреждения или предприятия, если сам юрисконсульт добивается такого понимания своей роли, естественен и логичен вывод о невозможности издания распоряжения или постановления тогда, когда оно не завизировано юрисконсультом или получило отрицательное заключение как противоречащее закону.

Правильно налаженный институт юрисконсультов может и должен стать активным помощником прокуратуры по надзору за законностью.

К сожалению, существующий сегодня порядок вещей чрезвычайно далек от такого положения. Проведенные в Прокуратуре Союза совещания заведующих правовыми отделами и юрисконсультов наркоматов и центральных учреждений продемонстрировали картину едва ли отличную от того, что происходит на периферии и поэтому довольно типичную. Неимоверная пестрота не только в организационной их структуре, но и в самих функциях, естественно, лишает юрисконсульта возможности даже нести ответственность за законность различных документов, издаваемых этими учреж-

денями по той странной, на первый взгляд, причине, что они им неизвестны. Мы не говорим уже о таких, хочется думать, единичных случаях, когда руководители учреждений смотрят на юрисконсульта не как на блюстителя закона, а как на человека, обязанного помочь обойти закон.

Вот почему нам кажется своевременной постановка общего, чрезвычайно важного и принципиального вопроса о положении юрисконсультов, вопроса, бывшего предметом высказывания почти всех участников совещаний с юрисконсультами в Прокуратуре Союза.

Нужно сделать ответственным за законность постановлений и распоряжений различных учреждений и предприятий в первую очередь юрисконсульта этого учреждения и предприятия. А для этого должна быть прежде всего оформлена правовая природа института юрисконсультств, должно быть издано законодательное положение о юрисконсультах учреждений и предприятий, четко определяющее права и обязанности юрисконсульта.

Не будет, думается, ошибкой утверждать, что требования, предъявляемые теперь к юрисконсультам, аналогичны требованиям, предъявляемым главным и старшим бухгалтерам. Если бухгалтер обязан не оформлять документы, оформление коих нарушает финансовую дисциплину, если бухгалтер поставлен на стражу государственных средств, не допуская их разбазаривания, если за незаконную финансовую сделку наряду с руководителем учреждения отвечает бухгалтер при несообщении об этом в контрольные органы, то в одинаковой мере уместно говорить о документах, нарушающих или искажающих закон, и о лицах, обязанных не допускать издания таких документов.

Отсюда вытекает и характер взаимоотношений между прокуратурой и юрисконсультами. Если спорным представляется вопрос о специфических организационных формах, должны ли существовать бюро юрисконсультств при прокуратурах или не должны, оправдали ли они себя или нет, то бесспорным является положение о том, что юрисконсульт, во-первых, обязан знать о всяком акте учреждения, противоречащем закону, своевременно довести об этом до сведения прокурора, если он своими силами не мог устранить незаконного распоряжения и, во-

вторых, нести ответственность за незаконное распоряжение, наравне с его автором, если он этого не сделал. Поэтому периодические совещания с юрисконсультами, намеченные приказом прокурора Союза, должны стать средством активизации роли юрисконсультств и повышении их ответственности за законность распоряжений того учреждения, при котором они состоят.

Нет надобности останавливаться на прочих мероприятиях, намечаемых приказом прокурора Союза по укреплению надзора за революционной законностью. Требуется лишь неуклонное их выполнение.

Надлежит лишь остановиться еще на одном существенном положении, содержащемся в указанном приказе. Речь идет об обязанности каждого прокурора **безоговорочно и немедленно опротестовывать** каждое незаконное постановление. Требование это вызвано тем, что на практике мы встречаемся с примиренческим отношением некоторых прокуроров к незаконным постановлениям местных органов власти, иной раз даже из соображений целесообразности. Со всей силой приказ подчеркивает несовместимость такого отношения к незаконным постановлениям с положением прокурора. Прокурор обязан опротестовать всякое постановление, если оно противоречит закону. Но подачей протеста не ограничивается роль прокурора. Вследствие ослабления общего надзора стало обычным положение, когда протесты прокуроров не рассматриваются месяцами, а незаконное постановление тем временем действует и им руководствуются. Отсюда обязанность не только районных, но и вышестоящих прокуроров, установить контроль за прохождением протестов, за своевременным их рассмотрением, принимая меры к приостановлению незаконных постановлений и распоряжений.

Вопросы общего надзора должны стать снова предметом самого серьезного внимания органов прокуратуры. Отнюдь не ослабляя судебно-следственного надзора, закрепляя и углубляя те успехи, которые уже достигнуты в деле судебного надзора, прокуроры должны обратиться к заброшенному в последнее время участку общего надзора за ревзаконностью, без коего невозможно осуществление тех задач, которые возложены на нас партией и правительством.

„Прокурор отвечает за то, чтобы ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом и только с этой точки зрения прокурор обязан опротестовывать всякое незаконное решение...“

(Ленин, т. XXVII, стр. 299)

Закон 7 апреля и преступность несовершеннолетних

Закон от 7 апреля 1935 г. по-новому поставил перед органами юстиции задачу борьбы с преступностью среди несовершеннолетних. Этот закон имеет громадное политическое значение в нашей борьбе за молодежь. Нельзя правильно понять этот закон, если брать его изолированно от сложной цепи общественных отношений, если оторвать его от широчайшей работы по усилению воспитания подрастающего поколения, работы, которой партия и правительство уделяют такое громадное внимание. Закон этот нельзя правильно понять и в том случае, если не учесть полностью всей сложной и запутанной картины классовой борьбы за подрастающее поколение. Борьба со стихией мелкобуржуазной анархичности в какой бы области она ни проходила — это классовая борьба. Эту борьбу, как не раз указывал Ленин, «нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией соревнования, только отбором организаторов, борьбу нужно вести и принуждением».

Смысл закона от 7 апреля, конечно, не в том, чтобы обязательно подвергать наказанию всякого несовершеннолетнего с 12 лет за всякую кражу, за всякое хулиганство. Не в борьбе против отдельных мелких воришек или иных правонарушителей лежит центр тяжести этого закона, хотя без этой борьбы недостижима цель, поставленная перед нами. Основа закона 7 апреля — борьба за будущее подростков, ставших на путь преступления.

Надо понять все политическое значение этой борьбы за полную ликвидацию преступности несовершеннолетних именно сейчас, в период, когда мы вступили в социализм, период ликвидации пережитков капитализма в сознании людей. Ведь именно сейчас, больше чем когда бы то ни было, мы не можем мириться с детской преступностью, мы не можем допустить, чтобы в третью пятилетку выросли преступники-профессионалы, живые носители традиций похороненного нами капиталистического прошлого. Борьба с преступностью среди несовершеннолетних означает, таким образом, одно из самых острых проявлений борьбы за смену, борьбы за коммунизм.

Ленин неоднократно подчеркивал именно этот политический смысл и содержание работы по воспитанию молодежи.

Стоит только поставить вопрос в этой широкой политической перспективе, чтобы стала ясна необходимость для государства использовать все имеющиеся у него средства для того, чтобы добиться нужного решения. В интересах молодежи в целом необходимо применять это принуждение, это насилие, воспитывать к новой дисциплине тех, кто разлагается сам и разлагает других, кто срывает нашу работу по коммунистическому воспитанию молодежи.

Между тем до последнего времени в этой области было не мало прорывов.

Ряд партийных и правительственных директив вскрыл недостатки школьной и внешкольной работы не только в области образования

подрастающего поколения, но в не меньшей степени и в области воспитания его к новой дисциплине.

Либерализм и «левые» заскоки в отношении подростков проявились не только в школах. Определенные дефекты в этом отношении имелись и в нашем уголовном законодательстве. В нем установлен был крайне высокий возраст полной уголовной ответственности несовершеннолетних. Больше того, даже лица в возрасте от 16 до 18 лет не могли быть осуждены не только к высшей мере наказания (см. ст. 22 УК РСФСР), какое бы ужасное и отвратительное преступление они ни совершили, но и при назначении им в качестве наказания лишения свободы, суд был связан в достаточной степени нелепыми арифметическими операциями обязательного формального смягчения наказания.

В результате этой арифметики, давно уже подвергшейся критике в нашей литературе, суду приходится сталкиваться иной раз с необходимостью выносить приговоры, противоречащие и его правосознанию и правосознанию широких масс трудящихся. Достаточно вспомнить недавно нашумевшее дело об убийстве комсомолки Андриановой. Ее убил ударом финки в сердце приставший к ней, не имеющий определенных занятий, хулиган Карягин; он убил ее только за то, что она стала вырываться от него, звать на помощь. За это возмутительное преступление суд вынужден был приговорить его только к 5 годам лишения свободы, так как убийца немного не достиг 18 лет.

Что касается недостигших 16 лет, то какое бы преступление ими ни было совершено, они всегда признавались неразумными детьми, в отношении которых могут быть применены только так называемые медико-педагогические меры.

Практически это означало зачастую сведение к нулю всей работы по воспитанию к дисциплине несовершеннолетних правонарушителей.

Во многих случаях даже скудный арсенал мер медико-педагогического воздействия комиссии по делам несовершеннолетних не в состоянии были реализовать.

Комонес, на плечи которых падала вся тяжесть борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, не имели ни подходящих людских кадров, ни достаточных юридических полномочий, ни материальных возможностей для решения этой задачи.

Комонесы могли добиваться лишения родительских прав тех из родителей, которые плохо влияли на детей, втягивали их в преступление или нищенство, или фактически бросали детей на произвол судьбы. Это право Комонесов, однако, слишком часто оказывалось «голым правом». Добившись лишения родительских прав, Комонесы нередко вынуждены были оставлять детей у родителей, лишенных родительских прав, так как поместить ребенка некуда было. Другой столь же «реальной»

мерой, чрезвычайно часто применявшейся Комонесами, было установление присмотра за несовершеннолетним, оставленным в семье.

Но о какой связи с семьей, о каком присмотре могла идти речь, если на каждого работника московских Комонесов, помимо другой выполняемой им работы, приходилось от трехсот до пятисот ребят, за которыми он должен был присматривать.

Вот небольшая иллюстрация «плодотворности» такого присмотра. Ученики первой школы Сталинского РОНО — тринадцати- и пятнадцатилетние подростки П. и К., ученик восьмой школы того же района Б. и два ученика школы ФЗУ завода № 24 находились под присмотром Комонеса Сталинского района и систематически занимались кражами в течение трех лет. За это время, находясь под «присмотром», они успели похитить из различных учреждений и магазинов вещей, денег и чеков на сумму около двадцати тысяч рублей.

Более серьезные меры, которыми располагали Комонесы, практически были также трудно реализуемы. Так, Комонес имели право направлять в учреждения отделов народного образования для трудновоспитуемых или в детские дома, если требовалось только изъятие несовершеннолетнего из семьи. Существующая сеть этих учреждений, однако, совершенно не в состоянии обслужить действительные потребности борьбы с безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних.

Почти также плохо обстояло дело с направлением несовершеннолетних преступников в специальные мастерские. По всей Москве имелось лишь шесть специальных мастерских для несовершеннолетних правонарушителей, рассчитанных всего на 600 человек и при этом плохо оборудованных. Добиться при их помощи трудового перевоспитания значительных групп несовершеннолетних преступников было чрезвычайно трудно. Предусмотренные постановлением Совнаркома от 17 ноября 1934 г. временные комиссии по трудоустройству подростков еще не развернули работы.

Существующая сеть для трудновоспитуемых совершенно не способна обслужить действительные потребности борьбы с безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних. В течение года все эти учреждения вместе взятые принимают не более 50 человек.

Это положение является одной из серьезнейших причин того сильного роста преступности несовершеннолетних, который имел место в Москве в последние годы. Наибольшие трудности с размещением правонарушителей девочек находят свое отражение и в темпах роста правонарушений. Хотя вообще процент девочек среди несовершеннолетних преступников очень невысок, он, однако, показывает тенденцию более высокого роста, чем общий рост преступности несовершеннолетних.

Отсутствие фактической возможности Комонесов осуществлять свои права объясняет достаточно странную на первый взгляд систему мер борьбы с преступностью несовершеннолетних, которая применялась московской комиссией по делам несовершеннолетних.

Реальные меры, к которым можно отнести помещение в детские дома, помещение на работу и изоляция занимают меньше одной четверти в общем количестве постановлений Комонесов.

По сути дела в основном работа Комонесов сводилась к неполной регистрации преступлений несовершеннолетних.

В связи с явной недостаточностью кадров Комонесов и перегруженностью их, дела в Комонесах разрешались сплошь и рядом в течение многих месяцев. Так на 1 января 1935 г. Комонесами не была рассмотрена почти тысяча дел, из которых многие ждали очереди 5—6 месяцев.

Надо отметить, наконец, и недостатки внутренней организационной работы и структуры Комонесов. Прежде всего, приходится констатировать невнимательное отношение общественных организаций к работе Комонесов наряду с неумением последних привлечь общественность к действительной борьбе с преступностью среди несовершеннолетних.

Представители комсомола, общества «Друг детей» и профсоюзов, которые, согласно Положению, входят в состав Комонесов с правом решающего голоса совершенно не принимали участия в их работе.

В то же время органы суда и прокуратуры, точно так же держались в стороне от этого важнейшего участка работы, видимо считая, что отсутствие уголовной ответственности несовершеннолетних снимает с них, как органов уголовной репрессии, обязанность руководить работой по борьбе с преступностью среди несовершеннолетних.

Несмотря на то, что по положению в состав Комонесов входит нарсудья в г. Москве, случаев участия нарсудьи в работах Комиссий по делам несовершеннолетних почти не было.

В результате, работа Комонесов объективно приводила не к укреплению дисциплины среди несовершеннолетних, а фактически воспитывала сознание безответственности.

Все это с достаточной убедительностью говорит о том, что Комиссии по делам несовершеннолетних не справились с возложенной на них задачей. Основная их деятельность сводилась к бесплодным разговорам, которые не только не убеждали несовершеннолетних правонарушителей в необходимости исправления, но, наоборот, убеждали их в беспомощности Комонесов.

В связи с этим назрела необходимость радикального изменения методов борьбы с преступностью несовершеннолетних, изменения оформленного и закрепленного законом.

Закон 7 апреля уничтожил формальные рогадки, тормозившие реальную борьбу с преступностью несовершеннолетних. Громадное значение этого закона определяется и тем, что он сломал широко распространенное убеждение несовершеннолетних преступников-рецидивистов в полной безнаказанности их действий.

Приведенные выше материалы, характеризующие работу Комонесов, делают понятным и то, почему новый закон пошел не по линии реорганизации Комонесов, а по линии передачи более серьезных дел в судебные органы; это же объясняет, почему не вводятся сейчас детские суды, хотя несомненно практические условия работы заставляют специализировать деятельность суда, который будет вести непосредственную борьбу с детской преступностью.

Эти данные, однако, показывают и то, что вопросом о наказании преступлений несовершеннолетних далеко не исчерпывается вопрос

об устранении недостатков существующей системы борьбы с преступностью несовершеннолетних.

С полной очевидностью показывают они, насколько необходимо развертывание специальной сети учреждений для трудновоспитуемых, социально запущенных, а иногда и психически-дефективных несовершеннолетних.

Введение закона от 7 апреля должно будет повести немедленно к известному, и, как мы думаем, существенному снижению преступности несовершеннолетних. Неустранимых причин этой преступности, толкавших несовершеннолетних к совершению преступлений, как голод, нужда, давление эксплуатации — у нас нет. Причины, толкающие несовершеннолетних к совершению преступлений, у нас другого порядка. В значительной степени это причины, которые мы привыкли характеризовать как причины «субъективного порядка», организационные дефекты, беспорядки, прорывы в нашей системе воспитания к дисциплине. Несомненно при этом и влияние классово-враждебных и деклассированных элементов, толкающих подростков на путь разложения и паразитизма.

Важнейший вопрос, который требует специального анализа, это вопрос об объективных границах ответственности, установленных законом от 7 апреля. По закону, как известно, не все преступления несовершеннолетних в возрасте от 12 лет караются в уголовном порядке. Закон относит к таким преступлениям только: кражи, насилие, телесные повреждения, увечья, убийство или попытку к убийству. За эти преступления закон предлагает привлекать несовершеннолетних к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания (ст. 1 пост. ВЦИК и СНК от 7/IV 1935 г.).

Среди дел, разбиравшихся Комонесом, не все подходят под признаки, устанавливаемые законом. Насилия, телесные повреждения, о которых говорит закон, составляют лишь незначительный процент этих дел. Насилие колеблется в пределах от 2 до 3,7%, причем 1933 и 1934 гг. показывают увеличение удельного веса этих групп преступлений. Убийство колеблется в пределах от 0,1 до 0,2%. По этой группе преступлений какого-нибудь повышения отметить нельзя. Наконец, изнасилование и покушение на изнасилование колеблется в пределах от 0,1 до 0,5%. Эта группа показывает повышение за последние годы, хотя в абсолютных числах здесь вообще речь идет об очень небольшом количестве случаев. Некоторые из преступлений вообще не упомянуты законом. Сюда относятся мошенничество и подлог, хулиганство, не связанное с насилием. Сюда относится, наконец, дурное поведение, которое вообще не подходит под признаки какого бы то ни было преступления, предусмотряемого Уголовным кодексом.

Основную массу преступлений составляют кражи, хищения и ограбления. Они дают от 60 до 69%, причем 1934 г. показывает значительное повышение. В тоже время число дел уголовного характера, дел о дурном поведении снижается в практике Комонесов и в 1933 и 1934 гг. падает с 19 до 11,7%.

При изучении статистики преступности среди несовершеннолетних может возникнуть сомнение в необходимости такой широкой формулировки, какую дает закон от 7 апреля. Ведь серьезные, тяжкие преступления составляют не-

значительный процент. Высокий процент краж складывается не только из опасных краж рецидивистов. Сюда попадает и много уголовной мелочи.

Чтобы правильно истолковать содержание и цель постановления правительства, недостаточно просмотреть общие статистические данные. Надо обрисовать конкретную картину преступлений, совершенных несовершеннолетними, динамику развития этой преступности, переработку мелких преступлений в более серьезные, связь случайных первичных преступлений с рецидивом профессиональной преступности. Если бы дело шло только о борьбе с рецидивом как таковым, только о борьбе с преступностью беспризорных рецидивистов, конечно потребовались бы иные постановления закона. Однако вопрос этим не исчерпывается.

Среди несовершеннолетних, проходящих Комонесы, большинство составляла не эта наиболее опасная группа, а безнадзорные подрастки, живущие в семье. Уже это в значительной степени определило своеобразное строение закона, угрозе которого придан нарочито широкий характер, чтобы она удерживала и от совершения первичных преступлений.

При анализе вопроса о преступности несовершеннолетних приходится сталкиваться с упомянутыми уже нами дефектами постановки нашей воспитательной работы. В нашей воспитательной работе есть крупные пробелы.

Об этом говорят и общие данные о распределении несовершеннолетних правонарушителей по характеру их занятий.

Самую большую группу правонарушителей составляют учащиеся начальной школы. Хотя последние годы и показывают некоторое снижение этой группы, но и в 1934 г. она составляет 39% всего числа несовершеннолетних правонарушителей.

Следующую по численности группу, почти равную первой, но в отличие от нее из года в год резко возрастающую, дают несовершеннолетние, ничем не занятые.

Большинство из них не беспризорные, а безнадзорные, живущие с родителями, но остающиеся без всякого присмотра с их стороны.

Каким же образом получается, что дети, обучающиеся в школе, с которыми ведется там специальная воспитательная работа, попадают под влияние улицы в худшем смысле этого слова, под влияние деклассированных элементов безнадзорных и рецидивистов.

Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо хотя бы бегло остановиться на анализе некоторых дефектов нашей школьной работы, выступающих наиболее резко именно в последнее время, когда мы предъявляем к воспитательной работе особенно высокие требования.

Постановления правительства об усилении дисциплины в школах были восприняты некоторыми горе-педагогами с таким же оппортунистическим перегибом, как до этого воспринималась ими теория воспитания без дисциплины, выдвигавшаяся некоторыми безответственными прожектерами из Наркомпроса.

Возможность исключать из школ злостных дезорганизаторов такие школьные работники постарались толковать, мягко говоря, расширительно. Ведь исключать из школ, конечно, легче, чем добиться дисциплины в школе. В результате, за последнее время в ряде отстающих школ имели место частые и необоснованные исключения учащихся за мелкие нару-

нения школьной дисциплины. В связи с этим число исключенных из школ учащихся достигло большой цифры.

При исключении далеко не всегда ставились в известность родители исключенного. Самое исключение нередко проводилось без предварительного обсуждения на педагогическом школьном совете, а по единоличному решению директора школы. Кроме того, многие неустойчивые учащиеся сами переставали посещать школу, школа им совершенно не интересовалась и даже не сообщала об этом родителям.

Комиссии по делам несовершеннолетних тоже не занимались таким важным вопросом, как исключение из школ. Казалось бы, что исключенный из школы несовершеннолетний, проявивший себя недисциплинированным, нуждается в самом внимательном отношении. К нему должны были бы применяться все методы воспитательного воздействия и в большем объеме, чем к дисциплинированным несовершеннолетним, поддающимся обычным методам воспитания в нормальной школе. Однако, на деле получалась совершенно противоположная картина. Как уже указывалось, в Москве не было учреждений для трудно воспитуемых и социально запущенных несовершеннолетних. С исключенными же, как мы видели, никакими организациями работа не велась. Таким образом исключение из школы влекло за собой почти полную безнадзорность детей, так как в ряде случаев родители, работая на предприятиях или в учреждениях, не имеют достаточно времени для домашнего воспитания детей. А иные родители оказывают и прямо вредное влияние.

В результате, исключенные за незначительные проступки бывшие школьники, не охваченные никаким воспитательным воздействием, проводят целый день в безделье на улице. Отсутствие какой бы то ни было работы с ними приводит к тому, что из ребят, нарушивших школьный порядок, они превращаются в правонарушителей и совершают уже не нарушения школьной дисциплины, а уголовные преступления. Чаще всего первые правонарушения, которые совершают исключенные из школ, связаны с их попытками не только продолжать, но и усилить свои хулиганские проступки в отношении той же школы, из которой они были исключены и с попытками потянуть за собой своих товарищей, оставшихся в школе.

Проявление хулиганства в школах или около здания школ со стороны исключенных, обычно, только первый шаг на пути их превращения в несовершеннолетних преступников. Безмотивное хулиганство, направленное против школьной дисциплины, очень легко перерастает в акты насилия по мотивам мести.

Примером постепенного перерастания простого полудетского хулиганства в опасные преступления против личности и антисоветскую агитацию может служить дело так называемой «банды Черного пирата». Эта группа состояла из восемнадцати подростков, возглавлявшихся исключенным из 30 школы Ленинского района Н. М., 15½ лет. В группу входили частью исключенные из школ безнадзорные, частью ученики школ, постепенно втянутые в группу и подчиненные затем жестокой внутренней дисциплине.

Начав свою деятельность с хулиганства и краж, со стрельбы из самодельных револьверов, группа постепенно все более и более

оформлялась как антисоветская и окончательно разложившаяся в бытовом отношении шайка подростков.

В устойчивых группах несовершеннолетних преступников-хулиганов акты насилия и мести приобретают характер борьбы не только против школьной дисциплины, но и борьбы с общественными организациями, приближающей эту мечь в крайних случаях к террористическим актам. Так, группа злостных хулиганов, исключенных из 36-й школы Сокольнического района, по вечерам собиралась во дворе школы, вривалась в школу во время киносеансов и неоднократно пыталась избить пионервожатых. В один из таких налетов ими был избит секретарь ячейки комсомола.

При изучении случаев наиболее серьезных преступлений бросается в глаза значительное преобладание пограничной возрастной группы 15- и 16-летних. Однако, широко распространено рецидивистами-беспорядочниками убеждение в полной безнаказанности любых преступлений несовершеннолетних приводит к тому, что в отдельных исключительных случаях, под влиянием хулиганских знакомств, несовершеннолетние более младших возрастов, не задумываясь, пускают в ход ножи, гири и другое хулиганское оружие. Так, около 26 школы Бауманского района ученики 4 класса в возрасте от 11 до 13 лет избili гирей и ранили ножом 15-летнюю ученицу Б-к за деятельное участие в борьбе со школьным хулиганством.

Под влиянием худших элементов улицы, хулиганство исключенных из школ перерастает не только в насилие на почве мести за исключения, но и в корыстную преступность.

На почве хулиганства, мелких грабежей и значительных краж, постепенно происходит смычка случайных правонарушителей, прежде исключенных из школ, с рецидивистами из беспорядочников и с взрослыми представителями уголовного мира. Эти элементы стараются использовать каждую щель, каждый промах в нашей работе. Уголовные и классово враждебные элементы спекулируют на безнаказанности несовершеннолетних и пытаются их руками «делать то, что боятся делать сами. Но об этом речь пойдет ниже.

Нередко можно отчетливо установить совершенно продуманную работу уголовного элемента, переходящего непосредственно с грабежей и краж, совершаемых им самим, на более безопасную «работу» по содержанию притонов и организации шаяк несовершеннолетних преступников. Ярким примером может служить притон, организованный и содержащийся взрослым преступником В. В течение длительного времени он занимался скупкой у подростков краденых вещей. У себя на квартире он создал своеобразную школу обучения несовершеннолетних преступному ремеслу. Не ограничиваясь беспорядочными несовершеннолетними, В. систематически втягивал в преступную деятельность учащихся школ. При задержании В. на его квартире было обнаружено несколько подростков-школьников, которые под его преступным влиянием ушли от родителей, жили у него, прекратив учение, и приносили ему всю свою добычу. Такой же притон был организован Щепкиной-Сарафановой, не имеющей определенных занятий, и Елизаровой, муж которой был осужден за скупку краденого. Обе эти

женщины спаивали несовершеннолетних для того, чтобы удержать их на преступном пути.

Как указал т. Сталин на январском пленуме ЦК и ЦКК, выбитый из своей колеи классовый враг расплодился по нашим городам, по нашим предприятиям и учреждениям, и, надев на себя маску рабочего, продолжает свою преступную работу. Это мы чувствуем и в области борьбы с детской преступностью. Организаторы этой преступности — притоносодержатели, в большинстве случаев люди без определенных занятий, люди с темным прошлым, которые группируются вокруг кого-нибудь из них, поступившего для вида на службу. В частности притоносодержателями широко практикуется система особой поруки за несовершеннолетних преступников-профессионалов. Так как органы милиции забирают беспризорных и направляют их в специальные учреждения за пределы Москвы, то такие притоносодержатели выдают их за своих детей. Типичный пример такой «работы» представляет дело Белоусовой. Белоусова, по кличке «тетя Катя», работала для вида дворником дома № 6/2 по Коровьему пер., но основной ее деятельностью было содержание притона несовершеннолетних.

Получив извещение о том, что задержан кто-нибудь из связанных с нею беспризорников профессиональных воришек, Белоусова ходила в милицию и забирала их оттуда как своих детей, не останавливаясь даже перед уплатой штрафа за них. Учитывая, что несовершеннолетние не подвергаются уголовному преследованию, классово враждебные элементы и профессиональные преступники нередко пытаются использовать их для совершения наиболее рискованных преступлений. В нашей общей прессе и специальной литературе приводилось немало фактов, когда кулаки пытались обойти закон от 7 августа, посылая на хищения социалистической (общественной) собственности своих несовершеннолетних детей. Такие же факты имеют место и в городской обстановке в частности со стороны бандитских элементов. При этом подросткам под страхом жесточайшей мести запрещается говорить об инициаторах преступления.

За выполнение преступления и отказ от дачи показаний при аресте бандиты вознаграждают несовершеннолетних деньгами, добытыми при их же помощи преступным путем.

Эти факты показывают, насколько своевременна вторая часть Постановления правительства по борьбе с преступностью несовершеннолетних, которая карает тюремным заключением не ниже 5 лет лиц, уличенных в подстрекательстве, в привлечении несовершеннолетних к участию в различных преступлениях, а также в понуждении несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией и нищенством.

Если первая статья закона, говорящая об ответственности несовершеннолетних, не должна подлежать широкому толкованию, то здесь, наоборот, суд должен карать всех толкающих на путь преступления беспощадно. Надо считать с тем, что наряду с прямым подстрекательством к преступлению существуют и другие пути, ведущие в конечном счете к этому же. Еще имеются люди с такой звериной собственнической психологией, которые не останавливаются ни перед какими средствами для того, чтобы избавиться от своих обязан-

ностей содержать рожденного ими ребенка¹. Достаточно напомнить дело бывшего белогвардейского офицера, инженера Арсеньева и его жены, которые побоями заставляли детей Арсеньева от первого брака давать подписку о том, что они преступники, чтобы сбить этих детей с рук, чтобы передать заботу о них государству. Во всех подобных случаях суд наряду с беспощадным наказанием виновных должен заставлять таких родителей платить за воспитание их детей, передавая детей немедленно в школы и детские дома, а не ограничиваясь одним голым постановлением о лишении родительских прав. Наша судебная политика по алиментным делам недопустима мягкой.

Ст. 2 постановления от 7 апреля открывает возможности использовать пробелы нашего законодательства. За подстрекательство к тяжким преступлениям, например к бандитизму, взрослые будут отвечать как за соучастие, вплоть до расстрела, подстрекательство даже к мелкой краже окажется теперь более опасным, чем попытка совершить преступление, на которое взрослый будет толкать несовершеннолетнего; на подстрекателя обрушится тяжелая кара — не ниже 5 лет тюремного заключения.

Было бы неправильно, конечно, приведенные нами примеры наиболее тяжелых преступлений несовершеннолетних механически умножать на общее значительное число дел, прошедших в Комонесах. В большинстве случаев, преступления несовершеннолетних — это мелкие кражи, хулиганство, драки. Но приведенный материал показывает, что от этих, сравнительно мелких правонарушений, при отсутствии серьезно поставленной работы с несовершеннолетними, слишком легко переход к рецидиву и к серьезным преступлениям. Случаи опасных преступлений, приведенные выше, достаточно показывают необходимость и обоснованность закона от 7 апреля 1935 г. Они объясняют в значительной степени и своеобразные формулировки вопроса об ответственности, принятые этим законом.

Не приходится сомневаться, что такие серьезные меры, как лишение свободы, могут применяться и будут применяться не к каждому несовершеннолетнему преступнику, привлекавшемуся ранее Комонесами за драку на улице или мелкую первую кражу. Закон, однако, не мог и не должен был подчеркивать невозможность применения репрессии по этим мелким преступлениям именно потому, что путь от них идет к разложению и к опасным преступлениям, потому, что слишком широко было распространено и реальными фактами подкреплялось убеждение в полной безнаказанности несовершеннолетних. Наша забота о подрастающем поколении не снимает ни в коей мере вопроса о том, что даже здесь в отношении несовершеннолетних придется иной раз прибегать к суровым мерам принуждения, к суровым мерам наказания.

Но тут же надо помнить решающее указание т. Сталина «Репрессия является только вспомогательным орудием нашего социалистического наступления». Поэтому и закон от 7 апреля играет только вспомогательную, хотя и необходимую, роль в нашей борьбе с преступностью несовершеннолетних.

¹ См. статью братьев Тур «Любящие отцы» в «Изв. ЦИК и ВЦИК» № 121 от 24/V 1935 г.

Закон от 7 апреля 1935 г. может быть понят вследствие этого в сочетании с постановлением Совнаркома СССР и Центрального комитета партии от 31 мая 1935 г. о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности.

Это постановление с особой силой подчеркивает необходимость повседневной заботы о подрастающем поколении. Оно требует от общественных организаций, от государственных органов и от семьи создания таких условий, при которых детская беспризорность, безнадзорность были бы полностью изжиты.

Основа борьбы с преступностью несовершеннолетних должна, следовательно, лежать в организационно-воспитательных мероприятиях. Здесь обязанность усилить свою работу падает

не только на органы Наркомпроса, за которыми в этой области имеются серьезные долги.

Эта задача ложится не только на соответствующие организации, она ложится прежде всего на семью, которая хочет быть честной семьей трудящегося. Она ложится на каждого, кто хочет быть честным тружеником Советской страны. Это должна быть забота не только о своих детях, это должна быть забота о детях Советской страны¹.

Речь т. Сталина 4 мая о большевиках партийных и непартийных, о необходимости внимания и заботы к людям, эту обязанность делает обязанностью всех тех, кто честно борется за социализм, всех тех, кто хочет носить звание большевика партийного или непартийного.

А. Бендик

О работе народных судов по борьбе с несовершеннолетними преступниками в г. Москве²

Постановлениями правительства 7/IV и 31/IV 1935 г. дело борьбы с детской преступностью и безнадзорностью, которые совершенно нетерпимы в условиях победосно развивающегося социалистического строительства, поставлено на новые рельсы.

Этими постановлениями признано, что организации, призванные к разрешению этой задачи, не справились с нею, что «увещательные» формы работы, практикуемые некоторыми комонесами, не являются реальной борьбой с детской преступностью и не достигают цели.

Вот почему наряду с целым комплексом организационно-воспитательных мероприятий правительства, за преступление, предусмотренные законом 7/IV, несовершеннолетние предаются суду и караются по всей строгости уголовного закона.

Прошло уже два месяца работы специально выделенных участков нарсуда в Москве по борьбе с детской преступностью. Накопился уже некоторый опыт, который нужно вынести на обсуждение работников суда и прокуратуры и наметить пути для разрешения новых вопросов, неизвестных нашей прежней практике.

Первое время, после выделения специального участка нарсуда по делам несовершеннолетних, основная масса этой категории дел расследовалась отделениями милиции. Несмотря на специальное указание на то, что следствие по этим делам требует специального подхода, что с существующим в милиции шаблоном расследования подходить нельзя, большинство отделений милиции давали дела очень низкого качества.

Этот шаблон иногда носил прямо курьезный характер, когда допрашиваемому 12-летнему парнишке ставился вопрос: холост, женат, беспартийный и т. д. и наряду с этим не выявлялось основное: где родители, что они собой представляют, что толкнуло на преступление. Не

выявлялась обстановка в семье, школе, а главное не выявлялись побудители и подстрекатели взрослые.

Вот почему, несмотря на большое количество дел, возвращаемых на доследование прокуратурой, зачастую в процессе судебного следствия выявляются новые обстоятельства, говорящие о необходимости доследовать дело и привлечь в качестве обвиняемых новых лиц — подстрекателей.

Эти обстоятельства заставили прокуратуру г. Москвы очень резко поставить вопрос о запрещении отделениям милиции вести расследования по этим делам с тем, чтобы сконцентрировать их во вновь организуемом при Управлении РК милиции г. Москвы отделе борьбы с детской преступностью и безнадзорностью.

На обязанности отделений милиции осталось: прием заявлений от пострадавших, опрос первичных свидетелей, задержание пойманного на месте преступления и направление задержанного со всем материалом для окончания дела в отдел по борьбе с детской преступностью и безнадзорностью.

Что же касается дел наиболее крупных и сложных, то таковые с самого начала должны расследоваться ОБДПБ.

Дела, по которым привлекаются подростки в возрасте от 12 до 16 лет, как правило, должны слушаться в камере по делам несовершеннолетних. Исключением из этого правила могут быть только дела, по которым наряду с несовершеннолетним одновременно привлекаются и взрослые. В этом случае обвинительное заключение подписывает лично райпрокурор, а дело слушается под председательством ст. нарсуды.

Количество дел, направляемых в суд по делам несовершеннолетних, поставленные им сроки рассмотрения и соответствующее качество требуют наличия в камере не менее трех составов суда.

Такое решение и было вынесено в свое время, но несмотря на это, суд, начав работать 11 мая, работая до 7 июня только в одном составе, третьего состава нет и до настоя-

¹ Постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 31/IV 1935 г.

² В порядке обсуждения. Ред.

щего времени, благодаря чему в отдельные моменты в суде накопилось очень большое количество дел. Поэтому до 10 дней в суде находилось только 45% дел, до 20 дней — 40% и до месяца и выше — 15%. И это при наличии постановления о пятидневном прохождении дел в суде.

Основная масса дел, проходящих в суде, это дела, связанные с корыстными преступлениями. Среди них главное место занимают карманные кражи. Место преступления: трамвай, магазины, рынки, сады и парки, т. е. места наибольшего скопления публики. Затем идет воровство из магазинов, разлом палаток, открытое хищение беретов, сумок, золотых украшений, домовые кражи и наконец получение по подделанным чекам из магазинов различных товаров.

Все эти преступления составляют свыше 96% всех дел. Типичными примерами таких дел могут служить следующие преступления:

«Васкин — 12 лет. Имеет родителей, которые развелись и неизвестно где работают. От них он ушел около двух лет назад. Средства к жизни — нищенство, карманные кражи. Был направлен к своей бабушке, от нее ушел. Неоднократно приводился. 26/V на трамвайной остановке был задержан за карманную кражу. Виновным себя признал. Осужден на 1 год лишения свободы в колонии НКВД».

«Сутин-Зу и Давыдов. Первый бежал из трудкоммун, где находился по направлению от комонеса. 14 лет. Имеет отца и мать. Курит и пьет вино. Приводился несколько раз в милицию. Кражами занимается давно. Второй — 14½ лет, живет с родителями. Направлялся комонесом в Институт трудового воспитания, где пробыл 6 мес. В милицию приводился 3 раза, в МУР — 1 раз, в комонес — 1 раз. Кражами занимается с 1934 г.

Обвиняемые по обоюдному сговору 27/IV взломали 2 палатки и похитили из них 500 г дрови и пломбир. После этого пытались совершить квартирную кражу, но были задержаны.

Суд приговорил: Сутин-Зу и Давыдова к лишению свободы сроком на 2 года каждого. К Давыдову суд применил ст. 53 с испытательным сроком на 3 года и отпустил на поруки родителей».

«Антонов и др. Группа ребят под руководством Антонова, занимающегося кражами, неоднократно приводимого в отделение милиции в ЦГКО, по взаимной договоренности, в общественной уборной, закрыв дверь, ограбили трех подростков, отобрав у них серебряные часы стоимостью 250 руб. и 45 коп. деньгами. Антонов приговорен к 1 году лишения свободы. Остальные условно осуждены и отданы на поруки родителей».

Остальные дела падают на преступления против личности. Они составляют около 3,5%. К этой категории дел относятся: покушение на убийство, изнасилование, причинение телесных повреждений и т. д.

Характерный пример этого рода преступлений:

Монахов — 12 лет. Живет с родителями. В прошлом не приводился. Во время ссоры с другим мальчиком 9 лет нанес ножом ранение в спину. Преступление квалифицировано по ч. 2

ст. 143 УК. Монахов осужден к и.т. работам на 6 мес. — услови. на 1 год.

Из привлекаемых к суду было: детей рабочих и служащих — 68%, детей колхозников — 8%, детей единоличников — 2%, невыясненных — 2%, беспризорных — 20%.

Для того чтобы яснее представить лицо подсудимых, нужно добавить, что более 37% всех привлекаемых имеют только одного из родителей (отца или мать).

Таким образом немногим больше половины несовершеннолетних преступников формируется из полуоритов и беспризорников. Другая часть комплектуется из имеющих родителей, но эти родители не занимаются воспитанием своих детей, оставляют их без надзора под влиянием улицы или сами показывают им дурной пример.

Основная группа осужденных падает на 12—14-летних; их число доходит до 70%, от 14 до 16 — лет 25% и от 16 до 18 лет — 5%. Правда, цифра 16—18-летних непоказательна, ибо в основной своей массе они проходят в судах общей подсудности.

Основная масса осужденных приговорена к лишению свободы. По этой категории осужденны главным образом рецидивисты, беспризорные и совершившие наиболее крупные преступления.

Лишенные свободы на срок до 1 года включительно охватывают большую часть осужденных.

В процессе работы за этот, правда, короткий срок мы пришли к выводу о целесообразности вынести на обсуждение ряд вопросов, в частности следует обсудить наши предложения:

1. В практике работы прокуратуры г. Москвы были случаи привлечения к суду за мошенничество (ст. 169 УК).

Эти случаи Прокуратурой РСФСР были осуждены как неправильное расширительное толкование закона 7/IV 1935 г.

Прекратив направление таких дел в суд, мы все же считаем, что это запрещение неправильно, ибо в Москве подделка кассовых чеков магазинов и получение по ним разных товаров приняла большие размеры. Были задержаны несовершеннолетние с набором цифр и краской, которые к выбитому чеку в несколько копеек добавляли нужное количество рублей и получали товары.

Всякая кража есть присвоение чужой собственности, но она бывает простая и квалифицированная, т. е. с применением технических средств.

Мы считаем, что мошенничество по подделке кассовых чеков и получение по ним товаров есть кража квалифицированная, более опасная, чем простые кражи, предусмотренные ст. 162 УК, и естественно, что она подходит под действие закона 7/IV 1935 г., поэтому необходимо это указание Прокуратуры РСФСР отменить и за эти преступления несовершеннолетних судить.

2. Увеличить применение условных осуждений для детей, имеющих родителей.

3. Не применять краткосрочного лишения свободы как не дающего средства для трудового перевоспитания.

4. Рекомендовать применение приговора о содержании до исправления или до достиже-

ния 18 лет сверх срока в приговоре по аналогии со ст. 57 УК.

5. В состав нарзаседателей включать педагогов и врачей.

6. Сделать обязательным участие защиты по делам с обвиняемым, не имеющим родителей.

7. Участие прокурора в судебных заседаниях ограничить лишь наиболее крупными делами и делами с привлечением взрослых по части 2 закона 7/IV 1935 г.

8. На время выступления защиты выводить малолетних обвиняемых из зала судебного заседания.

9. Считать необязательным выполнение ст. 206 УИК и вручение обвинительного заключения несовершеннолетним.

10. Обязательно разъяснять приговор суда, добываясь полного понимания его обвиняемым. Вот вопросы, на которые практические работники ожидают ответа от Прокуратуры Союза и редакции журнала «За соц. законность».

Д. Горвиц

Задачи защиты по делам несовершеннолетних

Специфика дел, где обвиняемыми являются несовершеннолетние, предъявляет к защите особые требования.

Для защитника выбор метода защиты — глубоко ответственный элемент в его работе.

Но выбор метода защиты по делу несовершеннолетнего осложнен еще и тем, что интересы последнего должны быть защитой правильно поняты и оценены не только в свете сегодняшнего дня, когда несовершеннолетний стоит перед судом, но и дальнейшей жизненной перспективы не вполне еще установившейся и оформившейся личности обвиняемого.

Прямое и естественное стремление защиты по делам, где только допустимо, добиваться оправдания подзащитного, в делах несовершеннолетнего может порою и не вполне совпасть со стремлением, как лучше ему помочь выправиться, как оградить его от повторных преступлений, каким путем обеспечить ему правильный жизненный путь в дальнейшем.

Эту коллизию нередко дают дела тех обвиняемых, в ком улича воспитала устойчивые антисоциальные навыки, и тех, у кого не имеется правильной оценки окружающего и своих собственных поступков.

В каждом отдельном деле защита должна активно содействовать суду в выборе им наиболее целесообразных и действенных мер к искоренению в несовершеннолетнем тенденции к преступлениям.

С особой остротой встает вопрос о раскрытии личности обвиняемого не только путем опросов в судебном заседании, но и посредством умело проведенной с ним беседы о его прошлом и настоящем.

Если несовершеннолетний так же незнаком защитнику до разбора дела, как и суду, то большой помощи ни самому обвиняемому, ни суду от защиты ожидать не приходится.

Вот почему досудебная подготовка по делам несовершеннолетних приобретает такое большое значение и почему она должна отличаться особой тщательностью.

Большевистская постановка вопроса в борьбе с детской преступностью и ее пособниками, данная в законе 7/IV 1935 г., обеспечение профилактической работы в деле охраны и защиты прав несовершеннолетних и малолетних реальными мероприятиями, предусмотренными постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1/VI с. г., открывает перед защитой широкую возможность помогать суду не только в правиль-

ной оценке судебных фактов и квалификации деяния, но и в разрешении глубоко ответственного вопроса: какую наиболее реальную меру применить к обвиняемому с учетом его личности, его детского прошлого и быта его настоящего.

Все эти задачи приводят к требованию: немедленно приступить к подготовке кадров специализированной защиты по делам несовершеннолетних.

Знание не только действующего права и процесса, техники ведения дел, но и основ современных учений о подростковом возрасте, основательное знание и практическое ознакомление с сетью подростковых воспитательных и исправительных учреждений, — таковы непреложные требования, какими должен обладать наш специалист-защитник по делам несовершеннолетних.

Поскольку весь судебный процесс по делам несовершеннолетних (как равно и следственный) должен содержать в себе элементы сугубо воспитательного свойства, защитник должен уметь свою защитительную работу ставить в соответствии с этими требованиями.

Прямые и ясные вопросы обвиняемому, потерпевшим и свидетелям, четкий опрос родителей и опекунов, глубокое выяснение личности несовершеннолетнего, его интересов и направленности, краткое заключение защиты, а не речь, рассчитанная на внешний эффект, — таков схематически «производственный процесс» защиты в судебном заседании камеры по делам несовершеннолетних.

От защитника требуется не меньшее личное воспитательное воздействие на несовершеннолетнего обвиняемого, чем от судьи, руководящего процессом.

По самой своей роли защитник, если он только обладает умением обращаться с несовершеннолетними, только понимать их психику, может установить тесный контакт с несовершеннолетним, и в предварительных беседах личность и обстоятельство дела несовершеннолетнего он может наиболее полно вскрыть.

В целях устранения из уголовного процесса всего, что может иметь антивоспитательное влияние, для несовершеннолетних необходимо внести в процесс некоторые отступления от действующих норм.

Так, двухмесячный опыт работы защиты в камере по делам несовершеннолетних в Москве при Даниловском приемнике убеждает в том,

что защита должна давать свое заключение в отсутствие обвиняемого.

Этим требованием достигается необходимое ограждение несовершеннолетнего от фиксации оценок его деяний и личности, а также обоснований применения к нему мер общей и частной превенции.

Этим путем может быть пресечено развитие ложного героизма, позерства, что так свойственно подростковому возрасту, а также тяжелых последствий уязвленного самолюбия, болезненно пониженного самочувствия.

Наряду с этим отступлением от правил процесса желательно и другое: по усмотрению председательствующего допустить в любой стадии процесса удаление из судебного зала несовершеннолетнего обвиняемого с тем однако, что по возвращении председательствующий знакомит его с существенными для обвинения обстоятельствами.

В какой мере вредно для несовершеннолетнего и как бывает стеснена защита при даче заключения присутствием несовершеннолетнего обвиняемого может служить следующее дело.

12-летний А-в обвиняется в похищении на кражу кошелка в булочной.

По словам обвиняемого, до задержания он был на улице лишь 17 дней.

Бежал из дома, так как не вынес жестокого обращения мачехи, по его же словам, отца у него нет, но в семье проживает его родной 19-летний брат, служащий счетоводом в Мичуринске.

На его жалобы брат отвечал ему «немного подожди, мы с тобой станем вместе жить».

Мотивируя необходимость проверки данных, сообщенных обвиняемым, путем запроса по указанным адресам семьи и школы, защита указывала, что если даже эти сведения подтвердятся, то без соответствующего согласия брата на взятие под свою опеку обвиняемого нецелесообразно возвращать его в семью, так как если условия для него не улучшатся, обвиняемый легко может снова очутиться на улице, а то и перед судом.

Если же все его показания вымышлены, то тем более отправление в Мичуринск нецелесообразно, так как если он не оттуда, то в детучреждение Мичуринска он не может быть принят, а в пути легко может совершить побег и снова, следовательно, очутиться на улице.

Когда же обвиняемому был объявлен приговор: 3 месяца исправительно-трудовых работ, с отправкой на родину, то у него, внимательно слушавшего ходатайство и заключение защиты, легко могла сложиться готовая «кустраивающая» его программа действий.

Изложенное далеко не исчерпывает вопроса о надлежащей организации защиты по делам несовершеннолетних. Нужно сказать, что президиум МОКЗ уделяет много внимания обеспечению лучшей организации защиты по делам несовершеннолетних. Изучение опыта МОКЗ может явиться серьезным материалом для улучшения качества защиты на этом весьма ответственном участке работы.

Л. Вуль

Хулиганство в Москве и борьба с ним

Ленин в «Очередных задачах Советской власти» (т. XXI, стр. 458—459) подчеркивает классовый характер хулиганства: «... все элементы разложения старого общества, неизбежно весьма многочисленные, связанные преимущественно с мелкой буржуазией... не могут не «показывать себя» при таком глубоком перевороте. А «показать себя» элементы разложения не могут иначе, как увеличением преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляции, безобразий всякого рода».

Хулиганство у нас является одной из форм сопротивления мелкобуржуазной стихии противопоставляемой сознательной пролетарской дисциплине, необходимой для коллективного труда, являющегося для нас «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства» (Сталин).

Охрана мирного труда — почетная и ответственная задача органов милиции, прокуратуры и суда.

Поэтому отношение к хулиганству, как к обыкновенному проявлению «удали», «молодечества», характеризующее мелкобуржуазную мещанскую психологию, смазывает политическое значение борьбы с хулиганством и развизывает элементы, дезорганизирующие социалистическое строительство.

Такое отношение к хулиганам далеко еще не

изжито в практике нашей работы и является одной из причин роста хулиганства, не встречающего должного отпора.

До последнего времени хулиганство в Москве было очень распространено. За последний год оно дало даже значительный рост, и поэтому борьба с ним занимает один из важнейших участков работы московской милиции.

1934 г. по сравнению с 1933 г. дал 40% увеличения случаев проявления хулиганства. При этом злостные проявления хулиганства, караемые в уголовном порядке, увеличились на 44,7%, незлостные формы, подпадающие под действие обязательного постановления Моссовета, дали рост на 35%.

В 1935 г. наблюдается дальнейший непрерывный рост злостного хулиганства и среднее ежемесячное число привлеченных в уголовном порядке за хулиганство, составлявшее в 1933 г. 817 чел., в 1934 г. возросло до 1182 чел. и в 1935 г. до 1524 чел.

Приведенные статистические данные находят свое объяснение в значительной мере в усилении борьбы с хулиганством, большим выявлением случаев его, привлечении в уголовном порядке за повторное хулиганство. Усиленное применение уголовной репрессии к хулиганам дало общее снижение в 1935 г. хулиганства на 3,8%.

Формы проявления хулиганства в Москве в 1935 г. дают следующую картину:

Дебоши, скандалы и драки составляют . . .	47,8%
Непристойное поведение » . . .	22,0%
Физическое насилие над гражданами составляют	12,7%
Физическое насилие над должностными лицами составляют	3,5%
Нанесение ранений составляют	0,3%

Остальные 13,7% составляют прочие виды хулиганства, связанного с порчей и истреблением чужого имущества, издевательством и т. д.

Наиболее пораженными хулиганством оказываются улицы, скверы, сады и парки: задержанные за хулиганство в этих местах составляют 45,2% всего числа привлеченных за хулиганство. Второе место занимает квартирное хулиганство, дающее 16,5% всех привлеченных за хулиганство, и на третьем месте — хулиганство в бараках и общежитиях (12,9%). Далее следуют кафе-рестораны (8,7%), трамваи и автобусы (6,1%), кино, театры, клубы (4,1%), предприятия и учреждения (2,4%) и рынки (2%).

В 1935 г. значительно снизилось уличное и рыночное хулиганство и увеличилось в квартирах, бараках, кафе и ресторанах.

Первое место среди привлеченных за хулиганство занимают по преимуществу выходцы из деревни: грузчики, ломовые, сезонники и тому подобные неквалифицированные рабочие, недавно прибывшие из деревни, культурно отсталые, не получившие производственной закалки и достаточной культурно-просветительной обработки.

Основной возраст хулиганов 18—24 лет. Эта группа составляет 39,6% всех привлеченных за хулиганство. В подавляющем большинстве случаев задержанные за хулиганство находятся в негрезвом состоянии. В 1935 г. среди задержанных хулиганов было 73,7% пьяных.

Суммируя приведенные данные, приходится констатировать, что в Москве: хулиганят главным образом в пьяном виде, преимущественно в возрасте 18—24 лет, чаще всего на улицах, в квартирах, бараках и общежитиях. Наиболее распространенными формами хулиганства являются дебоши, скандалы, непристойное поведение. Основную категорию хулиганствующих составляют неквалифицированные рабочие, неустойчивый элемент, летуны, люди, не ведущие никакой общественной работы.

Каковы основные причины развития хулиганства в Москве в столь значительных размерах?

На строительстве в Москве в 1935 г. ожидается прибытие около 50 000 временных рабочих, которые размещаются в бараках, общежитиях, рабочих городках и поселках. Культурно-массовая работа среди этих рабочих проводится крайне недостаточно, либо совсем не проводится. В большинстве барачных и общежитий, несмотря на наличие культработника и оборудованного красного уголка, беседы, доклады, разъяснение закона о борьбе с хулиганством не проводятся, досуг занят танцами («западными»), нередко сопровождаемыми пьянством. Процветают ругань, драки. Завкультбазой Метростроевского городка сам признался в том, что никакой работы по борьбе с хулиганством среди рабочих не велось. Такое же положение в большинстве остальных барачных и общежитий рабочих.

С другой стороны, суды проводили явно недостаточную карательную политику в отношении хулиганов, применяя почти сплошь принудительные работы за злостное хулиганство. Принудительные работы на деле сводятся к удержанию некоторого процента из зарплат работающих и к совершенному освобождению от наказания неработающих.

Вот несколько примеров «либерального» отношения судов к хулиганам:

Слюляков Д. П. пристал с гнусными предложениями к проходившей по Тверскому бульвару женщине. Получив отказ, ударил ее ногой и стал тащить за руки. При задержании оказал сопротивление, ударил учинспектора и разбил стекло в раме.

Приговорен к 6 мес. принудительных работ.

Колосов Ф. С. напал на рабочего, рассек ему бровь и нос, задержанный прохожими стал снова избивать рабочего. Приговорен к 7 мес. принудительных работ.

Имели место случаи подобного недопустимого подхода и со стороны прокуратуры. Так например 7/XI 1934 г. в женских бараках Газин и Сислов избili нескольких рабочих и одному из них нанесли даже ножевые ранения. От испуга работница Сбродова родила преждевременно мертвого ребенка.

Суд, куда было направлено дело через 2 дня, по требованию администрации и общественности барачников решил дело заслушать показательным процессом. Прокурор Краснопресненского р-на Тамазин отказался дать санкцию на содержание хулиганов под арестом до суда. В результате, когда дело было назначено к слушанию, оказалось, что обвиняемые скрылись в день освобождения их из-под стражи и до сих пор не разысканы.

Тогда же по распоряжению прокурора Бауманского р-на Васильева были освобождены из-под стражи хулиганы Макаров А. И. и Богачев, которые вместе с другими 17/XI 1934 г. по Садово-Земляной ул. затеяли драку, у стоявшего на посту бригадирца Макарова сорвал свисток с руки, повязку и постовую сумку, при задержании укусил за палец, другие хулиганы стали наносить ему удары по лицу, причем Богачев угрожал бригадирцу пожом.

Учет привлеченных за хулиганство страдал большими недостатками. Так например, Кулагин Н. без определенных занятий, в течение года систематически пьянствовал, за один только месяц 8 раз доставлялся в наркоприемник в состоянии сильного опьянения и не подвергался никаким взысканиям.

Таким образом надо отметить в качестве одной из основных причин развития хулиганства в Москве в первую голову большую наплыв сезонников, преимущественно молодежи, невтянутой в производственную жизнь, при отсутствии развернутой культурно-массовой работы в бараках и общежитиях среди молодежи. Способствовала этому и слабость репрессии за хулиганство, освобождение их из-под стражи до суда, недостаточно четко поставленный учет административных взысканий за хулиганство, позволявший многократно привлеченным за хулиганство избегать уголовной ответственности.

Нередко хулиганство перерастало в открытые нападения и грабежи. Большинство задержанных вооруженных грабителей оказались имеющими в прошлом судимость и приводы за хулиганство.

Московской милицией был предпринят целый ряд мероприятий по усилению борьбы с хулиганством. Помимо мобилизации всего аппарата милиции, установления дополнительных милицеских постов в местах, пораженных хулиганством, усиления охраны окраин города и вокзальных площадей, широкого вовлечения бригад содействия милиции и дворников, непосредственного участия начсостава милиции в борьбе с хулиганством, были приняты в ведение милиции наркоприемники и изменена система учета привлеченных за хулиганство, благодаря чему выявлено много злостных хулиганов-рецидивистов, к которым применены меры судебной и административной репрессии.

Административное взыскание за хулиганство приравнивается к приводу. Каждое отделение милиции ведет учет всех хулиганских проявлений, совершенных лицами, проживающими на обслуживаемой ими территории, независимо от того, где это хулиганское проявление имело место. В составе отдела уголовного розыска организовано специальное отделение по борьбе с злостным хулиганством.

Это усиление борьбы оказалось в увеличении числа задержанных хулиганов на 17% в феврале и на 56% в марте по сравнению с январем 1935 г., причем в 1½ раза выросло в марте по сравнению с январем число привлеченных к административной ответственности и почти вдвое возросло число привлеченных к уголовной ответственности хулиганов; применение ареста дало увеличение в феврале на 27% и в марте почти в 2½ раза.

Со стороны прокуратуры и судов была также усилена борьба со злостным хулиганством. Суды стали применять жесткие меры репрессии, провели целый ряд показательных процессов непосредственно в клубах предприятий, пораженных хулиганством.

Московской милицией введена в практику обязательная посылка по месту службы (завомам, заводоуправлениям) извещений о всех привлеченных за хулиганство для обсуждения проступков этих лиц общественностью предприятия, учреждения.

Специально проведенная проверка показала, что профессиональные организации большинства московских предприятий очень слабо реагируют на извещения милиции о хулиганстве рабочих и служащих данного предприятия и не принимают никаких мер общественного воздействия. Так по Краснопресненскому р-ну на 1340 извещений, посланных за I квартал 1935 г., получено всего 37 ответов.

Пример 3-да «Кальябр» показывает, какую помощь может оказать общественность. Здесь на основании полученных извещений милиции коочегар Юдов цехкомом исключен из ударников с вынесением общественного порицания, слесарь Алексеев в первый раз исключен из союза и из числа ударников, во второй раз — исключен из спецгруппы и предупрежден об увольнении; рабочие Мартынов, Чередилов и Хохол уволены с завода.

Такая мобилизация общественного мнения, резко отрицательная оценка хулиганства несомненно оказывает значительно большее воздействие на хулиганов, чем штраф или принудительные работы, являющиеся платой за пьяное веселье, издержками «буйного права».

Управлением Московской милиции было обращено внимание на нереальность принудительных

как меры борьбы с хулиганством. Произведенная милицией массовая проверка (проверено около 500 чел.) показала, что на учете в пригудбюро состояли такие лица, как:

Лисовский П. И. без определенных занятий, судившийся и приговоренный

1927 г.	Нарсудом Сок. р-на	к лиш. своб.	на 1 мес.
1927 »	»	»	» к принудраб. » 3 »
1927 »	»	»	» к лиш. своб. » 6 »
1930 «	»	Баум. »	» » » 2 »
1933 »	»	Стал. »	» к принудраб. » 7 »
1934 »	»	Дзер. »	» » » 6 »

Бархударов С. С. осужденный

12/II 1933 г. Нарсудом Дзержин. р-на за спекуляцию — к 3 мес. принудраб.

23/X 1933 г. Нарсудом 3 уч. Прол. р-на за хулиганство — к 6 мес. принудраб.

26/XII 1934 г. Нарсудом 6 уч. Прол. р-на — к 7 мес. принудраб.

Кроме того Бархударов в 1932—1934 гг. привлекался за хулиганство к ответственности в административном порядке 8 раз и на него объявлено 3 розыска, как на уклоняющегося от отбытия принудраб. На 90% лиц состоящих на учете оказались компрометирующие сведения, отрицательные характеристики по месту жительства или работы. 46 чел. из них высланы, и продолжается дальнейшая проверка.

Огромную роль в борьбе с хулиганством в бараках, среди отсталых элементов деревни, сезонников, неквалифицированных рабочих могут сыграть коменданты барачков.

Милицией были проведены совещания перед 1 мая с. г. с 20 комендантами барачков и нач. городков, в которых живут 67 000 рабочих, отмечена их ответственность как должностных лиц за допущение хулиганства в бараках, за непринятие своевременных мер к пресечению хулиганства и извещению милиции, указано на необходимость использования предоставленных им административных прав, необходимость оживления культпросветработы, разъяснения закона о борьбе с хулиганством. Опыт этот дал свои положительные профилактические результаты. Введены в предпраздничные и праздничные дни суточные дежурства, суточные обходы бригадами. Вызванным в отдел уголовного розыска лицам, замеченным в неоднократном хулиганстве, было сделано предупреждение. В результате в майские праздничные дни не зарегистрировано ни одного серьезного случая хулиганства по Москве, и в бараках и общежитиях отмечен в эти дни полный порядок.

На основе изучения характера, причин, форм проявления хулиганства, использования опыта работы, намечены дальнейшие мероприятия по борьбе с хулиганством необходимо провести в направлении: развертывания культмассовой работы на предприятиях, в бараках и общежитиях; опубликования в низовой печати всех случаев хулиганства рабочих и служащих данного предприятия и мобилизации внимания всей низовой и местной печати на борьбу с хулиганством; обсуждения всех случаев хулиганских проявлений на цеховых собраниях; усиления работы по проведению отчетных докладов милиции и органов прокуратуры на предприятиях по вопросу о борьбе с хулиганством;

постановки вопроса о лишении хулиганов паспортов на основании ходатайств, возбуждаемых заводскими профессиональными организациями и применения краткосрочного ареста (до 1 мес.) как меры административного взыскания в отношении хулиганов, уклоняющихся от уплаты наложенного штрафа или отбывтия принудработ; введения нового порядка рассмотрения заявлений об уменьшении или снятии штрафа за хулиганство исключительно по ходатайствам профсоюзных организаций, благодаря чему последним будет известно о хулиганских действиях членов данной профсоюзной организации и усилится роль и значение общественности в борьбе с хулиганством.

Взаимодействие общественно-массовой и культурно-просветительной работы и усиленной

административной и судебной репрессии к хулиганам, мобилизация на фронт борьбы с хулиганством всех органов милиции, прокуратуры и суда и всей общественности через печать, комсомол, профсоюзные организации бесспорно приведут в короткий срок к решительным победам на пути искоренения одного из отвратительных пережитков капитализма в сознании людей. Борьба с хулиганством на пути построения бесклассового социалистического общества является в данный момент важнейшей политической задачей и государственных органов, и советской общественности.

16 мая 1935 г.

А. С. Тагер

Кассационные заметки

(О кассационном заседании)

I

Наше уголовно-процессуальное законодательство, регулируя процедуру кассационного обжалования приговоров, останавливается не только на поводах к обжалованию, не только на субъектах обжалования, не только на том критерии, который должен быть положен в основу отмены и изменения приговоров, но уделяет также специальное внимание и вопросу о самом кассационном заседании, т. е. вопросу о порядке рассмотрения кассационных жалоб и протестов в кассационном суде.

В отличие от рассмотрения дела в первой инстанции в кассационном заседании нет той стадии процесса, которая именуется судебным следствием. В основе кассационного процесса лежит кассационная жалоба (или кассационный протест), а самое кассационное рассмотрение дела состоит из доклада и прений, за которыми следует совещание суда. Доклад делается одним из членов кассационного суда. Прения состоят из заключения прокуратуры и объяснений кассаторов, если таковые явились в кассационное заседание.

Таким образом источником ознакомления состава кассационного суда с делом является: во-первых, доклад того из судей, на которого возложено изучение дела, во-вторых, заключение прокурора при кассационном суде и, в-третьих, письменная кассационная жалоба и устные объяснения кассаторов.

Не нужно поэтому тратить много слов для доказательства того, насколько важна правильная организация процессуальным законом самого порядка рассмотрения дела в кассационном заседании и насколько важно исполнение этих требований закона, направленных на гарантирование высокого качества кассационных решений, посредством которых осуществляется конкретное руководство судебной практикой.

Основные указания о порядке рассмотрения дел в кассационном заседании даны в ст.ст. 410 и 435 УПК РСФСР.

Уголовно-процессуальные кодексы других советских республик заключают в себе по во-

просу о кассационном заседании постановления, не во всех частях совпадающие с законодательством РСФСР. Некоторые отличия будут ниже указаны (см. ст.ст. 344 и 365 УПК УССР, ст.ст. 409 и 434 УПК ГрузССР, ст. 339 УПК ТуркССР; в УПК УзбССР порядок вовсе не регулирован — ст. 153).

II

Рассмотрение дел в кассационном суде должно происходить в открытом судебном заседании. Это общее правило изложено и для Верховного суда и для краевых и областных судов (ст.ст. 435 и 409). Конечно, могут быть такие дела, при слушании которых двери судебного зала должны быть закрыты и в кассационной стадии, но полностью сохраняет свою силу основное указание: рассмотрение кассационных дел происходит в судебном заседании.

Как в Верховном суде, так и в краевых судах рассмотрение дела начинается в кассационном заседании докладом одного из судей.

В самом законе нет никаких более подробных указаний на то, в чем должен состоять этот кассационный доклад. Значение этого доклада ни в коем случае нельзя преуменьшать. Этот доклад чрезвычайно важен не только для самого состава суда, но и для кассаторов, дающих свои объяснения перед кассационным судом, и для прокурора, дающего заключение.

На практике положение с этими кассационными докладами совершенно ненормально и притом в двух отношениях.

На практике укоренился такой порядок, что доклады эти делаются не в судебном заседании, где присутствуют кассаторы и прокурор, а в совещательной комнате, т. е. вне судебного заседания, — в отсутствие и прокурора и кассаторов. Открывая судебное заседание, председательствующий в этих случаях объявляет, что доклад уже сделан, и предоставляет непосредственно слово для объяснений кассаторов.

А между тем и для кассаторов и для прокурора совершенно необходимо знать, как сделан

доклад, достаточно ли полно, во всех ли частях правильно. Если ошибки возможны в приговорах судов, в обвинительных заключениях, в самих кассационных решениях, то нет никаких оснований отрицать возможность ошибок, неполноты, неточности и в кассационных докладах.

Если бы эти доклады делались в судебном заседании, — кассаторы и прокурор, прослушав такой доклад, знали бы, насколько полно и правильно он сделан, чем его следует дополнить, на что следует обратить внимание, в чем допущены ошибки, нуждающиеся в исправлении, и т. д. Такой порядок может лишь способствовать повышению качества работы. Не слышав доклада, не зная его, ни кассаторы, ни прокурор естественно и не могут сделать к нему никаких поправок. Такое положение нельзя считать нормальным и безвредным для качества кассационной работы, в особенности имея в виду большой и сплошь и рядом решающий авторитет этого кассационного доклада для состава суда.

Поэтому необходимо обеспечить, чтобы требование закона на практике соблюдалось и чтобы тот кассационный доклад, с которого начинается слушание дела в кассационном суде, непременно делался в самом судебном заседании.

Не менее важным является вопрос об объеме и содержании этого кассационного доклада. В подавляющем большинстве случаев этот доклад ограничивается либо прочтением обжалуемого приговора, либо кратким и суммарным его изложением. По общему правилу ничего больше доклад в себе не содержит: ни постановки тех кассационных проблем, которые предстоит решить, ни систематизированной сводки кассационных жалоб, ни указания на те элементы судебного материала, которые следует иметь в виду при кассационном рассмотрении и обсуждении дела. Такой доклад, который исчерпывается чтением или пересказом приговора, не имеет, собственно говоря, никакого значения. Если приговор сложен, если осуждено большое количество обвиняемых, то его даже усвоить как следует нельзя при таком докладе.

Эти сухие, формальные доклады следовало бы оживить и наполнить процессуальным содержанием. Из всех советских уголовно-процессуальных кодексов лишь УПК УССР дает некоторые указания на содержание кассационного доклада; ст. 344 говорит о том, что «судебное заседание... начинается докладом одного из судей о содержании дела и сущности принесенных сторонами жалоб и протеста прокурора».

Ни в одном другом кодексе нет даже таких сжатых указаний.

Между тем доклад должен давать краткое, но полное представление о перспективе дела, об обвинениях, предъявленных по делу при предании суду и о судьбе этих обвинений в приговоре, об общем состоянии доказательственного материала; доклад должен дать постановку тех проблем, которые кассационному суду по данному конкретному делу предстоит решить. При этом надо иметь в виду, что советский уголовный процесс построен не на принципе чистой кассации, а имеет кассационно-реvisionsный характер. Поэтому кассационный суд обязан обсудить не только те нарушения, которые указаны жалобчиками, но и

те, которые самим судом будут обнаружены при рассмотрении дела. Поэтому в докладе не только должны быть систематизированы кассационные указания жалобщиков, но должны быть поставлены и те вопросы, которые докладчик считал бы необходимым поставить перед судом в реvisionsном порядке.

По всему такому докладу, насыщенному конкретным содержанием, почерпнутым из дела, и кассаторы и прокуратура смогли бы затем высказать свое мнение, внести поправки, дополнения и т. д.

Такая постановка доклада в кассационном заседании значительно бы, конечно, повысила качество кассационных решений, способствовала бы лучшей мотивировке этих решений и тем самым подняла бы качество конкретного руководства судебной практикой на большую высоту.

III

Следующим источником, на основании которого складывается кассационное решение является **заключение прокурора**.

И в этом вопросе положение, сложившееся на практике, не может быть признано нормальным прежде всего потому, что появление прокурора в кассационных заседаниях стало за последние годы чрезвычайно редким явлением.

Наиболее благополучной в этом отношении является военная коллегия Верховного суда СССР. Более часто, чем в других судах, прокуратура дает свои заключения в кассационных заседаниях в транспортной коллегии Верховного суда СССР.

В кассационных коллегиях Верховного суда РСФСР прокуратура появляется весьма редко. Таково же положение в Московском областном и Московском городском судах. У автора настоящей статьи нет исчерпывающих сведений о работе краевых и областных судов, но все то, что по конкретным делам известно, указывает на то, что и там появление прокуратуры в кассационном заседании отнюдь не частое явление.

Прошло уже больше года с тех пор как резко была подчеркнута А. Я. Вышинским необходимость «стоцентного» участия прокуроров в судебной деятельности как первой, так и кассационной инстанции» («За соц. законность» № 5 1934 г., стр. 29, также № 1 1935 г., стр. 10). Больше года прошло с тех пор, как те же указания были сделаны всесоюзным съездом работников юстиции.

На практике же надлежащего перелома еще нет. Таким образом в кассационной деятельности судов отпадает один из весьма существенных источников, на почве которых должно создаваться кассационное решение.

Процессуальное положение прокурорского заключения в кассационном заседании по-разному регламентировано для Верховного суда, с одной стороны, и для краевых судов, с другой стороны.

Ст. 435 УПК РСФСР устанавливает такой порядок: заседание начинается докладом судьи, затем идет заключение прокурора, а затем объяснения кассаторов.

Ст. 410 УПК устанавливает такой порядок: заседание начинается докладом судьи, затем выслушиваются объяснения кассатора, затем

заключение прокурора, а затем последнее слово подсудимого или его защитника.

В подавляющем большинстве случаев кассаторами являются осужденные. В кассационном заседании в качестве кассаторов являются либо сами подсудимые, либо их защитники. Независимо от различного построения порядка объяснений по ст.ст. 410 и 435, они обе имеют один общий принцип, который сводится к следующему: **кассатор-подсудимый или его защитник имеют право дать свои объяснения кассационному суду в ответ на заключение прокурора.**

Это право гарантировано подсудимому и его защитнику во всех советских уголовно-процессуальных кодексах, кроме УПК ТуркССР (ст. 330). В недавно выработанном проекте общесоюзного Уголовно-процессуального кодекса ст. 138 также гарантирует подсудимому или его защитнику право ответить прокурору в кассационном заседании.

Можно таким образом сказать, что это процессуальное правило, существующее в действующем законе, начиная с 1922 г., в отдельных советских республиках и принятое в первом проекте УПК СССР, является принципиальным для советского уголовного процесса.

По существу такое право в кассационном заседании столь же важно, как и в заседании суда первой инстанции. Заключение прокурора может быть неполным, неправильным и также может нуждаться в возражениях, как и речь прокурора первой инстанции.

На практике, в действительности, это право подсудимого или его защитника, ликвидировано вовсе. Ни в одном кассационном заседании Верховного суда РСФСР и Верховного суда СССР (по транспортной коллегии) защите за последние годы не предоставляется возможности ответить на заключение прокурора: либо для ответа на заключение прокурора не только не предлагается, но в нем прямо отказывается, когда защита им желает воспользоваться.

Вставить во время заключения прокурора то или иное замечание при этих условиях является единственным способом обратить внимание суда на ту или иную ошибку прокурорского заключения.

Положение явно ненормальное и столь же явно закону противоречащее. Нам кажется, что своевременно от такой практики отказаться.

IV.

Третьим источником, на базе которого складывается кассационное решение, являются кассационные жалобы осужденных и устные объяснения самих осужденных или их защитников в кассационном заседании.

Мы не забываем и кассационных протестов и кассационных жалоб других участников процесса, но они имеют весьма незначительное распространение по сравнению с кассационными жалобами подсудимых. Поэтому ниже помещенное изложение относится лишь к жалобам подсудимых и их защитников.

И здесь необходимо обратить внимание на два момента, по которым положение должно быть изменено.

В коллегиях защитников весьма распространены порядок написания защитниками жалоб от имени самих осужденных. Нам представляется это неправильным. Такой способ понижает чув-

ство ответственности за жалобу и тем самым ее качество. Есть такой взгляд, что от имени самого обвиняемого можно сплошь и рядом написать то, чего нельзя написать от имени защитника. Нельзя отрицать того, что есть такие судебные бумаги и заявления, которые необходимо должны быть сделаны от имени самого обвиняемого. Бумага с признанием тех или иных фактов, утверждения, имеющие характер показания, и т. д. Такие бумаги должны быть написаны от имени самого обвиняемого. Но кассационная жалоба к числу таких бумаг никоим образом отнесена быть не может.

Если защитник не может подписать от своего имени им же самим написанное, то можно работы защиты в кассационном суде, сводится с успехом этого не писать и от имени обвиняемого. А если для написания той или иной жалобы от имени обвиняемого имеются достаточные основания, то защитник должен и может эту жалобу сам подписать. Качество кассационной работы защиты при этих условиях должно повыситься. А это важно и для работы суда в целом. Другой вопрос, касающийся к следующему.

Защитой обслужено в верховных судах совершенно ничтожное количество дел из общей их массы, проходящей через кассационные заседания. Весьма сложные дела, с большим количеством осужденных, с весьма значительной репрессией, сплошь и рядом защитой в кассационной стадии не обслуживаются.

Если считать, что участие защиты в кассационной инстанции полезно, то должны быть приняты меры к тому, чтобы организовать обслуживание кассационных дел защитой в верховных судах — в Москве, в Киеве и других столицах союзных республик. Мысль эта уже созрела в президиуме московской коллегии защитников, и пора приступить к ее осуществлению. Речь идет о создании при соответствующих президиумах коллегии защитников специальных иногородних отделов (или консультаций), которые в организованном порядке принимали бы на себя обслуживание кассационных дел по поручениям иногородних президиумов коллегий, консультаций и отдельных защитников, направляющих кассационные жалобы в верховные суды.

V.

Последние замечания относятся к внешней стороне кассационных заседаний в Верховном суде РСФСР и в Верховном суде СССР.

На эти кассационные заседания съезжают люди со всего Союза, жаждущие попасть в заседание Верховного суда.

Весьма редко кассационные заседания сейчас происходят в залах судебного заседания.

Почти всегда кассационные дела слушаются в маленьких кабинетах, в которых столы и стулья завалены горами судебных производств.

Не всегда приехавший в Москву осужденный или его родственник имеет стул, на котором он мог бы выслушать происходящее в судебном заседании. В этих кабинетах он обычно должен жаться где-то в углу, у дверей, явно чувствуя, что он здесь лишний.

Во время заседания в этих кабинетах звонит телефон, прерывающий рассмотрение дела.

Участникам процесса негде разложить бумаги. Приходится приспособляться на окнах, диванах и т. д. Нам приходилось участвовать в кассационных заседаниях, происходивших в столь миниатюрных кабинетах, что даже не все участники процесса могли в комнате поместиться.

Зачем это нужно?

В. Чернов

Правильно организовать и провести обыск

Конечной целью расследования всякого уголовного дела является обнаружение виновника преступления. Путем собирания вполне веских и основательных улик устанавливается личность преступника, характер и объем его действий, что позволяет восстановить как картину преступления в возможно полном ее виде, начиная от фактической стороны, вплоть до общественно-политического значения преступления, так и дает возможность полно выявить и установить личность преступника.

Методы, формы и приемы собирания этих улик в основном определены нашим процессуальным законодательством, а со стороны техники их применения и осуществления уточнены и разработаны следственной практикой, опытом и нашей литературой по специальным вопросам криминалистики.

В комплексе различного рода улик, обеспечивающих полный и ясный ответ на всю сумму вопросов по каждому конкретному делу, особое значение имеют материальные улики или вещественные доказательства. Эти улики, правильно поняты и правильно использованные, дают в процессе расследования блестящие результаты, а в ряде случаев очень значительно сокращают объем и время расследования (делая ненужным целый ряд допросов с очень сомнительными результатами этих допросов) и намного облегчают и упрощают работу органа расследования.

В системе методов и приемов собирания материальных улик одно из первых мест по своей значимости и эффективности занимает обыск.

Однако в практике этот метод используется очень плохо и в целом ряде случаев не дает должных результатов только в силу методически неправильной постановки вопроса об обыске и методически неправильной его организации применительно к конкретному делу.

Мы имеем основные положения методики организации и производства обыска, но в каждом отдельном случае в зависимости от целого ряда условий и в зависимости от характера и обстоятельств конкретного дела нужно суметь правильно выбрать и применить те или иные методические и технические приемы и принципы.

Не вдаваясь в подробное изложение теоретических вопросов, относящихся к обыску, я хочу привести конкретный пример того, как обыск может сразу распутать целый клубок и сделать неясное дело ясным и простым.

В одном учреждении была обнаружена кража облигаций госзаймов на сумму около 10 000 руб. По подозрению в краже был задержан

По всем вопросам, затронутым в настоящей статье и относящимся к процедуре кассационного заседания, закон дает четкие и правильные указания. Достаточно их только соблюдать.

В этом отношении от кассационной практики можно потребовать лишь одного — обратиться лицом к закону.

один из мелких служащих этого учреждения, причем основанием к его задержанию явилось обнаружение у него на руках двух закрепительных талонов пятирублевых облигаций с написанными на этих талонах чужими фамилиями.

Следователь выехал на место кражи в это учреждение. В течение нескольких часов он установил, что примерно месяца полтора до кражи казначей учреждения, уезжая в отпуск, передал облигации (не сдав их своему заместителю) делопроизводителю учреждения для составления описи и сдачи их на хранение в сберкассу. Делопроизводителю «некогда» было заняться этим делом, и он сунул облигации «до вечера» в шкаф с... архивными материалами и конечно забыл о них.

О том, что облигации лежат в незапирающемся шкафу с архивом, знали три низших технических работника финансового отдела.

Один из них, К., и оказался задержанным «как причастный» к этой краже.

Задержанный — комсомолец, рабочий, активист, премированный ударник — предъявил следователю письмо, в котором два товарища, ранее работавшие в этом учреждении, а теперь живущие в другом городе, просили К. сообщить им, сколько они должны еще доплатить за свои облигации, и выслать им закрепительные талоны, которых они при увольнении не получили.

К., зная, где лежат эти облигации, взял их закрепительные талоны, облигации же положил обратно в шкаф, но талоны отправить не «удосуживался». Наконец он решил их отправить, и когда, нисколько не скрывая их, начал запечатывать в конверт, эти талоны увидел начальник отдела и вспомнил об облигациях. Начали искать облигации, но их уже «и след простыл». По всем данным было очевидно, что К. здесь совершенно не при чем.

Не нужно было долго возиться, чтобы привлечь казначея и делопроизводителя за халатность.

Но встал вопрос: а где же все-таки облигации?

С момента кражи прошло около месяца, всякие следы уже давно стерлись, были уничтожены и затеряны.

Следователь начал правильно. Он изучал состав работников учреждения (кстати сказать в учреждение свободно могли входить только свои сотрудники, ночью у учреждения и в учреждении были часовые).

В результате двухдневного тщательного расследования, вернее изучения учреждения, поведения отдельных лиц, обстановки работы

и т. д., следователю удалось установить, что один из бывших техработников финотдела, некто Н., примерно недели три назад продал какому-то гражданину за 20 руб. облигации, стоящие по номиналу 50 руб. Об этом он сам рассказывал в пьяном виде свидетелю С.

Этот Н. и еще два работавших в других отделах учреждения технических сотрудника П. и Ж. довольно часто пьянствовали, к работе относились плохо, но облигаций у них никто не видел.

Н. мог продать и свои облигации, поэтому показание свидетеля С. не являлось еще такой крупной уликой. Подтвердить ее еще чем-либо не удалось. Н. не имел семьи, и установить, какие облигации он продал, проверить было невозможно.

Но эти самые лица: Н. и П. и Ж. примерно 25—30 дней до приезда следователя были осуждены за мошенничество, выразившееся в том, что они на ж.-д. станции брали у китайцев деньги на покупку билетов «вне очереди» и с этими деньгами скрывались.

Будучи осуждены, они были отправлены в исправительно-трудовую колонию в соседний город за 700 км от учреждения.

Больше ничего установить не удалось. Об облигациях никто и ничего больше сказать не мог.

В результате следователь после ряда логических построений на основе имеющихся материалов пришел к выводу, что кража облигаций — дело рук Н., П. и Ж., хотя прямых улик в отношении их в материалах расследования не было.

Было только подозрение, и то основанное по сути на логическом построении следователя.

Дело всем судебным и следственным работникам, с которыми поделился следователь, казалось явно безнадежным и нераскрываемым.

Следователь решил иначе. Он вопреки формальным требованиям не затребовал доставки ему Н., П. и Ж. из города, где они находились и который не входил в его участок, а поехал туда сам.

В городе следователь связался с начальником и.т. колонии и предложил ему немедленно же под каким-либо предлогом разъединить Н., П. и Ж., помещавшихся в одном корпусе. Оказалось, что Н. находится в другом изолированном корпусе, куда он был помещен в дисциплинарном порядке. П. и Ж. были направлены на разные работы в различных местах территории колонии.

Следователь сначала вызвал и допросил П., изолировал его в отдельную комнату, чтобы другие не узнали о его допросе и не знали, где он находится.

Таким же порядком были допрошены Ж. и Н.

Каждый из них не знал о допросе его товарищей.

Допрос ничего не дал. Дело яснее не стало. Тогда следователь решил произвести обыск в вещах каждого из них, хотя при поступлении в и.т. колонию они обыскивались. Обыск у Н. и Ж. ничего не дал.

При обыске у П. в вещах ничего найдено не было. Но следователь вел обыск очень внимательно и тщательно, не пропуская ни одной мелочи. У П. была старая, рваная рабочая блуза, которую он употреблял для обтирания обу-

ви от грязи. При внимательном осмотре этой блузы и ее карманов в одном из них был найден маленький бумажный шарик, величиной с горошину. Этот шарик был осторожно расправлен и на нем с небольшим трудом удалось прочесть написанную карандашом записку:

«Женя, если будем переезжать, то смотри в парикмахерской, во втором дымоходе».

Ключ от парикмахерской оказался почему-то у Н., работавшего в колонии парикмахером и унесшим его с собой при направлении его в корпус с более строгим режимом.

Парикмахерская была вскрыта, и из второго дымохода над плитой следователь вынул те самые облигации на 9 000 с лишним рублей, которые пропали в учреждении.

В результате Н., П. и Ж. ничего не оставалось, как сознаться в совершенной ими краже.

Выяснилось, что при поступлении в и.т. колонию перед осмотром вещей и их личным обыском Н. попросился в уборную и спрятал там облигации в земляном полу, а когда он начал работать в парикмахерской, то перенес их в парикмахерскую.

Будучи в корпусе с более строгим режимом и узнав, что колония будет переселяться в другое место, Н. через часового передал найденную следователем записку.

Когда они ехали в и.т. колонию, то по дороге реализовали в сберкассах проезжаемых городов некоторую часть этих облигаций, выдавая их, конечно, за свои.

Приведенный пример позволяет сделать некоторые выводы, относящиеся к совокупности вопросов о методике и организации обыска.

Никогда нельзя пренебрегать обыском, даже по прошествии значительного времени с момента совершения преступления. В целом ряде случаев и по истечении с момента совершения преступления значительного времени обыск может оказаться вовсе незапоздалым и дать ценные данные и указания.

Назначать какие-то сроки, по истечении которых следует считать обыск запоздалым или незапоздалым, конечно, нельзя; все зависит от конкретных обстоятельств и от умения следователя оценить эти обстоятельства и разобраться в них. Мне хочется только предупредить от поспешного «отмахивания» от обыска в тех случаях, когда с момента совершения преступления прошел уже значительный срок.

Не всегда нужно при решении вопроса об обыске ставить себе целью найти какую-нибудь определенную вещь и устремлять свое внимание только на поиски этой вещи. Ставя себе **конечной целью** нахождение определенной вещи, не нужно опускать и задачу (ближайшую цель) найти в процессе обыска указания на отдельные обстоятельства и указания на главную вещь — главную цель обыска.

В приведенном примере следователь искал облигации, но в процессе обыска он также устремлял свое внимание на нахождение указаний об этих облигациях (чем в данном случае явилась записка).

Естественно, что непременным условием успешности обыска являются особая внимательность и тщательность при его производстве: не торопиться, не комкать, не соваться бессистемно везде и всюду, а внимательно, планомерно, вдумчиво вести обыск, не опуская ни одной мелочи.

И, наконец, еще два момента: внезапность обыска для обыскиваемых и недопустимость общения и сообщения между собою тех лиц, у которых производится обыск.

Эти два момента должны быть каждый раз (при решении вопроса об организации обыска) в центре внимания органов расследования, должны быть предусмотрены и продуманы для того, чтобы сама организация и производство обыска отвечали этим двум требованиям.

Совершенно очевидно, что обыск, о котором узнают заранее или которого ждут уже, меньше может рассчитывать на хорошие результаты, чем обыск внезапный и неожиданный для обыскиваемого.

И. Крастин

Юридическая подготовка судебного-прокурорских работников

В свете выступления т. Сталина 4 мая вопрос о подготовке кадров юстиции приобретает исключительное значение: тут действительно необходима переоценка всех ценностей.

К сожалению, мы не можем не сказать, что среди работников юстиции есть еще госпожи Простаковы, которые считают, что «зачем судье-пролетарию наука, если у него есть революционное сознание и пролетарская совесть». Хорошо, если такие прокуроры или судьи занимают высокие посты и для исправления их орфографических ошибок к их услугам стенографистки и машинистки. Но за большими людьми тянутся и маленькие, — и тогда получается приговор, «переполненный фактическими и орфографическими ошибками». Хорошо, конечно, что таких людей становится среди нас все меньше и меньше, что больше и больше становится таких, которые овладели техникой своего дела, стали прокурорами и судьями не только образованными, но и грамотными.

При напряженной работе, при той огромной перегрузке, которую несет каждый судья, прокурор и следователь, это могут сделать только отдельные единицы, люди, у которых хватает силы и выдержки на это. Очень многие же страдают от своей юридической и технической неграмотности, тянутся к учебе и не всегда это свое желание могут удовлетворить.

Мы знаем, что есть работники грамотные и неграмотные, образованные и необразованные, подготовленные и неподготовленные, но до сих пор нет никакого критерия, хотя бы формально определяющего, каковой же должна быть подготовка работника юстиции.

Еще в октябре прошлого года был издан приказ о юридическом минимуме, выработаны программы и разосланы на места. Но сдачу юрминимума пришлось отложить сначала на несколько месяцев, а теперь уже до конца 1935 г. Работники юстиции проходят юрминимум, еще до сих пор не имея необходимой литературы, не имея времени для подготовки. Кое-где учитывая все эти обстоятельства, на сдачу юрминимума смотрят сквозь пальцы. Зачеты принимаются кое-как.

Однако предположим, что юрминимум будет сдан удовлетворительно. И все-таки этот юр-

В приведенном примере Н., П. и Ж., находясь в и.-т. колонии и пройдя обыск вещей и личный обыск при поступлении в колонию, конечно, меньше всего ожидали обыска для розыска облигаций. Кроме того этот обыск для них был еще более внезапен и тем, что они не знали и не подозревали о приезде следователя в и.-т. колонию.

Обыск в процессе расследования целого ряда дел может оказаться замечательным средством и способом для получения чрезвычайно важных и основательных улик и доказательств.

Нужно только в каждом отдельном случае правильно применять его, правильно организовать и провести.

минимум лишь тот минимум, который достаточно считать нельзя. Это минимум, который можно только считать первым шагом переподготовки судьи, прокурора и следователя.

Работники юстиции в вопросе подготовки должны брать пример с хозяйственников. Сейчас уже общепризнано, что для того, чтобы руководить производством, надо прежде всего знать это производство, надо быть высококвалифицированным производственным, надо быть инженером. Звание инженера — это формальный признак. Может быть и хороший инженер и плохой инженер, — это верно. Но наши хозяйственники учатся, учатся по-серьезному овладевать техникой, знать и понимать эту технику. А ведь они имеют дело с мертвым материалом, с большими ценностями, но все же с мертвыми ценностями. Их ошибки, их невежество исчисляются убытками в рублях. Работники юстиции имеют дело с живым человеком.

«Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в этом мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры» (Сталин).

А ведь работники юстиции имеют дело как раз с этими кадрами. И нельзя оставлять работников юстиции в том положении, в каком они были и в каком они есть.

Суд является одним из мощных орудий диктатуры пролетариата, суд — это средство, которое применяется последним, и надо, чтобы это средство было в руках людей, о которых нельзя было бы сказать, что «судья прежде всего невежественный человек, который не знает своего дела, не видит, кого судит».

Для нас, работников юстиции, лозунг т. Сталина «кадры решают все» означает не только необходимость в выдержанном пролетарии, но и в марксистски образованном и высококультурном судье, прокуроре, следователе. Конечно, на первое место надо поставить вопрос о подборе и отборе этих работников. Для этого, конечно, прежде всего надо знать работников юстиции по существу, знать всех, а не только в общем и целом, знать каждого в отдельности, знать его подготовку, его квалифика-

цию. Но для этого надо иметь и какой-то формальный признак. И этим формальным признаком, мне кажется, сейчас пора выдвинуть требование к каждому судье, прокурору и следователю иметь высшее юридическое образование. Повторяю, этот критерий — формальный и весьма недостаточный, но все-таки это критерий. Это требование для нас сейчас является серьезным и тяжелым, но отнюдь не недостижимым.

По СССР на 1 марта 1935 г. среди прокурорско-следственного состава процент работников с высшим образованием составляет около 15; для специальных прокуратур этот процент повышается до 20; в национальных республиках он падает до 12. В эти проценты включаются, конечно, как лица с дореволюционным высшим образованием, так и с после-революционным. Тут довольно много людей, у которых это высшее образование мало заметно. При всех условиях эти цифры мало утешительны.

Работников со средним образованием около 30%. Правда, в этот процент входит много людей, среднее образование которых определяется по принципу: читать, писать умеет, в арифметике понимает, — ну, значит, образование так себе, «среднее». Но довольно значительно количество окончивших наши техникумы, красные, областные юридические курсы — годовые, шестимесячные.

Если учесть колоссальную, достигающую 30% в год текучесть (за 1934 г. в Узбекской прокуратуре текучесть достигла 80%), то становится немного страшно.

С подготовкой до сих пор дело тоже неблагоприятно. В текущем году наши институты дают всего 417 выпускников (по РСФСР—222). Далеко не все они займут должности прокуроров, судей и следователей.

В 1932 г. по РСФСР из институтов были аттестованы 61 прокурор и следователь и 21 судья; в 1933 г.—21 прокурор, 36 нарсудей и 36 следователей; в 1934 г.—16 прокуроров, 65 следователей и 48 судей.

Беда тут не только в количестве, конечно, но и в качестве. Большинство это все молодежь, не видевшая жизни.

Сейчас мы имеем налицо по Союзу 2779 студентов. Но в 1936 г. в связи с переходом институтов права на четырехлетний курс выпуска не будет.

В текущем году прием намечен по постановлению правительства в 1490 чел. на основные отделения институтов и 870—на подготовительные.

Высшие юридические курсы в текущем году выпустили только 70 переподготовленных работников.

Прием в настоящем году на двухгодичный курс Всесоюзной правовой академии — 150 чел. и на годичный курс Высших академических курсов при академии — 100 чел.

Существует еще Центральный заочный институт, могущий быть значительным подспорьем. Существует он с 1929 г., но почти ничего не дал. На данный момент в нем числится 3170 слушателей. В этом году институт предполагает довести эту цифру до 6 тыс. По количеству это — учреждение, которое могло бы явиться очень большим подспорьем, качество же его еще, к сожалению, весьма не на высоте. Глав-

ное — в бедственных его выпускных возможностях.

Беда еще этим полностью не исчерпывается. С профессорско-преподавательским составом дело обстоит очень скверно, чтобы не сказать катастрофически.

Институты Московский и Ленинградский — основные институты — недоукомплектованы преподавателями на 25%, остальные институты РСФСР — на 50%.

Качество преподавательского состава заставляет желать много лучшего.

Большим подспорьем могла бы быть аспирантура при институтах, но надо сказать прямо: до сих пор аспирантура поставлена очень плохо и дает она работников очень мало и слабо подготовленных. Надо кстати сказать, что из ИКП и из аспирантуры люди уходят не на преподавательскую работу, а очень часто на практическую, не имеющую никакого отношения к юстиции.

С учебными пособиями дело обстоит ниже всякой критики. По огромному большинству дисциплин пособия имеются в крайне ограниченном количестве. Удовлетворительных пособий очень мало, а по некоторым дисциплинам учебников вообще нет. Поэтому бывает так, что учебные планы строят исходя не из необходимости, а из возможности получить нужные учебники.

Надо добавить, что это на русском языке. Что же касается правовых факультетов институтов, работающих на национальных языках, то там дело обстоит совершенно катастрофически. Прежде всего до отдаленных национальных институтов выходящая правовая литература не доходит, частенко они даже не знают о выходящей литературе. Издательство «Советское законодательство» не возражает в принципе против рассылки в одном экземпляре всех книг, издаваемых издательством, но практически этого не делает.

В Узбекистане, например, на национальном языке из печати вышли: «За марксистско-ленинскую теорию государства и права» Машуканиса, «Революционная роль советского права» Стучки, «Основные задачи советской юстиции на современном этапе» Постышева (печатаются), «Учение о советском государстве и его конституция» Стучки, «Учение о государстве» Сарымсакова — и это все.

Количественно с нашими техникумами, годичными школами подготовки и шестимесячными курсами переподготовки дело обстоит значительно лучше. Годичных школ по Союзу — 31, слушателей — 10 300; на шестимесячных курсах слушателей — 1 750. Цифровые пометки выполняются. Но... с учебными пособиями тут дело обстоит ниже всякой критики, а преподавательский состав почти неизвестен.

Прежде всего мы должны твердо знать и понять одно простое обстоятельство: что когда т. Сталин выдвигает какой-нибудь лозунг, то это означает, что время для этого лозунга настало, что этот лозунг осуществим и что он будет осуществлен. Если т. Сталин выдвинул лозунг о том, что «Кадры решают все», то этот лозунг будет осуществлен и по отношению к работникам юстиции.

Разрешением вопроса о подготовке кадров юстиции должны заняться не только руководство юстиции, но и каждый отдельный работник, ибо дело решается не только тем, чтобы

подготавливать, а гораздо большим — тем, чтобы подготавливаться.

Постановление правительства от 5 марта этого года дает для этого все возможности, необходимо только последовательное и неуклонное его выполнение.

Прежде всего необходимо, чтобы Всесоюзная правовая академия и Высшие академические курсы были заполнены лучшими работниками, которые по получению образования действительно дадут необходимые кадры.

Необходимо, чтобы комплектование институтов также не прошло мимо местных руководителей юстиции, мимо даже отдельных работников юстиции.

Необходимо, чтобы на наши техникумы смотрели как на подготовительную ступень, чтобы работа в них была поставлена достаточно

К. Маслов,

П. Тарасов-Радионов

Сдать юрминимум на отлично

Подготовка судебно-прокурорских работников к сдаче юрминимума приобретает колоссальное политическое значение особенно в свете последних указаний т. Сталина, сделанных им в речи на выпуске академиков Красной армии 4 мая с. г.

Заботливое выращивание кадров, оказание им максимальной помощи является первейшей обязанностью всех органов прокуратуры и суда, особенно сейчас, когда по всему Союзу ССР идет подготовка всех практических судебно-прокурорско-следственных работников к сдаче юрминимума.

Успех хода учебы, подготовки практических кадров, а следовательно и результатов сдачи зачетов зависит в основном от областных, краевых органов прокуратуры и суда, от того, как они сумеют обеспечить этот важнейший на сегодняшний день участок работы.

Постановка подготовки практических прокурорско-следственных работников должна явиться одним из основных показателей происходящего сейчас по РСФСР конкурса на лучшее руководство следствием, одним из основных показателей выполнения на местах решений I всесоюзного совещания работников суда и прокуратуры.

Очевидно, что без надлежаще поставленной серьезной работы по поднятию квалификации, по поднятию уровня теоретических знаний практических судебно-прокурорско-следственных работников мы не сможем поднять качество работы и в первую очередь следствия, не сможем с честью выполнить ответственных задач, поставленных партией и правительством перед органами суда и прокуратуры.

В порядке обмена опытом мы хотим осветить работу Московской облпрокуратуры и облсуда, проводимую сейчас в этом направлении.

В соответствии с приказом Прокуратуры Союза ССР и НКЮ по Московской области уже с середины октября 1934 г. началась работа по организации подготовки к сдаче юрминимума, при этом основное внимание вполне естественно было уделено периферийным работникам.

высоко и чтобы это расценивалось только как первая ступень.

Необходимо дальше выявить среди практических работников юстиции подготовленных преподавателей и заставить их преподавать. Необходимо переломить самый взгляд на преподавателя, взгляд, оценивающий профессора и преподавателя как работника второго сорта.

Надо наконец, — и это совсем не последнее требование, — поставить практического работника в культурные условия работы. Надо, чтобы он мог читать не только кодексы, не только специальную литературу, но и литературу художественную, иногда бывать и в театре.

Только высшим напряжением сил мы добьемся того, чтобы наш судья, прокурор был действительно культурным юристом. А этого мы достичь можем, должны достичь и достигнем.

Надо отметить, что первое время эта работа не сразу была развернута в нужных размерах.

17 октября 1934 г. специальным письмом облпрокуратуры и облсуда всем районным прокурорам, нарсудьям и следователям было предложено немедленно приступить к освоению юридического минимума по программе, утвержденной НКЮ.

Облпрокуратура и облсуд рекомендовали, наравне с обязательной индивидуальной подготовкой, организовать кружки в пределах каждого района с охватом ими работников прокуратуры и суда и с привлечением работников НКВД и членов коллегии защитников.

Тогда же с целью снабжения программой юрминимума каждого судебно-прокурорского работника, подготавливающегося к сдаче юрминимума, и облегчения пользования ею Мособлпрокуратура отпечатала в типографии отдельной брошюрой программу юрминимума и в середине октября п. г. разослала ее всем прокурорско-следственным работникам области.

Учитывая, что следственные кадры требуют особо упорной работы по повышению их квалификации, облпрокуратура в период ноября 1934 г. — января 1935 г. организовала пять краткосрочных конференций-курсов следователей, охватив этими краткосрочными курсами 129 народных следователей области.

С большим успехом применялся на этих конференциях выдвинутый Институтом уголовной политики и Прокуратурой Союза ССР новый метод учебы в виде следственных упражнений.

Опыт показал, что довольно значительное время (6—7 час.), затрачиваемое на проведение каждого следственного упражнения, вполне окупается результатами, так как лишь после проведения следственного упражнения на определенную тему из области уголовного процесса или криминалистики достигалось осознательное закрепление знаний в той или иной области.

Хорошие результаты дало также и проведение следственного упражнения в сочетании с лекциями по судебной медицине.

Этот метод учебы получил самые лучшие отзывы со стороны всех следователей Московской обл.

Прокуратура Союза ССР и Наркомат юстиции обязали под ответственность обл(край)прокуроров и председателей обл(край)судов организовать везде на местах не только консультации, снабжение литературой, но также созыв конференций, периодическое чтение лекций.

Вполне естественно, что без всего этого не может быть достигнуто повышения квалификации практических работников, что в основном преследовалось введением обязательного юрминимума и в настоящее время приобрело важнейшее политическое значение.

Без всего этого сдача юрминимума может превратиться в формально-бюрократическое выполнение директивы, а по существу издательство и над смыслом этого, имеющего колоссальное политическое значение, мероприятия и над теми практическими работниками, у которых будут принимать зачеты без предварительного оказания реальной помощи этим товарищам в подготовке по программе юрминимума.

Статья т. Болдырева о ходе учебы в Западной обл., помещенная в № 5 журнала «За социалистическую законность», требует в этом отношении особого к себе внимания, сигнализируя о явном неблагополучии с ходом подготовки к сдаче юрминимума в отдельных областях и краях РСФСР.

В самом деле, в статье т. Болдырева указано, что лишь в 60 из 78 районов области, т. е. даже не во всех районах области, организованы специальные кружки. О работе же этих кружков и о какой-либо помощи им со стороны облпрокуратуры и облсуда не сказано ни слова.

Не тем ли объясняется это молчание, что помощи-то должной не было оказано, что даже организованные специальные кружки были предоставлены самим себе.

Такое предположение невольно напрашивается на основе приведенных в статье результатов досрочных испытаний по первым трем разделам программы юрминимума.

То положение, что более 40% всех районных прокуроров Западной обл. сдали зачеты по трем первым разделам программы «недостаточно удовлетворительно» и «слабо», т. е. неудовлетворительно, и ни один из районных прокуроров не сдал на отлично или на хорошо, заставляет более внимательно присмотреться к выполнению в Западной обл. важнейшей директивы по повышению квалификации практических судебно-прокурорско-следственных работников.

В середине марта с. г. специальным приказом облпрокуратуры и облсуда была создана объединенная учебно-методическая комиссия под председательством зам. облпрокурора, на которую было возложено руководство всей подготовкой райпрокуроров, нарсудей и следователей Московской обл. к сдаче юрминимума.

Одновременно был намечен ряд мероприятий по оказанию наибольшей помощи практическим работниками в их подготовке и сдаче зачетов по юрминимуму.

Облпрокуратура и облсуд предложили в каждом районе организовать юридический кружок (где таковые еще не были организованы), выделив ответственным руководителем кружка наиболее квалифицированного судебно-прокурорского работника данного района.

Были установлены твердые дни и часы работы кружков (пять раз в месяц, с 8 час. утра до 12 час. дня). Посещение кружка было равноценно к исполнению служебных обязанностей. Руководителям кружков было предложено вести учет посещаемости занятий, тем, прорабатываемых на каждом занятии, и успеваемости каждого из членов кружка.

Наряду со всем этим объединенной учебно-методической комиссией был организован учет работы юркружков и их руководителей, а также силами выезжающих на места работников аппарата облпрокуратуры и облсуда—контроль за работой юркружков.

Все это в значительной степени способствовало оживлению работы юркружков и постановке учебы на верный путь.

Наладив учебу в юркружках большинства районов области, — основное во всей подготовке к юрминимуму—учебно-методическая комиссия приступила к планомерному проведению в жизнь ряда мероприятий с целью оказания большей помощи практическим работникам на местах, организовав в то же время у себя персональный учет хода учебы каждого прокурора, нарсудьи и следователя, обязанного сдать юрминимум. В тоже время учебно-методической комиссией была организована заочная письменная консультация для юркружков.

По Московской обл. обязаны сдать зачеты по юрминимуму 450 судебно-прокурорских работников, в том числе 125 прокуроров, 211 нарсудей и 114 следователей.

Исходя из столь большого количества подлежащих подготовке судебно-прокурорских работников, и была построена возможная помощь практическим работникам в их подготовке к юрминимуму.

Преследуя задачи дать всем периферийным работникам на высоком уровне установочные политико-теоретические знания по всем основным дисциплинам юрминимума, учебно-методическая комиссия облпрокуратуры и облсуда в период с конца марта по начало мая с. г. организовала и провела по закрытым проводам девять двухчасовых радиолекций.

К чтению этих лекций были привлечены научные силы высокой квалификации.

Чтение радиолекций было проведено по следующим разделам программы юрминимума: уголовный процесс, революционная социалистическая законность и задачи органов юстиции, учение о государстве, уголовное право, хозяйственные право и аграрное колхозное право.

По уголовному процессу А. Я. Вышинским было прочитано 3 радиолекции.

На тему «Революционная социалистическая законность и задачи органов юстиции» лекция была прочитана Н. В. Крыленко.

Лекцию по учению о государстве прочел директор ИССП Комакадемии т. Пашуканис, по уголовному праву — проф. Волков, по хозяйственному праву — проф. Амфитеатов, по аграрному колхозному праву — проф. Павлов.

Особо ценным являлось то, что при чтении этих лекций была организована двусторонняя связь, что давало возможность слушающим практическим работникам тут же во время лек-

ций задавать с мест вопросы лектору и получать исчерпывающие ответы. Правда, за время лекционных часов ряду лекторов не удалось здесь же ответить на все заданные с мест вопросы. Однако и эти вопросы не остались без ответа, так как на них впоследствии лекторами были даны письменные ответы, помещенные затем в бюллетене облпрокуратуры.

Двусторонняя связь дала возможность немедленно проверять посещаемость лекций, а также и слышимость по отдельным районам. Наряду с этим учебно-методическая комиссия завела у себя учет посещения радиолекций каждым судебнно-прокурорским работником, обязанным сдать юрминимум.

С целью предоставления возможности проработки этих лекций на местах и лучшего закрепления полученных знаний, учитывая особенно то, что во многих районах эти лекции слушались при помощи наушников, что затрудняло естественно записывание, составление конспектов, учебно-методическая комиссия организовала стенографирование почти всех прочитанных радиолекций.

По мере правки стенограмм радиолекций учебно-методическая комиссия выпускает на правах рукописи стенограммы этих радиолекций с приложением к ним заданных вопросов и ответов лектора специальными бюллетенями облпрокуратуры, рассылая их в каждый район области.

Выпуск стенограмм лекций специальными номерами бюллетеня облпрокуратуры производится также с учетом установленной Наркомюстом очередности сдачи зачетов по отдельным разделам юрминимума.

Уже выпущены и разосланы во все районы области бюллетени с выравненными стенограммами лекций т. Волкова «Уголовное право» и т. Пашуканиса, «Учение о государстве».

Вполне естественно, что при серьезно ощущаемом на местах недостатке в литературе и при задержке выпуска специального издаваемого Наркомюстом пособия по всем разделам юрминимума эти бюллетени явились ценнейшим пособием для более углубленной проработки на юридических кружках.

Остальные стенограммы радиолекций будут выпущены в ближайшем будущем.

Не ограничившись всем этим, с целью оказания большей помощи практическим работникам в учебе, учебно-методическая комиссия Мособлпрокуратуры и облсуда в соответствии с предложением директивных организаций решила пропустить всех практических работников, подготовляющихся к сдаче юрминимума через специальные девятидневные конференции-курсы.

Дабы не тратить время на большие переезды и не оголять районы, поскольку по большому счету районов все судебнно-прокурорско-следственные работники должны сдавать юрминимум, а следовательно и пройти эти краткосрочные курсы, созыв конференций-курсов был организован в крупных центрах области — Рязань, Тула, Серпухов, Москва, с вызовом на каждый созыв конференций-курсов 50% судебнно-прокурорско-следственных работников из каждого района, территориально тяготеющего к месту очередного созыва конференций-курсов.

В связи с краткосрочностью этих конференций-курсов метод учебы на них был установлен лекционный, с обязательным, конечно,

освещением лектором всех возникающих у слушателей вопросов.

Исходя из общей программы юрминимума, тематика занятий на конференциях-курсах была построена следующим образом: учение о государстве — 8 час., судоустройство — 6 час., уголовное право, исправительно-трудовая политика — 16 час., уголовный процесс — 12 час., организация и методика следствия — 12 час., хозяйственное право — 6 час., трудовое право — 5 час., гражданский процесс — 6 час., аграрное право — 4 час.

Надо отметить, что разделу программы: организация и методика следствия было отведено 12 час. в связи с тем, что на каждом созыве конференций-курсов проводится одно следственное упражнение, занимающее 6—7 час.

Следственное упражнение как метод учебы вполне оправдало себя и на этих конференциях-курсах, где участвовали не только следователи, но и прокуроры, и народные судьи, получив на заключительных заседаниях самую лучшую оценку со стороны всех практических работников.

Проведение конференций-курсов было начато по окончании весеннего сева с 7 мая с. г. причем, исходя из того, что на каждый созыв вызывается не более 40—50 судебнно-прокурорско-следственных работников, при условии непрерывности очередных созывов конференций-курсов, все подготавливающиеся к сдаче юрминимума практические работники смогут быть пропущены лишь к началу августа.

До июля было проведено пять конференций-курсов с охватом ими около 200 прокуроров, народных судей и следователей.

Краткосрочность созываемых конференций-курсов и преследуемая ими задача — дать определенную сумму установочных знаний по каждой дисциплине в объеме программы по юрминимуму и ответить на все вопросы практических работников, дабы этим облегчить дальнейшую углубленную проработку всех дисциплин на юркружках на местах, требовали особо серьезного отношения к вопросу подбора преподавательских сил.

Конечно здесь встретилось немало трудностей, особенно в связи с необходимостью высвободить преподавателей из Москвы в район на 1—2—3 дня.

Надо отметить, что большую помощь в подборе и направлении на конференции-курсы вполне квалифицированных преподавателей оказали Институт уголовной политики, Московский правовой институт и ИССП Комакадемии.

Все прошедшие конференции были обеспечены вполне квалифицированными преподавательскими силами, членами и руководителями кафедр Московского правового института и научными работниками ИССП Комакадемии и Института уголовной политики.

На заключительных заседаниях конференций-курсов при подведении итогов учебы, наряду со здоровой критикой отдельных организационных неполадок и методов преподавания отдельных лекторов, все практические работники суда и прокуратуры, в том числе и работники с многолетним стажем, окончившие областные юридические курсы, констатировали, что в результате даже этой краткосрочной учебы они получили очень многое, что это даст возможность после дальнейшей, углубленной проработки на юркружках всего полученного — лучше подготовиться к сдаче зачетов по юрминимуму.

С целью лучшего закрепления и дальнейшего углубления полученных знаний на конференциях-курсах для юркружка каждого района области была роздана специальная литература, которая приобреталась учебно-методической комиссией по мере выхода ее из печати уже в начале 1935 г.

Каждый район сверх ранее полученной литературы еще получил по 8—15 книг почти по всем разделам юрминимума.

Эта литература конечно далеко не охватывает всех вопросов программы юрминимума и в связи с этим не может считаться вполне достаточной для подготовки к сдаче зачетов.

Основным пособием должен будет явиться выпускаемый сборник по юрминимуму, который, к сожалению, несколько задержался.

По выходе этого сборника из печати учебно-методическая комиссия рассчитывает немедленно снабдить им персонально каждого проку-

рора, нарсудью и следователя, подготавливающегося к сдаче юрминимума.

Однако время для дальнейшей учебы остается очень мало, так как первый срок сдачи зачетов установлен Наркомюстом к 15 сентября, по Московской же области прием зачетов по первой половине разделов программы юрминимума намечается на август.

Поэтому дальнейшая отсрочка выпуска сборника по юрминимуму может крайне болезненно отразиться на ходе подготовки, а следовательно и на результатах сдачи зачетов по юрминимуму.

Лишь при условии всемерной помощи практическим работникам, заботливого к ним отношения, сможет быть выполнена задача по укреплению кадров и поднятию качества работы органов суда и прокуратуры, и в первую очередь следственной работы, на уровень предъявляемых требований.

Тадевосян

Покончить с недооценкой гражданских дел

С каждым днем становится все более и более нетерпимой плохая работа судов по гражданским делам. Недостатки работы судов по жилищным, алиментным, трудовым и другим гражданским делам тем более ярко бросаются в глаза, чем значительней и решительней становятся требования максимально заботливого отношения к нуждам и интересам трудящихся в нашей стране. Левацко-ликвидаторские настроения многих судей и прокуроров, представлявших себе в 1930—1931 гг. дело таким образом, что с ликвидацией кулачества как класса ликвидируется у нас всякое гражданское право, а следовательно не будет и гражданских дел в судах, являются уже в значительной мере пройденным этапом. Однако неряшливость и безразличие в гражданском процессе, как результат ликвидаторства, либо явной некультурности и политической и правовой безграмотности, далеко еще не изжиты в нашей практике.

Между тем только политически близорукие люди могут представить дело так, как будто бы острота классового боя, находящей свое выражение и в гражданском праве, исчезает с момента, когда кулак или эмпан уже не выступают в суде открыто в качестве стороны по гражданско-правовому спору. Тысячи гражданских дел, в которых ведется борьба с бюрократизмом в договорных отношениях или с волокитой по алиментным и трудовым искам, с рвачеством по жилищным и трудовым делам и т. д. представляют арену классового боя в новых формах и в новых условиях.

С другой стороны, исключительно возросла ныне роль суда по гражданским делам как одного из органов, обслуживающих бытовые нужды трудящихся.

Поэтому четкая, бесперебойная, да притом высококачественная работа суда стала абсолютно необходимой. Но для того, чтобы аппарат работал именно так, он должен строго придерживаться установленных правил организации своей работы, т. е. процессуальных

норм. Несоблюдение этих норм в значительной мере обуславливает плохое качество судебной продукции по гражданским делам.

Вопрос этот настолько ясен и так исчерпывающе он разъяснен за последнее время (правда, большей частью в отношении уголовного процесса, но в равной мере это относится и к гражданскому), что на этом останавливаться не приходится.

Задача ныне заключается в том, чтобы требовать как от органов суда, так и прокуратуры решительного улучшения своей работы по гражданским делам, реального выполнения того, что на словах признается важным работниками этих органов, на деле же осуществляется далеко не всеми.

В самом деле, разве не прав Л. Сосновский («Известия» от 3 июля 1935 г. № 154), который, анализируя одно из решений нарсуда 1 участка Сокольнического р-на (судья Липов) по трудовому делу об увольнении гр. Малинина, наглядно показывает по меньшей мере неряшливое и легкомысленное отношение этого судьи к разбираемому делу, имеющему серьезное политическое значение не только с точки зрения защиты интересов трудящегося Малинина, но и с точки зрения того как в СССР суд как проводник революционной законности на деле борется с нарушениями трудового законодательства, с бюрократизмом. Разве мало у нас в той же Москве таких судей, которым по поводу многих выносимых ими решений с одинаковым основанием можно было бы сказать так, как говорит Л. Сосновский судье Липову: «И хотя вы это утверждаете не от своего только имени, а прямо «именем РСФСР», но позвольте нам, гражданам РСФСР, отмежеваться от вашего приговора, неприличного и РСФСР, неумного, небрежного...».

Перелистайте алиментные дела, эти важнейшие дела, от правильного решения которых нередко в буквальном смысле слова зависит уменьшение числа беспризорных и безнадзорных детей. Не говоря уже о том, что работа по взысканию алиментов судисполнителями

поставлена из рук вон плохо, о чем имеется целый ряд официальных постановлений верховных судов, очень мало сделано для решительного улучшения этого дела, самое рассмотрение этих исков проходит во многих случаях формально-бюрократически, нередко без принятия каких-либо мер к отысканию отца-ответчика и в его отсутствие, без участия прокурора, который считает подобные иски частными и к нему не относящимися делами.

В руках бюрократов написанные в интересах женщины и ребенка законы наши легко превращаются в свою противоположность, в источник бесконечной волокиты, напрасной траты сил и средств. Так например Гражданский процессуальный кодекс устанавливает специальное правило, согласно которому иски о средствах на содержание (об алиментах) могут предъявляться по месту жительства истца (прим. к ст. 25 ГПК). Само собой понятно, что без установления местонахождения ответчика, с которого после решения суда (вынесенного с применением указанного выше правила) можно было бы реально взыскивать средства на содержание, в большинстве случаев явно нецелесообразно самое рассмотрение и разрешение «спора» об алиментах. Кому нужны такие решения суда, которые по форме быть может и правильны, но существу же остаются нереализованными в большей своей части. Происходит это главным образом от того, что судебные органы вместо выявления и реального привлечения к ответственности недобросовестных, увиливающих от уплаты алиментов отцов предпочитают ограничиваться формальным выполнением закона, который предоставляет возможность рассматривать дело об алиментах по месту жительства истца, причем в случае неистовности фактического местопребывания ответчика не ожидать извещения о действительном получении повестки ответчиком, а назначать дело к слушанию по поступлению в суд копии повестки с надписью домоуправления последнего известного местожительства ответчика о состоявшемся получении им (домоуправлением) повестки (ст. 72 ГПК). Внешне иногда получается, что суд очень быстро и без волокиты рассмотрел и удовлетворил иск. На деле же получается издевательство, ибо годами по выданному судом по такому делу исполнительному листу ничего нельзя получить. Можно ли подсчитать, каких сил и средств стоит трудящимся подобное обслуживание их материально-бытовых нужд и интересов?

А по жилищным делам положение отнюдь не лучше. Перед нами два дела, о которых стоит рассказать, чтобы показать, как те же московские нарсуды решают гражданские споры.

28 марта 1935 г. нарсуд Ленинского р-на (народный судья т. Кокурошников) рассмотрел иск гр. Пыжик к гр. Смирнову и Хохлачеву о выселении. Суть дела сводилась к тому, что гр. Пыжик, который вместе со своим братом купил половину дачи у гр. Смирнова, просил суд выселить проживающего на его половине дачи гр. Хохлачева, родственника гр. Смирнова, в другую половину дачи, т. е. на площадь Смирнова. Суд установил, что братья Пыжик купили половину дачи с целью поселить там свою семью, причем ответчик Смирнов при продаже половины дачи естественно обязался освободить ее от Хохлачева. Поэтому нарсуд

вынес по столь простому делу ясное решение о выселении гр. Хохлачева к гр. Смирнову. Кажется ясно, что на этом суд должен был кончить первую стадию своей работы и после утверждения решения высшей инстанцией приступить ко второй, т. е. исполнительской стадии, которым, к сожалению, до сих пор еще нарсуды меньше всего занимаются. Но оказалось, что это не так. Правда, через некоторое время кассинстанция Мосгорсуда утвердила решение нарсуда и тем самым оно вступило в законную силу. Но какое значение имеет для нарсуда то, что решение вступило в законную силу? Если оно может с такой легкостью, как это часто бывает, изменяться или отменяться надзорными инстанциями, почему судья сам не может пересмотреть свое собственное решение? Мы отнюдь не имеем намерения разъяснять судье такие элементарные правила процесса, как недопустимость перерешения судом разрешенного уже им дела. Но проследить ход мыслей и действий судьи по данному делу мы обязаны. И вот однажды в мае, когда в суд вновь явился гр. Хохлачев и подал новое заявление, в котором между прочим указал, что нарсуд при рассмотрении иска Пыжик невнимательно отнесся к делу, почему он и просит пересмотреть решение; тот же нарсудья т. Кокурошников назначил дело вновь к слушанию и 8 мая 1935 г. вынес новое, противоположное первому, решение, т. е. в иске о выселении гр. Хохлачева отказать. Через некоторое время, т. е. 25 мая, это новое решение нарсуда было отменено Мосгорсудом, и «истина восторжествовала», но ведь подумайте только, какое впечатление невнимательности, неграмотности либо легкомыслия производит на трудящихся, для которых работает суд, подобного рода решение. Мы уже не говорим о потерянном сторонами времени, о многократных хождениях по инстанциям и т. д. В этом отношении характерно второе дело, дело нарсуда 3 участка Фрунзенского р-на г. Москвы по иску гр. Николаевской к гр. Фивейской и Лебедеву о признании обмена комнат недействительным.

При значительной тесноте и неудобствах жилищ в больших городах, при отсутствии свободных, сдающихся в наем квартир, обмен комнат является почти единственным средством, при помощи которого граждане имеют возможность выбирать себе более подходящее или удобное жилище. Поэтому как законодательство, так и практика жилищно-коммунальных органов идут навстречу этим нуждам населения, разрешая свободный обмен комнат, облегчая этот обмен при помощи специальных бюро обмена, но в то же время запрещая, конечно, спекуляцию комнатами. Судебным органам мало приходится иметь дело с исками о недействительности обмена комнат, так как обычно, прежде чем обменяться и переселиться, обменивающиеся тщательно проверяют все качества квартиры, условия переселения и т. д.

Но вот одно такое дело попало в нарсуд. Как оно разобрано и разрешено? Суть дела сводится к тому, что в мае 1934 г. нервная гр. Николаевская, которая, проживая в доме РЖСКТ, вдали от центра, систематически имела неприятности и устраивала таковые сама остальным жильцам квартиры, решила произвести обмен комнат со своей знакомой гр. Фивейской. Эта последняя, проживая в центре города, имела отдельную, изолированную квартиру, состоящую из одной комнаты и отгоро-

женной от нее передней. Несмотря на указанные удобства этой квартиры (центр города, изолированность), все же и она имела свои неудобства — шестой, чердачный этаж, временами при плохом центральном отоплении проступающая сырость. Николаевская бывала нередко у Фивейской в гостях, ей нравилась эта квартира, и она просила свою приятельницу обменяться комнатами. Она подала с этой целью в том же мае 1934 г. заявление в правление РЖСКТ с просьбой разрешить этот обмен и получила согласие правления. Однако муж Фивейской не согласился выехать в квартиру Николаевской из-за отдаленности ее от центра, и вследствие этого обмен не состоялся. Обмен, который стал потом предметом разбирательства суда, состоялся лишь в сентябре 1934 г., когда был найден третий человек, гр. Лебедев, пожелавший въехать в комнату Николаевской.

Стороны пришли к следующему соглашению: Фивейская отдает Николаевской свою комнату, но взамен получает не комнату Николаевской (куда, как сказано выше, она отказалась выехать еще в мае), а две комнаты Лебедева, Лебедев же получает комнату Фивейской. 25 сентября происходит этот обмен, который кажется на первый взгляд сложным, на самом же деле житейски он очень прост и в данном случае предназначен был для удовлетворения различных жилищных требований и нужд обменявшихся. При ближайшем, а не поверхностном (как это позволил себе суд) ознакомлении с делом легко установить, что, отдавая некоторые удобства своих комнат, взамен их обменивающиеся трудящиеся искали и нашли другие удобства. Перечислим их, чтобы показать всю несуразность дальнейшей судебной полочки, явившейся результатом непонимания судом своих задач в гражданском деле. Для нервно-больной Николаевской, как мы указали, представилась возможность получить изолированную комнату Фивейской, и это для нее было важнее всех прочих удобств ее прежней квартиры. Фивейская по состоянию своего здоровья в тот период времени не могла жить на шестом этаже и согласилась жить, хотя бы в старом доме с голландским отоплением, но в первом этаже; при этом она получила вместо одной своей комнаты две комнаты Лебедева что устраивало еще больше ее, так как из всех трех обменявшихся наибольшее число членов семьи у Фивейской. Лебедев же имея большую туберкулезом в третьей стадии жену, искал и нашел в комнате Николаевской центральное отопление и охотно согласился выехать в отдаленную от центра комнату в РЖСКТ.

Мы тут не говорим уже о том, в какой мере обмен этот был целесообразен с производственной точки зрения; укажем только, что Николаевская — пенсионерка и живет с больной туберкулезом дочерью, Фивейская и ее муж — артисты, а Лебедев — инженер, командир РККА.

Так вот как расправился суд с этим делом, когда через 6 мес. после обмена, в марте 1935 г., к нему обратилась Николаевская с иском о признании обмена действительным

ввиду того, что комната, куда она переехала, оказалась сырой и размером несколько меньше, чем она думала. Суд (народный судья т. Мартынов) просто решил: вернуть стороны в первоначальное положение. Прямо-таки «соломоново решение». «Просто и ясно!» С тех пор вот уже больше 3 мес. перечисленные выше трудящиеся не знают покоя, бегают по разным инстанциям, волнуются, пропускают занятия, срывают работу в учреждениях, где служат, и т. д. Еще бы: конечно, легко сказать «вернуть стороны в первоначальное положение». Это означает ведь переселить три семьи! Но за что же? За какие нарушения закона? Даже Николаевская, которой суд оказал медвежью услугу, истрепала и без того больные свои нервы. Каждая из сторон в среднем представила в разные инстанции больше десятка разных справок, документов и т. п., подтверждающих ее правоту. А ведь нелегко получить эти справки, эти подписи свидетелей и т. д. Сколько времени, сил и энергии ушло у трудящихся на получение этих бумаг, на хождения по судам! Сколько времени они отняли у работников суда и прокуратуры, и не только у них! И все это потому только, что нарсуд не разобрался в деле как следует, грубо нарушил основные положения гражданского процесса. В результате началась часто встречающаяся свистопляска кассационно-надзорных пересмотров дела. Кассколлегия Мосгорсуда отменила решение нарсуда и в иске отказала; президиум Мосгорсуда отменил определение кассколлегии и оставил в силе решение нарсуда, указав при этом ни с того ни с сего, что имел место «тройной обмен» (?), и Фивейская обманула доверие своей знакомой Николаевской (?); гражданская коллегия Верховного РСФСР отменила все предыдущие решения и постановлении и передала дело в отношении Николаевской и Фивейской на новое рассмотрение в нарсуд. И таким образом, когда мы пишем эти строки, дело это еще не нашло своего завершения.

Этими примерами мы на этот раз ограничимся.

Недавнее постановление совещания уполномоченных Комиссии советского контроля при СНК Союза ССР (от 3—4 июня 1935 г., см. «Правда» от 16 июня 1935 г.), наметив в числе основных своих задач проверку работы органов, обслуживающих повседневные нужды и интересы трудящихся, к числу этих органов отнесло и наш суд. И это вполне понятно: суд наш переходит ныне на рельсы все более и более широкого обслуживания интересов трудящихся; особенно это относится к гражданским делам.

Поэтому нам необходимо теперь напрячь все силы для того, чтобы наилучше эту работу организовать, научить народных судей правильно и четко разбирать гражданские дела, точно и умело применять материальный и процессуальный законы, обязать прокуроров уделять гражданским делам не меньше внимания, чем уголовным, прекратить недооценку этих дел.

История одного дела

Александр Константинович Носову 53 года. Он — старый московский рабочий. 38 лет проработал он в одной и той же типографии, которая называется теперь фабрикой книги «Красный пролетарий». За всю свою трудовую жизнь Александр Константинович Носов только однажды на три года порвал связь с родным предприятием, и повинна в этом была мобилизация на фронт в империалистическую войну.

В 1918 году революция вернула т. Носова в Москву, к прежнему типографскому станку. Самая разнообразная работа поручалась т. Носову за эти годы. В 1930 г. его назначили заведующим материальным складом. Четыре года вел эту работу т. Носов, и чем дальше, тем становилось труднее, — объем работы увеличивался, склад типографии стал базой снабжения провинциальных отделений издательства, штат сократили, оставив в помощь одного кладовщика, а сам склад в 1934 г. был разбросан в одиннадцати местах. Добивался т. Носов помощи, обращался к заведующему отделом снабжения Захарову, но из этого ничего не получилось — все ограничивалось разговорами Захарова с директором.

31 декабря 1934 г., когда все пролетарии с радостью встречали новый год социалистических побед, на т. Носова был составлен акт, омрачивший всю его прежнюю жизнь, в которой были три очень серьезные даты: рабочий одной и той же типографии с 1896 г., член профсоюза с 1903 г. и член ВКП(б) с 1930 г. Этот акт устанавливал недостачу в 21 735 руб. 93 коп. и излишки в 3 025 руб. 61 коп. Акт был передан, как сказано в нем, «на зависящее распоряжение фабуправления».

«Зависящее распоряжение» началось с того, что 8 января 1935 г. по издательству, в систему которого входит «Красный пролетарий», был издан приказ, отмечающий «совершенно неудовлетворительную организацию складского хозяйства» и предлагающий Носова и Захарова отдать под суд, главному бухгалтеру фабрики объявляется выговор, директору ставится на вид, а бухгалтеру издательства поручается «проверить всю постановку дела материального учета по всей системе» и дать «предложения по упорядочению учета и контроля».

14 января дирекция фабрики передает весь материал прокурору Дзержинского района Москвы. 25 января райпрокурор т. Гарт передает его нарследователю т. Штейн, в середине марта дело поступает в нарсад с обвинительным заключением по ст. 111 УК. Суду передается Носов.

Что установил нарследователь т. Штейн и с чем согласилась райпрокурор т. Гарт? Обратимся к обвинительному заключению.

Первое. «Имущество склада помещалось по всей территории фабрики: в подвале, в сарае, в саду, на лестнице и др. Основное помещение, где находилась большая часть материалов, было на одну треть занято архивом, куда имели доступ посторонние лица, не имеющие отношения к складу».

Все это утверждал и т. Носов.

Второе. «Товары со склада выдавались без документов с последующим оформлением».

И это также все время утверждал т. Носов. А директор фабрики на специальном совещании, говоря о получении товаров без ордеров, делая наивное лицо, спрашивал: «Интересно знать, кто дал право цехам вводить такую систему?» Протокол с этой записью у тт. Штейн и Гарт был, но они почему-то проявили не больше любопытства, чем директор, который о своей фабрике должен знать все.

Третье. Факторов хищения не установлено.

Кроме этих положений в обвинительном заключении нет ничего. Нет в нем и возражений со стороны следователя и прокурора против приведенного в обвинительном заключении утверждения т. Носова, что «весь материал ушел на производство», хотя он своевременно и не был оформлен.

Итак, следствие установило: 1) безобразное положение склада по части помещения, 2) наличие системы последующего оформления отпущенных материалов и 3) отсутствие хищений и прямого реального ущерба.

27 марта 1935 г. суд под председательством нарсудьи т. Бельенького установил то же, что и следствие. Ничего нового выявлено не было. Суд конкретизировал лишь положение вещей, указав, что Носов может отвечать только за клей, а за остальное (нитки, скипидар, марля и др.) он не отвечает, так как «дирекцией типографии не было предоставлено надлежащего места хранения». Сумма недостачи для Носова понизилась таким образом с 21 тыс. до 10 тыс. рублей.

Надо было решить: виновен ли Носов? Какое наказание применить к нему? И суд решил... приговорить Носова к двум годам лишения свободы.

Носов остается пока на свободе. Он пишет кассационную жалобу. Он напоминает о своей почти сорокалетней безупречной работе на одном предприятии, о положительных отзывах, он просит смягчения приговора, но кассколлегия — три члена суда: Чванников, Дюндин и Беляков — утвердили приговор. Им, очевидно, было «не по себе», и они вынесли частное определение, в котором говорят, что недостача в 20 000 руб. образовалась по вине... директора и бухгалтера типографии. Заканчивается определение это возбуждением уголовного дела через райпрокурора Дзержинского района против директора и бухгалтера. А Носов пока 5 мая сидит в изоляторе.

Дело с определением вновь попадает к нарследователю Штейн. Она звонит главному бухгалтеру издательства и 15 мая получает ответ на телефонный запрос, в котором описывается система учета.

Этой ничего не стоящей бумажки было достаточно для того, чтобы, сославшись на нее, райпрокурор Гарт принесла «протест». Тов. Гарт за хлопотами о директоре и бухгалтере как-то не замечает того, что старый, честный рабочий Носов зря посажен в тюрьму. Она пишет в протесте о его 38-летнем стаже, о халатности администрации предприятия в отношении него, но о нем самом ни слова.

Тов. Гарт просит прекратить дело в отношении руководителей типографии. О Носове позаботился его товарищ по фабрике и пришел к председателю горсуда на прием. Носов был немедленно освобожден. Президиум горсуда отклонил протест, отменил приговор и определение и передал дело на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования в отношении всех, кто виновен в безобразном состоянии склада фабрики.

Для чего мы рассказали о деле Носова? Чем поучителен этот случай? Он учит нас главным образом тому, как не должен работать прокурор. Пусть Носова надо было предать суду.

В. Томский

Выше качество прокурорской работы

Объявлены и уже проводятся в настоящее время два всероссийских конкурса. Один из них — на лучшее следственное дело; второй — на лучшее руководство следствием со стороны прокуроров. Оба эти конкурса по своей целевой установке, по преследуемым ими задачам тесно связаны друг с другом. Улучшение качества следственной работы, являющейся одним из важнейших, во многих случаях решающим звеном всей борьбы за социалистическую законность, за всемерное укрепление мощи советского государства, за охрану и укрепление общественной собственности, за решительное пресечение и беспощадное подавление классово враждебных действий и попыток, направленных против интересов социализма и его строителей, трудящихся нашей великой Советской страны, — такова основная задача, связывающая оба конкурса в одно неразрывное целое.

Огромное политическое значение этих конкурсов выступает особенно ярко в условиях современной обстановки, в свете великого и вместе с тем гениального лозунга т. Сталина о том, что «кадры решают все» и что поэтому «упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой».

Оба эти конкурса имеют между собою теснейшую связь и с точки зрения организационной, в частности с точки зрения участия в них органов и работников прокуратуры.

Если конкурс на лучшее руководство следствием прямо и непосредственно касается прокуроров, то и от конкурса на лучшее следственное дело последние никак не могут оставаться в стороне, поскольку действия прокурора по руководству следствием являются неотъемлемой и притом существенно важной составной частью следственного процесса.

Вот почему следует с удовлетворением отметить инициативу, проявленную рядом краевых, областных и т. п. прокуратур, одновременно и по-большевистски включившихся в оба всероссийских конкурса. Среди них особого внимания, по имеющимся материалам, заслуживает пример Саратовской краевой прокуратуры (крайпрокурор т. Пригов).

Прокуратура Саратовского края в целях наилучшего проведения обоих указанных конкурсов и повышения на их основе качества прокурорской работы организовала краевую кон-

Не будем спорить — т. Гарт и в его действиях узрела элементы халатности. Но когда прокурор Гарт получила дело и увидела, что Носов приговорен к лишению свободы, она обязана была в первую очередь протестовать против этого.

Когда на глазах у прокурора бездушно, нелепо приговаривают к тюрьме ничем не запятнанного кадрового пролетария и прокурор не только молчит, но покрывает такое безобразие, такой прокурор по меньшей мере заслуживает того, чтобы о нем рассказали на страницах печати.

курс горрайпрокуроров на лучшее руководство следствием, вызвала на социалистическое соревнование по проведению обоих конкурсов прокуратуру Сталинградского края, широко развернула самые условия конкурса, с полным сознанием всей политической важности поставленных им задач.

В порядке обмена опытом и вкратце, насколько это возможно в пределах журнальной заметки, сообщим некоторые данные об условиях Саратовского краевого конкурса.

Центральное место занимают в них, во-первых, перечень категорий дел, которым должно быть уделено особое внимание горрайпрокуроров, и, во-вторых, самые показатели прокурорской работы.

В перечне важнейших категорий дел указаны: контрреволюционные преступления, преступления, преследуемые по законам от 7/III 1932 г. и 8/XII 1933 г.; преступления, связанные с уборкой и сдачей хлеба; преступления в области животноводства — обмеривание и обвешивание.

Нет никакого сомнения в том, что все эти категории дел являются действительно важнейшими и требуют особого к себе внимания с точки зрения указанных выше задач нашей общей и судебной политики. Но в этом перечне имеются и существенные пробелы. Так например в нем полностью отсутствуют (если не считать «обмеривания и обвешивания») преступления, связанные с бюрократически-бездушным отношением к живому, трудящемуся человеку, с грубейшими подчас нарушениями революционной законности в сфере жилищно-бытовых, трудовых и тому подобных интересов трудящихся и таким образом вовсе не нашел своего отражения лозунг т. Сталина о внимании, которое необходимо уделять «людям, кадрам, работникам», лозунг, несомненно, подлежащий учету и при определении круга дел, которым должно быть уделено особое внимание горрайпрокуроров.

Второе замечание касается показателей работы по руководству следствием. Они составлены в основном неплохо и охватывают с достаточной полнотой соответствующий круг работы прокурора. Однако и здесь не обошлось без недочетов. Так например не всегда удачно использованы количественные критерии для

определения качества проверки оконченных расследованием дел при направлении их в суд; поставленное в этой связи в «условиях конкурса» на первом месте «количество приостановленных дел» едва ли имеет прямое отношение к данному вопросу. Необходимо было бы далее особо выделить и подчеркнуть, как один из важнейших для судьбы направляемого в суд дела, вопрос о правильной квалификации совершенного преступления, тем более что эта сторона работы низовых органов нашей системы еще далеко не на должной высоте.

Недостаточно урегулированы и некоторые другие моменты в организации краевого конкурса, в частности вопросы премирования. Саратовскому краю установлены для горрайпрокуроров 3 премии: первая—1000 руб., вторая—750 руб., третья—500 руб. Но точно такие же премии установлены для горрайпрокуроров и по всероссийскому конкурсу. Получается таким образом уравниловка в премировании, особенно для второй и третьей премии (на всероссийский конкурс из краевого вообще не попадающих), частично ослабляемая тем, что прокурору, по-

лучившему премию на всероссийском конкурсе, предоставляется дополнительный месячный отпуск.

В настоящее время краевые и тому подобные конкурсы как подготовительная ступень к всероссийскому конкурсу должны уже повсеместно перейти из стадии организации в стадию глубокого проверочного охвата работы всех горрайпрокуроров.

И мы ждем с мест обильного притока материалов, который на деле выявил бы, как идет на местах работа по фактическому развертыванию конкурсов, как борются все органы и работники прокуратуры за улучшение качества руководства следствием и вообще всего следственного процесса, как осуществляют они в своем деле указания т. Сталина, директивы партии и правительства об овладении техникой, в какой мере работа их соответствует тем повышенным требованиям, которые предъявляет в настоящее время к советскому прокурору партия, советская власть и вся наша трудовая страна.

Борьба с хищениями в органах связи

15 июня по инициативе народного комиссара связи А. И. Рыкова состоялась всесоюзная радиоперекличка, посвященная проверке выполнения решений состоявшегося в декабре всесоюзного совещания работников связи и прокуратуры, по борьбе с хищениями и растратами в органах связи.

В перекличке принимал участие целый ряд краев и областей.

На перекличке присутствовали: народный комиссар связи А. И. Рыков, зам. прокурора РСФСР Ф. Е. Юрина, ст. пом. прокурора Союза С. С. Пилявский, от Комиссии советского контроля тт. Романов и Тихомиров и ряд ответственных работников Наркомата связи и Прокуратуры СССР и РСФСР.

Ниже мы печатаем доклад А. И. Рыкова и наиболее интересные доклады краевых и областных прокуратур.

Доклад А. И. Рыкова

После совещания, которое происходило в декабре истекшего года, как вы знаете, хищения в органах связи достигли таких размеров, что они были отмечены специальным решением Совета Народных Комиссаров.

На совещании в декабре прошлого года многие начальники управлений пытались доказать, что то, что мы вскрыли в 1934 г., к 1934 году не относится.

Они говорили: «Когда вы получите отчет за I квартал 1935 г., будет совсем иная картина. В 1934 г. мы улучшили свою работу, и в I квартале 1935 г. цифры будут совершенно иные, и вы увидите резкое сокращение хищений».

Что же мы видим на самом деле?

За I квартал 1935 г. самой яркой является цифра по двойным выплатам. В 1934 г. двойные выплаты за квартал составляли 1153 тыс. рублей; за I квартал 1935 г. двойные выплаты достигли 1 487 тыс. руб., т. е. возросли по сравнению с тем, что мы имели в 1934 г.

На очень высоком уровне также находятся подложные и незаприходованные переводы. Они достигают в I квартале 1935 г. 543 тыс. рублей.

Хищения, растраты и просчеты несколько сократились, но остались все же на очень высоком уровне, достигнув за квартал 2180 тыс. рублей.

В прошлом году в среднем за квартал мы взыскивали 2650 тыс. руб.; в I квартале 1935 г. мы взыскали всего 2162 тыс. руб.

Наряду с сокращением хищений и растрат, при росте двойных выплат мы имеем рост хищений посылок и писем. За IV квартал 1934 г. было похищено 2600 посылок, за I квартал 1935 г. похищено 7700. Писем было похищено за IV квартал 1934 г. 2200, за I квартал 1935 г. — 2600.

Мы добились некоторого снижения хищений, растрат по подложным документам. В 1934 г. это составляло 4 с лишним миллиона в среднем за квартал, в I квартале 1935 г. — 21800 тыс., но все же цифра хищений остается еще недопустимо высокой.

Худшими управлениями в смысле большого количества хищений посылок и писем являются Свердловское, Московское городское, Азово-Черноморское, Северокавказское, Ленинградское областное.

В Свердловске в IV квартале 1934 г. посылок было похищено 30, в I квартале 1935 г. — 104; Москва—город в IV квартале 143, в I квартале 1935 г. свыше 500; Азово-Черноморская область в IV квартале 61 и около 50 в I квартале 1935 г. и т. д. По письмам положение еще хуже: по Свердловску было в IV квартале 1934 г. похищено 93 письма, а в I квартале этого года—187. Такое же возрастание имеет место во всех перечисленных управлениях по переводным суммам. Хуже всех обстоит дело в Ленинградской обл., Воронежской, Азово-Черноморской, Западносибирской, Днепрпетровской, Северокавказской и Белорус-

ской ССР. Особенно поразительно огромное возрастание двойной выплаты денежных переводов по телеграфу.

Надо признать, что в отношении борьбы с двойной выплатой перелом не обеспечен. Это говорит о том, что этим делом начальники управлений до настоящего времени еще не занимались.

Некоторые управления добились значительного сокращения. К ним относятся: Ленинградское городское, которое против средних годовых цифр 1934 г. снизило в два раза число растрат и хищений и снизило несколько суммы по двойной выплате; то же в Харьковском управлении.

Я приведу несколько примеров, нашей безобразной практики. Мы обследовали ряд управлений. В Свердловском ж.-д. отделении кулак Шимшинцев производил хищения в кладовой и украл огромное количество посылок. Раскрыли шайку агенты НКВД. Несмотря на то, что жалобы поступали все время, администрация ж.-д. отделения не принимала никаких мер. Когда после этого мы проверили положение в том отделении, то оказалось, что посылки не проверялись и не охранялись, так же как и при этом жулике, вплоть до приезда нашей бригады. Вход в ж.-д. отделение был не по пропускам, а по жетонам. Наша бригада ходила свободно по всем кладовым.

Кладовые были открыты и доступны для всех: ценности сдаются под расписку, но документа и расписки с работника связи никто не спрашивал.

Такие же явления наблюдаются и в других предприятиях связи. Старший почтового вагона Родионов потерял ценную посылку на 300 руб., к суду привлечен не был, его даже повысили в должности, назначив бригадиром посылочного отдела. В 14 городском отделении Свердловска кассиры работают 12 часов в сутки, скопятся у них денег до 60 тыс. руб., кассиры друг другу передают деньги на честное слово. Аналогичные явления нами были обнаружены и при обследовании г. Воронежа. Ценные письма там кладутся прямо на стол, никому не сдаются. В том же Воронеже обменивающий почту, получив 23 ценных письма на 500 руб., передал их дежурному. Последний принял и оставил их на столе.

Азово-Черноморский край. Работник Ракитин и его сообщник совершили растрату. Из Аксайского отделения связи, где Ракитин растратил 41 тыс. руб., он поехал в Воронеж, где хотел устроиться в отделе связи, но там был арестован.

В Баку в мае был принят на работу сопровождающий почту Бабаев, который на 9 день работы сбежал, захватив 1000 руб. В Мишино в мае 1935 г. работал без всяких документов обменивающий почту. Он украл 11 тыс. руб. и сбежал.

Передо мной лежит целая папка такого рода воинских случаев, которые указывают на то, что борьба с хищениями по-настоящему не велась. Наоборот по целому ряду управлений мы имеем такого рода случаи, когда произведенные за хищения начеты, на работников связи, на те или другие предприятия связи списываются в сомнительные долги, а потом списываются просто с баланса.

Такие факты следует рассматривать, как наиболее яркий вид уголовного деяния.

Кроме того, совершенно не применяется при-

каз о том, что когда виновника найти не могут, отвечает администрация. Денежные взыскания должны быть полностью наложены на ту администрацию, которая допустила это хищение. До сих пор это—не применяется, а если кое-где и применяется, то в совершенно ничтожной мере.

В конце прошлого года, в результате выявления безобразного положения с нашей инспекцией, которая получала деньги, но ничего не делала, мы ликвидировали инспекцию низовой связи, и я издал приказ о том, чтобы из лучших работников-связистов по одному инспектору назначали на три района, вменив им в обязанность борьбу с хищениями. Но начальник почтового управления доложил мне, что инспекции не укомплектованы до сих пор и что этому делу не уделяется того внимания, которое необходимо уделять, если мы действительно хотим по-настоящему бороться с хищениями. В тех случаях, когда эта инспекция организована, ее загружают бесчисленным количеством заданий, и борьбой с хищениями они по-настоящему заниматься не могут необходимо снять целый ряд лучших людей из управления связи и организовать из них инспекцию, возложив на нее в качестве актуальной задачи борьбу с хищениями.

Кроме того, те обследования, которые мы произвели, указывают, что самая элементарная работа, о которой издавалось бесчисленное количество приказов и, которая неоднократно обсуждалась нашими совещаниями, проверка всех операций нашими начальниками не ведется до настоящего времени. Теперь у нас введен в действие дисциплинарный устав, по которому мы можем применять различные меры взысканий к нарушителям дисциплины, вплоть до ареста.

Я предупреждаю начальников управлений, что если они в своих выступлениях будут доказывать, что большие цифры хищений в их областях это результат хищений за прошлые годы,—заранее говорю, что я этим объяснениям не поверю. Это я слышу на протяжении ряда лет. Сегодня о борьбе с хищениями нужно говорить так, чтобы был виден коренной перелом в этом деле. Этого перелома до сих пор нет. Это показывает, что тот позор, который лежит на органах связи в виде огромной массы хищений и злоупотреблений до сих пор не изжит.

***

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

т. Пальгов.

Мы провели совещание с областным управлением связи, с районными отделами связи и районными прокурорами. На совещание были вызваны те районы, где дело обстоит совсем благополучно. Провели двустороннюю радиоперекличку по материалам, которые мы собрали на совещании. На радиоперекличке мы дали ряд указаний районным прокурорам, причем основное внимание обратили на сокращение сроков расследования и невыдержанность карательной политики по некоторым делам.

10-дневный срок расследования дел не всегда у нас выдерживается. Из 39 дел 3 были закончены в срок до месяца, а 5 дел—в срок свыше месяца. Несоблюдение этих сроков является нашим минусом. Из дел, которые были

рассмотрены, 9 дел слушались показательным порядком. Областной прокуратурой за 1935 г. принесено 14 протестов в областную суд, причем большинство из них на мягкость приговоров.

В процессе расследования мы накладываем аресты на имущество растратчиков и это дало нам значительное повышение взыскания убытков с растратчиков.

Кроме работы по борьбе с растратами и хищениями мы совместно с управлением связи повели работу по борьбе за доброкачественную работу письмоносца. Мы констатировали по Ленинграду недоставку некоторыми письмоносцами корреспонденции. Мы их предварительно проверили и затем по ордеру прокуратуры произвели у них обыск. В результате оказалось, что некоторые письмоносцы открытками оклеивали свои комнаты, некоторые письмоносцы бросали письма в урну. Виновные привлечены к ответственности. Мы за этим делом крепко наблюдаем. Думаем, что такие явления имеют место и в других краях и областях. На нашем опыте прокурорам и следователям следует проверить, есть ли и у них такие дела.

Районные прокуроры уделали особое внимание делу проверки состояния охраны ценностей. Здесь мы должны констатировать, что в некоторых районах охрана ценностей поставлена неудовлетворительно.

Связь наша с областным управлением связи, по нашему мнению, довольно тесная. Мы установили такой порядок, что начальник районного отдела связи обязан сообщать начальнику областного управления связи о преступлениях с указанием, куда он передал материал. Эти сведения мы получаем в областном управлении связи. Такой порядок мы считаем удобным в том смысле, что у нас в прокуратуре ведется учет этих дел. Управление связи вдвойне заинтересовано иметь такие сведения, чтобы знать, какие, преступления совершаются и как органы суда и прокуратуры реагируют на это. В областной прокуратуре по этим сведениям мы имеем возможность контролировать работу как органов расследования, так и органов суда.

Мы предполагаем вместе с управлением связи провести в ближайшее время кустовые курсы, на которых работники связи познакомятся с тем, как они должны работать для того, чтобы мы могли более полно выявлять преступления, которые имеются в органах связи.

С группами содействия у нас дело обстоит не особенно благополучно. Сейчас мы принимаем меры к тому, чтобы в наиболее крупных отделах создать эти группы.

***

КУЙБЫШЕВСКИЙ КРАЙ

В основу борьбы с злоупотреблениями в органах связи краевой прокуратурой было положено постановление всесоюзного совещания.

В середине января 1935 г. совместно с областным управлением связи мы провели совещание с участием работников связи и районных городских прокуроров по вопросу о борьбе с преступностью в органах связи.

После этого совещания краевая прокуратура провела отдельное совещание районных

прокуроров о методике расследования уголовных дел.

В соответствии с решением всесоюзного и краевого совещания районным прокурорам края была дана подробная директива о мероприятиях по борьбе с преступлениями в органах связи. Затем по части мероприятий по проведению этих директив краевая прокуратура включила их в программу 20-дневных курсов по повышению квалификации следователей. В 8 пунктах края у нас выделены группы содействия прокуратуре. За пять месяцев мы провели 12 показательных процессов. За первое полугодие 1935 г. прошло 16 дел, квалифицированных по закону 7 августа 1932 г., 14 дел было передано в суд, а 2 дела были возвращены на доследование. Весьма неблагополучно у нас в области преступлений в органах связи в Ульяновском р-не. За 1935 г. там возникло 4 крупных дела, три из них прошли по закону 7 августа. Наиболее характерное дело, которое через нас проходило, — это хищение посылки из привокзальной почты в Куйбышеве. Это дело рассматривалось краевым судом в клубе работников связи. По этому делу трое приговорены к лишению свободы на 10 лет каждый, один к трем годам, один к общественному порицанию. Характерным является дело в Н.-Девигенском р-не. Радист Коновалов, воспользовавшись тем, что деньги хранятся в простом деревянном шкафу, не плотно закрываемом проволокой, открывал шкаф и систематически крал деньги. Всего им было похищено около 8 тыс. руб. Коновалов приговорен к 10 годам лишения свободы, второй обвиняемый, привлекавшийся по этому уже делу — к 4 годам.

Характерно и дело работников почтового агентства в Солдатской Ульяновского р-на. Там заведующими почтовыми агентствами работали шестнадцатилетние подростки. Один из этих заведующих агентством шестнадцатилетний подросток Юдин систематически занимался подделкой почтовых переводов. Подделывал он довольно грубо и при внимательном отношении легко было раскрыть его подделку. Он присвоил за три месяца около 8 тыс. руб. Вместе с Юдиным был привлечен другой его соучастник шестнадцатилетний подросток, и контролер Сапожников, по халатности которого это не было вскрыто своевременно, а также возчик. Это дело о подростках передано в краевую прокуратуру. Результаты суда еще неизвестны. Заведующий Ульяновской почтовой конторой приговорен к году и-т. работ за прием на работу в качестве заведующих агентствами подростков.

В Н.-Спасском р-не возчик Манилкин крал посылки. Он приговорен к 10 годам лишения свободы.

Краевая прокуратура просмотрела в порядке надзора 17 дел. По 12 делам были принесены протесты в президиум краевого суда.

В результате проведенных нами мероприятий имеется снижение по краю преступности в органах связи, хищения и растраты у нас снизился. Если в IV квартале 1934 г. было 218 случаев, то в I квартале 1935 г. около 125.

Директива о сроках расследования не выполняется. По делам, прошедшим через краевую прокуратуру, сроки различны, а именно: в 10 дней прошло только 6 дел. В отношении же остальных дел сроки не выдержаны.

***

г. Драгунский

После всесоюзного совещания краевая прокуратура проводила в жизнь решения этого совещания и директивы, полученные от Союзной прокуратуры. Мы дали ряд указаний райпрокурорам по борьбе с хищениями, злоупотреблениями и двойными выплатами, обратив их внимание на недочеты в судебно-следовательской работе. Затем мы провели ряд мероприятий по живому инструктажу. Совместно с управлением связи мы провели 4 кузовых совещания, посвященных борьбе с хищениями и злоупотреблениями. В июне мы провели краевую радиоперекличку. Нужно отметить, что в ряде районов нашего края хорошо развернута работа, мы имеем 20 таких районов.

Я имею 78 докладов райпрокуроров, что составляет 65% районов нашего края, из них 37 районов сообщили, что дела о преступлениях в органах связи за I квартал 1935 г. у них не проходили. Это нужно еще специально проверить для того, чтобы узнать правильно это сообщение или нет. По оставшимся районам прошло 100 дел, законченных расследованием и уже рассмотренных судебными органами. По закону 7 августа осуждено 8 чел., по ст. 116—41, одно дело о бандитском ограблении в органах связи. Таким образом 49 дел относятся прямо к вопросам хищений и растрат в органах связи; 34 дела о халатности и 16 дел о злоупотреблениях властью. 49% осуждено к различным срокам лишения свободы.

Какие размеры и какие формы растрат, хищений и позаймствований из переводных сумм?

Например Ляпин, который работал в течение 4 лет на разных должностях, систематически учинял подлоги проходивших через него документов, затем он перечислял суммы в сберкассе на имя разных лиц и получал их. Фактически он присвоил 4,5 тыс. руб. причем подготовил документов для хищения на сумму до 18 тыс. руб., но это ему не удалось в связи с арестом и возбуждением против него дела. Он приговорен по закону от 7 августа к 10 годам лишения свободы.

Другое дело Ракитина о котором говорил г. Рыков спешно заканчивается следствием. Он арестован.

Из числа осужденных по этим делам 36% составляют руководящие работники райотделов связи: нач. отделов, зав. агентствами.

Мы считаем, что оперативный контроль и оперативная проверка в ряде районов поставлены совершенно неудовлетворительно.

Останавливаясь на сроках расследования, надо сказать, что и здесь положение неудовлетворительно. Если в общем карательная политика правильна, если основные дела по растратам и хищениям прошли в показательном порядке и целый ряд дел прошел через краевую суд, то в отношении расследовательской работы надо признать положение неудовлетворительным. До 10 дней расследуется только 24%, от 10 до 20 дней — 21%, до месяца — 16% и свыше месяца — 38%.

Неудовлетворительно обстоит дело и с проведением открытого следствия. На эти вопросы нам надо будет серьезным образом начать.

В ближайшее время мы подведем итоги нашей работы за I полугодие 1935 г. с тем, чтобы, изучив все дела по связи, которые прошли за это время, на специальных кузовых совещаниях обсудить итоги этой работы с нашей периферией. Совещание намечено на август.

Затем мы ставим себе задачу ускорения сроков нашей работы по следствию.

**

ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

г. Акимов

Постановление всесоюзного совещания 28 декабря с нашими дополнительными указаниями было спущено на периферию. 13 февраля всем райпрокурорам была разослана директива, которая обязывала всех райпрокуроров вести борьбу с задолженностью. Если на 1 мая у нас дебиторская задолженность по связи составляла 222 тыс. руб., то к 1 июня эта сумма сократилась до 140 тыс. руб.

5 марта всем райпрокурорам было разослано распоряжение прокурора Республики от 23 февраля о запрещении пользования услугами связи в кредит.

Начиная с марта у нас производится обследование райпрокуратур в области проверки их работы по борьбе с хищениями и растратами.

По сравнению с 1934 г. имеются некоторые достижения в работе с активом. Сейчас мы имеем 36 групп содействия с 163 членами. В 1934 г. у нас было 10 соцсовместителей, сейчас 43.

За I полугодие 1935 г. мы получили 59 сигналов.

За это же время мы провели по районам с работниками связи 59 совещаний, на которых ставились доклады о борьбе с хищениями и растратами. Кроме того работники прокуратуры принимали участие в проработке дисциплинарного устава.

Директива прокурора Республики в отношении окончания дел в 10 дней нами полностью не выполнена. За 1935 г. мы имеем до 10 дней 20,7% дел, до 1 мес. — 27%, от 1 до 2 мес. — 10,6 и от 2 до 3 мес. — 24%.

По данным 91 района из 178 уголовных дел, только 60 относятся к растратам и хищениям, остальные — к халатности. На сегодня рассмотрено 73 дела, по которым привлечено 80 чел. По закону 7 августа осуждено 13 чел., до 5 лет — 5 чел., до 3 — 25 чел.

Следственными органами наложен арест на имущество по 41 делу на 45 653 руб., взыскано по искам 35 903 руб. Протестов за это время нами принесено 13; из них удовлетворено областным судом 10. В 1934 г. было принесено 6 протестов. Удовлетворено из них 3.

Нами совместно с управлением связи установлен такой порядок, при котором районы немедленно извещают по телеграфу о всех серьезных злоупотреблениях и хищениях начальника райотдела связи, а он передает нам. Мы устанавливаем сейчас надзор за 7 серьезными делами. Нами не выполнено решение прокуратуры от 28 декабря в области укомплектования аппарата специальными помощниками. У нас скверно обстоит дело с перифе-

рией и мы все внимание обращаем на укомплектование райпрокуроров. Пока укомплектовано только 14 районов. К 5 июля мы предполагаем укомплектовать все районы.

***

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ КРАЙ

В соответствии с последней директивой прокурора Союза мы проводим перестройку работы органов прокуратуры в области борьбы с преступностью в органах связи на основе решений всесоюзного совещания руководящих работников связи и прокуратуры. Краевое управление связи, краевая прокуратура дали на места исчерпывающие указания о порядке претворения в жизнь указаний всесоюзного совещания. Была проведена специальная инструктивная беседа по радио с местами в разрезе установок всесоюзного совещания. В свою очередь работники прокуратуры по связи, осуществляя эти мероприятия, разработали конкретные меры по борьбе с растратами, хищениями и другими злоупотреблениями в органах связи.

Краевая прокуратура на сегодняшний день не располагает точными данными по краю о количестве хищений за I и II кварталы, так как установленная НКЮ форма отчета по краевой прокуратуре и краевому суду не предусматривает такого учета. Однако отдельные дела, сообщенные прокуратуре и органам связи, позволяют сделать вывод, что за последнее время произошел значительный сдвиг как в сторону сокращения растрат, так и оживления и улучшения оперативной деятельности судебно-следственных органов и усиления карательной политики. Те цифры, которые имеются у нас о количестве растрат и хищений за IV квартал 1934 г. и I квартал 1935 г. наглядно подтверждают этот вывод. У меня в IV квартале растрат и хищений было произведено на сумму около 100 тыс. руб., а в I квартале 1935 г. на 47 тысяч.

Мы раскрыли в I квартале 1935 г. 27 уголовных дел, разрешено 13 дел и находится в стадии расследования 14 дел. Ряд дел прошел с участием прокуратуры.

Мы имели целый ряд дел по ст. 111 — халатное и небрежное отношение к служебным обязанностям — со стороны обслуживающего аппарата связи.

Мы имеем в нашем крае и злоупотребления в области обслуживания культурно-бытовых нужд населения. В этом отношении интересным является дело Иванова и одного сотрудника ст. Пятигорск, которые, зная, что на ст. Пятигорск пришла почтовая корреспонденция в трех мешках — до 80 тыс. почтовых отправок, — не сообщили никому из работников связи о поступившей почте и положили эти мешки на другой груз. Эта почта пролежала 22 дня. В результате имело место массовое поступление жалоб на недоставку корреспонденции.

В части конкретных безобразий, злоупотреблений, преступных действий должностных лиц Чеченской обл. нами поручено областной прокуратуре произвести расследование и виновных привлечь к ответственности. Поставлен вопрос в отношении районного прокурора, допустившего по нашим сведениям незаконный

арест работника связи. У нас был заместитель областного прокурора, мы с ним разговаривали, он нас уверил, что значительная часть фактов, которая содержится в донесениях местных органов связи, преувеличена и не соответствует действительности.

Мы просили его расследовать и материал прислать нам.

***

КИЕВСКАЯ ОБЛАСТЬ

г. Гинзбург

Я хочу остановиться на отдельных вопросах нашей работы.

Первый вопрос — это работа в области рассмотрения жалоб. Опыт показал, что огромное большинство злоупотреблений по районам может быть вскрыто при правильном подходе к рассмотрению жалоб. Областная прокуратура вопросу рассмотрения жалоб трудящихся уделяла чрезвычайно большое внимание. За I квартал этого года в областную прокуратуру поступили 173 жалобы, из них в I месяц и 20 дней были закончены рассмотрением и удовлетворено 168 жалоб.

Областная прокуратура в начале I квартала 1935 г. заинтересовалась порядком расследования жалоб. Проверка показала, что областное бюро жалоб управления связи работает чрезвычайно скверно. Жалобы залеживались и не рассматривались, а если и рассматривались, то исключительно формально. Заведующий областным бюро жалоб считал, что его роль ограничивается пересылкой жалоб, которые поступают в бюро жалоб районов. В результате заведующий областным бюро жалоб Хулаватский с работы снят, и мы возбудили против него уголовное преследование. В Андрушевском р-не мы возбудили уголовное преследование против работников бюро жалоб за бюрократическое отношение к жалобе трудящихся.

Почему мы уделили большое внимание делу рассмотрения жалоб трудящихся?

1. Мы считаем, что жалобы трудящихся должны рассматриваться как можно скорее.

2. Мы знаем, что внимательное отношение к рассмотрению жалоб дает возможность вскрыть ряд безобразий. Надо сказать, что крупная растрата в Попелевском р-не была обнаружена после того как занялись рассмотрением жалоб.

Эта огромная работа по внедрению чуткого, сознательного отношения к жалобам трудящихся дала нам возможность вскрыть ряд злоупотреблений и с ними бороться.

Второй вопрос — это качество следствия. Надо сказать, что в 1934 г. мы имели положение, когда отдельные дела тянулись свыше полугода, я даже могу сказать, что были дела, которые тянулись свыше года. Так, например, ареновское дело, крупное дело о хищениях тянулось свыше года.

В 1935 г. мы добились того, что 67% всех судебных дел нам удалось закончить до 24 дней.

Срок, установленный прокурором Союза, мы не выдержали.

По вопросу о репрессии. В этой области мы имеем в 1935 г. значительное повышение

применения лишения свободы; если в 1934 г. приговора с лишением свободы составляли только 63%, то в 1935 г. — уже 74%. Если в 1934 г. принудительные работы занимали 31%, то в 1935 г. только 24%. Отсюда видно, что репрессия в этом году более жесткая, чем в 1934 г. Это мы объясняем тем, что почти все дела, которые слушаются в суде, мы обеспечиваем прокурорским обвинением.

Последнее — это группы содействия, с которыми мы работаем.

Группы содействия у нас организованы только в 46 районах, и нам надо еще провести большую работу по организации групп содействия, особенно во вновь организованных районах.

***

Заключительное слово А. И. Рыкова

У нас в порядке совещания стоял отчет еще ряда областей: Западной обл., Саратовского края и др. Относительно этих областей нужно сказать, что у них работа идет лучше чем во всех тех областях и краях, которые мы заслушали. Мы нарочно в первую очередь дали слово тем областям и краям, которые работают хуже, чтобы подтянуть их работу.

Целый ряд управлений связи, теперь уже ведут борьбу с хищениями. К ним относятся Западная обл., Саратовский край, Киевская обл., не плохо обстоит дело в Одессе, улучшается в Харьковской обл. и в других областях.

Но в подавляющей массе наших районов и областей дело осталось стабильным. Если там и наблюдаются некоторые сдвиги, то эти сдвиги совершенно недостаточны; во всяком случае, это такого рода сдвиги, которые не обеспечивают сколько-нибудь существенного перелома.

Сегодняшняя перекличка показала огромное улучшение в работе прокуратуры по всей территории Союза, за исключением, мне думается, Северного Кавказа, ибо Северный Кавказ сведений дать не мог, потому что какая-то бумага не поступила от НКЮ. Как обстоит дело в области, прокурор не знает, вместо этого он дал характеристику отдельных эпизодов, характеристику отдельных жуликов.

В основном же прокуратура пришла к нам с такой помощью, которую мы никогда еще не имели. Вряд ли можно найти еще один наркомат, которому прокуратура в его работе помогла бы так, как она помогает нам. Это должно в известной степени облегчить нашу работу.

Тем не менее сдвига еще нет. В конце лета я рассчитываю собрать совещание из представителей областей, т. е. начальников управлений связи, бюро контроля переводов, бухгалтеров и части инспектуры, чтобы просмотреть всю нашу систему обработки переводов, контроля, чтобы посмотреть нет ли каких-нибудь дефектов в нашей системе. Я считаю позором двойные выплаты переводов. Жулики есть во всех странах. Но я не мог найти ни одной страны, в которой по переводам деньги выплачивались бы не один раз, а много раз. Таких случаев западноевропейская и американская практика не знает. У нас эта практика за прошлый год принесла нам убыток около 6 млн. руб. Это какое-то своеобразное нашего разгильдяйства. За 1935 г. убытки выросли еще больше по

большинству управлений. Это какая-то нелепость, когда деньги вместо того, чтобы выдать их один раз одному лицу или организации выдают несколько раз.

Из выступлений, которые были сегодня, меня необычайно поразил тот пример, который привел прокурор Ленинграда т. Пальгов; это посещение им совместно с органами связи квартир почтальонов, где они увидели стены, оклеенные открытками. Конечно, эти почтальоны сами ходят в гости и к ним ходят гости. Очевидно о квартирах, оклеенных открытками, знало большое количество почтальонов. Хищения открыток производятся демонстративно открыто. Но для того, чтобы такого рода факт открыть, понадобились объединенные усилия прокуратуры и связистов и то пока что это вскрыли только в одном Ленинграде.

Мы с вами боремся с хищениями денежных ценностей и посылок, но по-настоящему, как показывает пример в Ленинграде, мы не подошли еще к вопросу о том, что у нас делается с простой корреспонденцией: учитывается она плохо, контролируется еще хуже, хищения простой корреспонденции проходят безнаказанно до настоящего времени и теперь необходимо заняться и этим делом.

Второе, что я хочу сказать: начальник Воронежского управления связи Корончик сбился в цифрах, которые я, идя на перекличку, уже знал, а он читал сведения по оперативной сводке и сбился потому, что не видел их раньше. Это значит, что он не привык еще ценить нашу отчетность, не умеет использовать нашу оперативную отчетность, тогда как он ее должен изучать немедленно после того, как она поступает к нему, и обязан сам подписывать ее. Я в ближайшее время издам приказ о наложении взысканий на руководство целого ряда управлений связи, которые нарушили закон СНК о представлении правильных сведений. Высылают и представляют все, что полагается. От целого ряда управлений мы получили отчетности помимо руководства управлением.

Следующий вопрос — это новые районы, штаты для них и командировка инспекторов. В новых районах штаты будут увеличены. В отношении командировок инспекторов никаких сокращений производить не нужно, нужно сократить те бессмысленные и излишние командировки, которые производятся до настоящего времени. Имеют место такие явления, когда начальники управлений посылают в Москву второстепенных работников, которые поглощают огромное количество средств, а результатов не дают никаких. Нужно эти командировки сократить, а командировки инспекторов расширить.

Один из товарищей прокуроров заявил при характеристике своей области, что у них, за исключением 4-х районов, прекращено бесплатное пользование услугами связи. Тут какое-то недоразумение. А почему в 4 районах это практикуется? Почему начальник этого управления не прекратил там бесплатное пользование услугами связи?

Я должен сказать товарищам из прокуратуры, которые сегодня выступали, что нужно придавать огромное значение разбору жалоб. Разбору жалоб нужно уделить больше внимания.

Мы имеем целый ряд сигналов о том, что у нас с разбором жалоб дело обстоит неблагоприятно. Товарищ, говоривший об этом, со-

вершенно прав, что мы должны эти жалобы рассматривать. Кроме того, эти жалобы будут тем ключом, при помощи которого мы будем открывать жуликов.

Переключка сегодня была назначена потому, что итоги работы за I квартал не дали тех результатов, которые мы на них возлагали, когда собирались на совещание вместе с Прокуратурой Союза в конце прошлого года.

Перелома радикального, изменения положения с хищениями достигнуто не было. Мы имеем снижение, но совершенно незначительное. Ссылка на то, что вскрываются хищения предыдущих лет, совершенно неправильна. Ссылаться на то, что в этом квартале выросли хищения, потому что вскрываются хищения 1932—1933 гг., нужно бросить. Надо, чтобы начальники управлений связи как можно ближе стали к этому вопросу. Это позорное клеймо для связистов надо уничтожить во чтобы то ни стало.

**Старший пом. прокурора Союза ССР
г. Пилявский**

После всесоюзного совещания т. Вышинский послал на места два циркуляра. Первый циркуляр касался требования, обращенного ко всем республиканским, областным, краевым прокурорам о сообщении не позже 15 марта, как реализованы постановления совещания. Тут давалась определенная установка, которая подробно изложена была в этом циркуляре. Ответ на это требование поступил только из 16 пунктов, а из выступавших сегодня на собрании товарищей только двое — товарищ из Воронежа и товарищ из Свердловской обл. выполнили это требование. Остальные товарищи, как активно участвовавшие сегодня в переключке, так и пассивно участвовавшие в этой переключке, не могут похвастаться выполнением этого распоряжения прокурора Союза.

Второе распоряжение адресовалось всем прокурорам союзных республик и требовало систематического сообщения о том, какие действительные, радикальные меры приняты ими для того, чтобы изжить окончательно недо-

пустимые безобразия с бесплатным пользованием услугами связи и запретить бесплатное обслуживание органами связи кого бы то ни было.

На этот вопрос ответила только одна Прокуратура РСФСР и то она могла сообщить только, что у нее имеются сведения лишь из 4 областей или краев. Прокуроры других союзных республик на это не ответили, а из остальных областей РСФСР то же не поступило никакого ответа. Из сегодняшних выступлений, несмотря на то, что т. Рыков констатировал довольно серьезное включение прокуроров в борьбу с хищениями в органах связи, видно, что не все прокуроры выполняют сроки ведения следствий. Почти все отчитывавшиеся сегодня прокуроры заявляли, что со сроками ведения следствий у них неблагополучно, следствия затягиваются даже по таким делам, по которым требуется провести их немедленно. Товарищ из Воронежской обл. и особенно из Северокавказского края как раз по таким делам, по которым дано было специальное указание прокурора Союза о порядке ведения следствий, не могли сегодня на этой переключке сказать что-либо членораздельное, что-либо удовлетворительное.

Что касается выделения специальных работников на работу по борьбе с преступлениями в органах связи, то и эта директива не полностью выполнена. Так, например, по той же Воронежской обл. и по Северокавказскому краю мы не получили точного ответа на вопрос выделены ли на это дело специальные работники.

Я обращаю внимание прокуроров на то, что Прокуратура Союза не может терпеть больше такого положения, когда основные директивы ее не выполняются, когда отчеты по исполнению этих директив местами не посылаются, и от имени прокурора Союза т. Вышинского заявляю, что дальнейшее невыполнение его директив, дальнейшее оставление требований прокурора Союза без исполнения будет преследоваться уже более радикально, чем это было до сих пор.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

23 октября 1934 г. нарсуд г. Москвы по делам Моснарпита приговорил Табакова Д. И.—зав. производством столовой ИТР фабрики-кухни № 63 Ленинского р-на, по ст. 109 УК к 3 годам лишения свободы.

Приговор нарсуда кассационной коллегией горсуда от 14 ноября 1934 г. и определением судебной коллегии Верхсуда РСФСР от 8 марта 1935 г. был оставлен в силе.

Определение судебной коллегии Верхсуда РСФСР было опротестовано Прокуратурой Союза ССР.

Президиум Верхсуда РСФСР 3 мая 1935 г. этот протест отклонил.

Из приговора суда видно, что Табаков Д. И. обвинялся в том, что, будучи зав. производством столовой ИТР, 2 и 3 августа 1934 г. выпускал неполновесные блюда, во время работы пьянствовал, и что 23 августа 1934 г. в одной из порций гуляша было обнаружено стекло.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и последующие судебные определения по следующим основаниям:

К исполнению обязанностей зав. производством столовой ИТР Табаков Д. И. приступил 11 августа 1934 г., а народный суд признал его виновным за выпуск неполновесных порций 2 августа 1934 г. в то время, когда он в этой столовой еще не работал.

Установленный легкой кавалерией отпуск неполновесных блюд в столовой ИТР 23 августа 1934 г. после 6 час. вечера не может быть поставлен Табакову Д. И. в вину, так как он директором фабрики-кухни был уволен в этот день за обнаруженное стекло в гуляше и после 5 час. вечера не был на производстве, не может нести ответственности за продукцию, выпущенную другим работником.

При проверке столовой в этот день до 5 час. вечера легкой кавалерией было установлено, что основные блюда (мясо, макароны и т. д.), отпускавшиеся во время работы Табакова Д. И., соответствовали установленной Союзнарпитом норме, за исключением гарнира всего лишь в трех порциях.

Суд признал виновным Табакова Д. И. за отпуск неполновесных порций хлеба в этот день, а из документов, находящихся в деле, видно, что ответственность за отпуск хлеба несет не зав. производством столовой ИТР, а зав. торговой группой и подчиненный ему хлеборез.

Президиум Верхсуда РСФСР свое решение о виновности Табакова Д. И. основывает на том, что показанием последнего устанавливается якобы служба его в столовой ИТР фабрики-кухни № 63 с 2 августа 1934 г. Это утверждение находится в противоречии с материалами дела (приказ № 63 и справка отдела кадров), каковой материал был на рассмотрении президиума Верхсуда РСФСР. Поверив неправильной записи, внесенной в протокол допроса предварительного следствия о том,

что Табаков Д. И. работал с 2 августа по 23 сентября 1934 г., президиум Верхсуда РСФСР вынес решение, противоречащее обстоятельствам дела, и установил, что Табаков Д. И., вопреки официальной справке учреждения, работал не с 11 по 23 августа 1934 г., а с 2 августа по 23 сентября 1934 г. и сделав его ответственным за действия, которые имели место как до поступления его на работу, так и после того, как он был уволен. При этом президиум Верхсуда РСФСР не разграничил времени работы Табакова Д. И. в двух столовых одной и той же фабрики-кухни № 63 с разными персоналами, которые функционируют в разное время: одна утром, другая вечером.

Не исследовав этого важного обстоятельства, президиум Верхсуда РСФСР впал в ошибку, приписав Табакову Д. И. вину другого работника (зав. производством «Сточека»), который решением нарсуда по этому же делу был приговорен к 1 году и-т. работ за выпуск неполновесных блюд 2 августа 1934 г., приписанных Табакову Д. И.

Вынося свое решение, президиум Верхсуда РСФСР не остановился на том факте, что Табаков Д. И. работал в столовой ИТР фабрики-кухни всего лишь 12 дней и за это время естественно не мог устранить недочеты в работе (недовес 3 порций гарнира), которые, как это установлено всем материалом судебного дела, имели место до принятия этого производства Табаковым Д. И.

Не исследовав вопроса о том, в каком именно помещении кухни стекло попало в пищу— в помещении, где готовится пища, или же в зале, где обедает большое количество посетителей, президиум Верхсуда РСФСР вынес решение на основании материалов, совершенно недостаточных для осуждения Табакова Д. И. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что президиум Верхсуда РСФСР совершенно не проверил разноречивых данных о том, в какой же пище обнаружено было стекло— в гуляше или в супе.

При наличии этих обстоятельств президиум Верхсуда РСФСР мог только констатировать, что «Табаков Д. И. действительно был уволен 23 августа 1934 г.» в связи с злоупотреблениями, которые все же, как сказано выше, судом до настоящего времени установлены не были, за исключением 3 порций гарнира.

Табаков Д. И. является виновным только лишь в том, что он как зав. производством столовой ИТР недостаточно контролировал раздатчиков гарнира, которые обязаны были выдавать правильные порции, вследствие чего 23 августа 1934 г. были выпущены три неполноценные порции гарнира.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: приговор нарсуда г. Москвы от 23 октября 1934 г. и решения всех последующих инстанций отменить и дело в отношении Табакова Дмитрия Ивановича в уголов-

ном порядке прекратить направив его в порядке прим. 1 к ст. 112 УК РСФСР на решение в дисциплинарном порядке.

* * *

Приговором нарсуда Нухинского р-на, утвержденным кассколлегией и президиумом Верховного АССР, гр. Горбатенко был оправдан по делу, по которому он обвинялся в изнасиловании гр. Авфер.

Суд признал, что факт насилия не установлен и что половое сношение между Горбатенко и Авфер было совершено с их обоюдного согласия.

Прокуратура Союза, считая, что такой вывод опровергается обстоятельствами дела и что поэтому приговор суда об оправдании Горбатенко подлежит отмене, опротестовала приговор по следующим обстоятельствам:

Бухгалтер Горбатенко и машинистка Авфер работали в одном и том же учреждении в г. Нухе и нравились друг другу. Горбатенко обычно провожал ее домой после службы, и молодая девушка надеялась выйти за него замуж. В выходной день, 12 апреля 1934 г., Авфер, будучи в компании с приятелем Горбатенко—монтером Гуссейновым, встретила возле кино обвиняемого Горбатенко в состоянии заметного опьянения. Они подошли к нему и посоветовали идти домой, на что тот согласился. Когда они подошли к квартире Горбатенко, последний пригласил их зайти выпить чаю. Зашли. Горбатенко послал Гуссейнова за водкой и закуской и они втроем принялись за ужин. После ужина Горбатенко стал выпрашивать своего приятеля, чтобы остаться наедине с Авфер. Гуссейнов ушел. Авфер осталась с Горбатенко и провела ночь у него. На другой день утром Горбатенко ушел с утра на работу, а Авфер осталась у него в комнате. Встревоженные отсутствием девушки родные с утра начали ее искать, осведомлялись у Горбатенко, но он ответил незнанием. Однако тетка Авфер, гр. Рудинская, сама отправилась к нему на квартиру, где застала девушку в истерике. Поняв, в чем дело, тетка спросила Горбатенко: «Что вы с ней сделали», на что последовал ответ: «Позвольте мне знать». Тетка ушла, а через короткое время сама Авфер явилась домой, стала истерически плакать, биться головой об пол и заявила родным, что Горбатенко под угрозой оружия ее изнасиловал.

Осмотром врача, произведенным 14 апреля (через два дня) было установлено, что «девственная плева нарушена, имеются два глубоких надрыва свежего происхождения, немного кровоточащие; снизу около надрыва небольшая ссадина: кровоподтеков, царапин и ссадин на малых и больших губах и на бедрах не обнаружено». Кроме этого свидетельства врача, да разорванной женской сорочки, других объективных данных, которые позволили бы описать то, что происходило ночью между молодыми людьми, в деле не имеется.

В показаниях же по этому поводу самих участников дается две различные версии.

Рассказ Авфер крайне примитивен: Горбатенко взял ее силой, угрожая ножом и револьвером, парализовал страхом ее волю и способность к сопротивлению... Она пыталась кричать, но никто на выручку к ней не явился.

Горбатенко говорит иное, причем между его показаниями, данными в разное время, имеются весьма существенные расхождения. На суде он заявил, что он ее не любил, что она сама уже давно ему навязывалась, что в тот вечер она сама пожелала остаться у него на ночь, сама стала с ним заигрывать, сама разделась и провоцировала его на половое сближение, а он уступил ей под влиянием опьянения, предупредив, что он уже женат (в действительности он холост). Авфер он обрисовал как девицу весьма падкую до мужчин, готовую сойтись чуть ли не с первым встречным, а целый ряд свидетелей поддержал при расследовании и на суде эту характеристику, доказывая, что она давно уже не девушка, что она навязывалась всем, что одни из них сами с ней спали, а другие видели своими глазами, как она имела сношение с каким-то парнем в открытую, возле большой дороги. Словом по словам Горбатенко и этих осведомленных молодых людей, Авфер—это развратная девчонка, которая сама соблазнила злополучного Горбатенко.

Не совсем однако так описывает события той ночи тот же Горбатенко в своих простных собственноручных показаниях, данных 14 апреля (на третий день при допросе в милиции).

Оказывается, он усиленно уговаривал девушку остаться, а она все время настойчиво твердила, что если она останется, то больше из его квартиры не уйдет; «На это я сказал ей: «оставайся»,—говорит он в своем показании, но она еще и еще раз обращается к нему с тем же вопросом и в третий раз я ответил, что оставайся у меня, но оформления загсом я не сумею сделать, на тоу меня есть причины, Александра ответила: «Отсюда я не уйду, как хочешь...».

Горбатенко сам признал, что Авфер согласилась остаться с ним на ночь при условии, что она у него останется в качестве жены; что он сам обещал ей фактический брак, только без загса.

Он сам утверждает, что он и утром не отказывался от своих обещаний и даже предлагал сходить к родным и заявить об их фактическом браке. Он только не хотел оформляться в загсе.

Совсем другое рассказывает по этому поводу свидетель Рудинский. Встретив последнего в тот день вечером на службе, Горбатенко заявил ему, что Шура у него ночевала, а что произошло между ними он «не помнит», и просил свидетеля пойти сейчас же к ее родным и сказать, что он «жениться не намерен», а если Шура будет пытаться ему мстить он «всех перестреляет». Вот каким языком заговорил этот «жених» после своей брачной ночи.

В своем показании у следователя 25 апреля 1934 г. Горбатенко уже ни о каких своих предложениях фактического брака не говорит. Все событие он приписывает просто глупости Шуры. «Она с своей глупостью создала такую обстановку, пробыв у меня 20 час., добиваясь замужества, в конечном итоге не добившись своей цели, была вынуждена поставить вопрос или полного сознания перед родителями о сделанной глупости или же с целью до некоторой степени оправдать себя перед родителями, вынуждена была спровоцировать изнасилование».

Таким образом имеются две версии: версия Авфер о физическом насилии и версия Горбатенко, им лично написанная, о психическом насилии, ибо понуждение женщины к вступлению в половое сношение путем обмана, путем заведомо-лживого обещания вступить с нею в брак, — безразлично, фактический или зарегистрированный, — не может расцениваться иначе, как вид изнасилования.

При таких условиях оправдание Горбатенко свидетельствует лишь о том, что как нарсуд, так и Верхсуд АССР слишком формально толкуют содержание ст. 195 УК, оставляя безнаказанными такие действия, которые, являются несомненно социально-опасными и требуют применения мер уголовной репрессии (через ст. 17 УК АССР) по аналогии.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор нарсуда от 30 апреля 1934 г., определение УЖК от 21 мая 1934 г. и постановление президиума Верхсуда АССР от 2 декабря 1934 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же нарсуд в ином составе со стадии судебного следствия в десятидневный срок.

**
*

25—31 июля 1934 г. Киевский облсуд, рассмотрев дело по обвинению руководящих работников Киевской областной конторы Торгсина по ст. 97 УК УССР, приговорил: Гриншпуна Илью Пинхусовича, бывшего с марта по ноябрь 1932 г. руководителем областной конторы Торгсина к лишению свободы сроком на 3 года; Рижина Исаака Львовича, бывшего с марта 1932 г. по январь 1933 г. зам. управляющего и коммерческим директором Киевской облконторы Торгсина к и.т. работам сроком на 1 год; Ровинского Петра Соломоновича, бывшего председателем профкома Киевской облконторы Торгсина — к лишению свободы сроком на 2 года, условно; Дивинского Давида Борисовича, бывшего референтом продуктовой группы Киевской конторы Торгсина — к лишению свободы сроком на 2 года; Миньковского Макса Моисеевича, бывшего торгового агента Киевской конторы Торгсина — к и.т. работам сроком на 1 год; Хазину Раю Яковлевну, бывшую зав. магазином № 5 Киевского Торгсина — к и.т. работам сроком на 1 год условно; Бродянского Илью Григорьевича, бывшего главного бухгалтера Киевской облконторы Торгсина по ст. 99 УК — к лишению свободы сроком на 1½ года.

Облсуд признал перечисленных лиц виновными в следующем:

а) разбазаривание товаров золотого фонда, часть конх была распределена между сотрудниками аппарата (Гриншпун, Рижин).

б) введение системы принудительного ассортимента (нагрузок) при отпуске большими партиями продуктовых товаров, что создавало почву для различных злоупотреблений со стороны завмагов и некоторых сотрудников конторы (Гриншпун, Рижин);

в) заключение договоров с жилищооповскими столовыми об отпуске обедов сотрудникам столовой, за что отпускались столовым продукты из магазинов Торгсина — без нагрузок и вне очереди в неограниченном количестве (Гриншпун, Рижин, Ровинский).

г) с целью погашения задолженности жилищооповским столовым за обеды продали спеку-

лянту 50 мешков муки без нагрузки, получив за это, через завмага Файнштейна взятку в 4000 руб., каковая сумма была уплачена частично Дивинским и Файнштейном в одну столовую, а остальная сумма была вручена, по распоряжению Рижина, Ровинскому для уплаты второй столовой (Рижин, Дивинский, Ровинский).

д) организовали через агента Миньковского закупку пайков для сотрудников конторы. Пайки покупались в магазинах Торгсина через спекулянтов, которые оплачивали набор продуктов золотой валютой, за что этим спекулянтам отпускалось вне очереди и без нагрузки по 30—40 мешков муки (Рижин, Гриншпун, Миньковский);

е) пользуясь служебным положением, Гриншпун самоснабжался, набирал в магазинах продукты, набрав таким образом продуктов на 50 руб. золотом. Зав. маг. № 5 Хазина отпускала продукты Гриншпуну, не имея на это права;

ж) занушенность и хаотичность бухгалтерии, затруднявшая борьбу с растратами, своевременную подачу рекламаций и оформление исков в арбитражные и судебные органы к различным учреждениям и лицам, что приводило к пропускам давностных сроков (Гриншпун, Рижин, Бродянский).

На указанный приговор киевский облпрокурор и пом. прокурора УССР подали протест в уголовно-кассационную коллегия Верхсуда УССР, в котором просили об отмене приговора облсуда за мягкостью, поскольку в ряде действий осужденных устанавливается непосредственная связь со спекулянтами, получение взяток и пр.

УЖК Верхсуда отклонила протест прокурора и определением от 1 октября 1934 г. резко снизила всем осужденным первоначально избранное облсудом наказание.

Так, Гриншпуну, Дивинскому и Бродяскому лишение свободы было заменено и.т. работами на 1 год каждому, Ровинскому условное лишение свободы заменено и.т. работами на 1 год условно, в отношении Хазинной приговор был отменен и дело о ней прекращено. Оставлен был в силе лишь приговор в отношении Миньковского.

Прокурор УССР на это определение УЖК Верхсуда внес протест в пленум Верхсуда УССР, в коем просил об отмене приговора облсуда и определения УЖК Верхсуда за мягкостью.

Пленум Верхсуда УССР 13 марта 1935 г. частично согласился с протестом прокурора Республики и, приняв во внимание, что осужденный Рижин играл основную роль в допущенных со спекулянтами сделках, приговор о нем отменил за мягкостью, в остальной же части оставил в силе определение УЖК Верхсуда от 1 октября 1934 г.

Между тем за мягкостью не может оставаться в силе и приговор в отношении Гриншпуна, Дивинского, Миньковского и Ровинского. Материалами дела в достаточной степени установлено, что Гриншпун знал и активно участвовал в сделках со столовыми.

О взятке в 4000 руб., полученной специально для погашения долга столовым, не только знали, но были инициаторами этой комбинации Дивинский и Ровинский.

Миньковский в своих показаниях сам довольно красочно описывает порядок закупки пайков через спекулянтов.

Определение УКК Верховсуда УССР от 1 октября 1934 г. также признает, что «материалами дела в достаточной мере доказано предъявленное им обвинение».

При таких обстоятельствах нельзя согласиться с тем, что степень социальной опасности осужденных не требует их изоляции от общества, как равно, нельзя согласиться с резким смягчением наказаний, избранных облсудом в отношении Гриншпуна, Дивинского и Ровинского.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор Киевского облсуда от 25—31 июля 1934 г. и определение УКК Верховсуда УССР от 1 октября 1934 г. о тех же обвиняемых и постановление пленума Верховсуда УССР от 13 марта 1935 г.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила отменить приговор Киевского облсуда от 25—31 июля 1934 г., определение УКК Верховсуда УССР от 1 октября 1934 г. и постановление пленума Верховсуда УССР от 13 марта 1935 г. (за исключением Фижина) и дело в отношении Гриншпуна, Рижина, Ровинского, Дивинского и Миньковского передать на новое рассмотрение со стадии судебного следствия в декадный срок.

***

27—28 марта 1934 г. выездная сессия Верховсуда АзССР приговорила Мамедова Гаджи по закону 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы, с конфискацией половины имущества и Горского В. Н. по ч. 2 ст. 146 УК к 5 годам лишения свободы.

Обстоятельства этого дела заключаются в следующем:

У Гаджи Мамедова, который являлся заведующим столовой на рыбном промысле Худат была обнаружена недостача в размере 19411 р. 14 к.

Винодность Мамедова в растрате значительной суммы денег, принадлежавших столовой, была установлена как самим фактом недостачи, так и признанием Мамедова в израсходовании на свадьбу около 6 тыс. руб. и составлении для погашения недостачи подложного акта о краже из столовой продуктов на сумму—4897 р. 37 к.

В процессе расследования была выдвинута версия о том, что бухгалтер столовой Горский будто бы получил с Мамедова взятку в сумме 1000 руб., за сокрытие произведенной Мамедовым растраты, в связи с чем Горскому, помимо обвинения по ст. 146 УК, было предъявлено обвинение и по ст. 162 УК.

Однако эта версия не нашла подтверждения на судебном следствии и Горский по ст. 152 УК был оправдан.

Суд установил виновность Горского по ч. 2 ст. 146 УК в том, что он, будучи бухгалтером, допустил хаотическое состояние учета и отчетности в столовой, благодаря чему Мамедовым и была произведена растрата крупной суммы денег.

Прокуратура АзССР, считая осуждение Горского неправильным, опротестовала приговор суда в Президиум Верховсуда АзССР, причем привела следующие мотивы для отмены приговора:

Недостача у Мамедова образовалась за время с июля 1933 г. по январь 1934 г., Горский же фактически работал в столовой с июня по ноябрь месяц 1933 г., причем за этот период в течение одного месяца находился в отпуску. Недостача у Мамедова была выявлена на основании данных баланса, в составлении которого принимал участие Горский.

Возложение ответственности за недостачу у Мамедова исключительно на Горского является неправильным, так как помимо него контроль за деятельностью Мамедова должен был осуществляться и управлением и ревизионной комиссией рабкоопа.

Результаты рассмотрения протеста прокуратуры отражены в имеющейся в деле выписке из протокола заседания президиума Верховсуда АзССР от 8 июля 1934 г., из которой видно, что президиум вынес постановление об оставлении приговора суда в силе и о снижении осужденному Мамедову меры наказания до 3 лет лишения свободы.

Помимо приведенных выше соображений Прокуратуры Республики в отношении неправильности осуждения Горского, необходимо отметить, что баланс на 1 января 1934 г. был сдан Горским вновь назначенному бухгалтеру Шевченко 19 января, что Горский был дважды премирован за свою работу и что таким образом достаточных оснований для признания Горского виновным в хаотическом ведении учета и отчетности, в результате чего Мамедовым была совершена растрата, у суда не имелось, и именно поэтому суд в своем приговоре не смог привести ни одного факта, который характеризовал бы преступную халатность Горского.

В то же время, не изменяя квалификации действий осужденного Мамедова и без какой-либо мотивировки, президиум Верховсуда АзССР снизил меру наказания Мамедову до 3 лет лишения свободы.

В результате такого решения основной обвиняемый Мамедов оказался осужденным по закону 7 августа 1932 г. к значительно меньшему наказанию, чем обвиняемый Горский, который по ст. 146 УК был осужден к 5 годам лишения свободы.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор Верховсуда АзССР от 27—28 марта 1934 г. и постановление президиума этого суда.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: приговор Верховсуда АзССР от 27—28 марта 1934 г. и постановление президиума этого суда по делу Мамедова и Горского отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии судебного следствия.

***

Бармашев Александр Николаевич, машинист, работающий на транспорте с 1925 г., был осужден линсудом Пермской ж.д. 4 февраля 1934 г. к лишению свободы на 3 года по ст. 593в УК. Транспортная коллегия приговор оставила в силе.

Бармашев был осужден за то, что он допустил превышение скорости поезда № 609 на перегоне Шумиха-Чистое 17 октября 1933 г., и вместо установленной скорости в 30 км ехал со скоростью до 50 км в час, вследствие чего произошло крушение.

Техническое расследование причин крушения установило, что крушение явилось результатом превышения скорости до 50 км в час, отрыва буксовых сквозных торцевых болтов вследствие наличия в одном из них трещины и совершенно неудовлетворительного качества металла.

По делу было установлено, что поезд был отправлен со станции Шумиха в 18 ч. 20 м., крушение произошло в 18 ч. 35 м. на расстоянии 5—6 км от ст. Шумиха, следовательно 6 км Бармашев прошел в 15 мин. Прохождение этого расстояния в 15 мин. дает возможность констатировать, что скорость хода поезда не превышала установленной, т. е. 30 км. Мало вероятным является заключение о превышении скорости потому, что оно покоится на весьма разноречивых свидетельских показаниях, определявших превышение скорости на глазомер.

Кроме того весьма немаловажными являются и пояснения Бармашева во время судебного разбирательства, что если бы он ездил со скоростью 50 км в час, то при крушении вагоны набежали бы силою инерции друг на друга и паровоз отскочил бы на большое расстояние — метров на 700 от места навала, чего, однако не случилось. Вагоны повалились после упавшего хоппера один за другим и паровоз встал тут же на место.

Эти мотивы весьма основательные, имевшие для решения вопроса о причинах крушения основное значение, остались, однако без внимания. В деле нет даже схемы крушения, а акт, описывающий подробности крушения, составлен столь небрежно, что его даже нельзя прочесть.

Все это приводит к выводу, что факт превышения скорости не установлен, что крушение явилось результатом иных причин, то ли состояния пути, то ли неисправности подвижных частей состава поезда. Следствие и суд своевременно не уделили этому вопросу надлежащего внимания, а сейчас установить настоящую причину уже невозможно.

По этим основаниям Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор лисуда.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор лисуда и определение транспортной коллегии в отношении его, Бармашева, за отсутствием в его действиях состава уголовного преступления, отметить и дело в уголовном порядке производством прекратить.

**

Нарсуд г. Луганска 10 ноября 1932 г. приговорил Савву Конозова к 7 годам лишения свободы по закону 22 августа 1932 г. по обвинению в пособничестве в спекуляции.

УКК Доноблсуда приговор нарсуда утвердила.

Пособничество это выразилось, по утверждению суда, в том, что Конозов одалживал своей жене, занимавшейся мешочничеством, казенные деньги, получаемые им в подотчет из ЗРК, где он работал.

Однако при ознакомлении с материалами дела для такого вывода нет достаточных оснований. Вывод этот суд сделал из того факта, что по заявлению самого обвиняемого из числа отобранных при обыске у его матери 650 руб.

часть этих денег в сумме 182 руб. являлась его подотчетными деньгами, переданными им матери на временное хранение.

Не говоря уже о том, что сам факт стал известен лишь благодаря заявлению самого обвиняемого, что уже свидетельствует в пользу того, что никаких преступных целей при передаче этих денег матери он не преследовал (в противном случае он конечно умолчал бы об этом), произвольность подобного вывода суда совершенно очевидна. То обстоятельство, что мать его хранила вместе казенные и личные деньги сына, никак не может служить основанием для обвинения последнего в финансировании мешочничества за государственный счет. Кроме того в этом и не было никакой надобности, так как в распоряжении жены его имелось достаточно своих денег.

Кроме этой «улики», никаких других доводов в отношении причастности Саввы Конозова к спекуляции в деле не имеется. Тот факт, что он является мужем спекулянтки сам по себе не может заменить отсутствующие в деле доказательства его вины.

По этим основаниям Прокуратура СССР опротестовала приговор нарсуда в отношении Саввы Конозова.

Пленум Донецкого областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: приговор нарсуда г. Луганска от 10 ноября 1932 г. и определение касколлегии от 8 декабря 1932 г. отменить и дело по ст. 5 УПК производством прекратить.

**

17 января 1935 г. Пермская сессия лисейного суда приговорила ДСП Пермь гр. Чайковского Александра Романовича к 6 мес. и-т. работ с запрещением работать на должностях, связанных с движением поездов на 2 года; гр. Липатникова М. на 1 год условно и Красильникова Ольгу к 8 мес. и-т. работ.

Транспортная коллегия определением от 31 января 1935 г. приговор оставила в силе, понизив Чайковскому и Красильниковой удержание до 10%.

Все эти лица были осуждены за то, что 3 декабря 1934 г. п. № 833 был направлен вместо главного пути на 5-й пристанский тупик Камского речного пароходства, в результате чего у паровоза были повреждены: передняя подножка, сломано буферное стекло, сломаны с правой стороны цилиндрические краны, убыток определен в 80 руб.

Конкретно в отношении каждого обвиняемого установлено следующее:

Чайковский ДСП выдал ключи от стрелок ст. стрелочнику Липатникову, у которого ключи оставались на все время дежурства, в то время когда ключи должны были храниться у ДСП. Липатников, получив от ДСП Чайковского заказ на маршрут для отправления п. № 833, зная, что правильное направление поезда занесит от стрелки № 10, не проворив, в каком положении находится стрелка, сообщил Чайковскому о готовности маршрута.

Красильникова, получив ключи от ст. стрелочника перед отправлением п. № 833, участвовала при маневрах, производимых через стрелку № 10, не переводя стрелки на главный путь, т. е. в положение, в каком должна была находиться стрелка № 10, заперла ее и ключи передала Липатникову, который сам тоже не

проверил положения стрелки. При отправлении п. № 833 Липатников находился в будке, и Красильникова была им направлена для исполнения другой работы, следовательно при отправлении п. № 833 никто на стрелке № 10 не присутствовал.

Имея в виду, что никто из этих лиц ранее не судим, последствия от нарушения ими трудовой дисциплины весьма незначительны, Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: приговор линсуда и определение транспортной коллегии от 3 января 1935 г. в отношении Чайковского Александра Романовича, Липатникова Митрофана Агафоновича и Красильниковой Ольги Прокофьевны отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить.

***

В ночь на 20 декабря 1932 г. со склада Сталинградского Горкубуча, помещающегося по Медведицкой ул., путем взлома деревянной стены было похищено неустановленное количество товаров.

Уже после кражи, в складе была обнаружена бочка с растительным маслом в количестве 117 литров, причем оказалось, что это масло на складе незаприходовано.

Произведенным по этому поводу расследованием было установлено, что заведующий закуской № 4 Горкубуча Балакин 18 декабря договорился с неизвестным ему гражданином о покупке указанного масла. Получив отказ в выдаче ему денег для этой цели, Балакин самостоятельно купил масло и выдал продавцу из находившихся у него подотчетных сумм задаток в размере 500 руб. Масло это 19 декабря было доставлено в склад Горкубуча и принято без сопроводительных документов кладовщиком Ушаковым.

Всего Балакиным было куплено 179 кг масла, после же кражи в наличии оказалось только 117 литров. Таким образом установлена недостача 62 кг.

В связи с этим Балакин, Ушаков и агент Горкубуча по снабжению Ефанов, который принимал участие в перевешивании масла на складе, были переданы суду по закону 7 августа 62 кг.

2 января 1933 г. нарсуд 3 участка г. Сталинграда признал Балакина, Ушакова и Ефанова виновными в том, что они совершили кражу 62 кг масла, а затем с целью сокрытия этого преступления симулировали кражу товаров из склада Горкубуча и приговорил каждого из них к 10 годам лишения свободы.

Кассколлегия крайсуда 20 января 1933 г. приговор нарсуда утвердила.

Прокуратура Союза, считая, что действия обвиняемых неправильно квалифицированы судом по закону от 7 августа 1932 г., опротестовала приговор нарсуда по следующим соображениям:

Масло, похищенное со склада Кубуча не являлось общественной собственностью, так как по делу не установлено, кому первоначально принадлежало это масло. Фактически владельцем масла являлся осужденный Балакин который, злоупотребляя своим служебным положением, за свой страх и риск купил его у неизвестного лица, и чтобы квалифицировать действия Балакина по закону 7 августа 1932 г. следовало признать, что он похитил часть масла им самим же купленного и фактически принадлежащего ему же самому.

Указанные выше действия Балакина должны были быть квалифицированы как злоупотребление служебным положением.

В отношении осужденного Ушакова материалами дела установлено, что он, будучи кладовщиком склада Кубуча, незаконно без документов, принял от Балакина масло. Эти действия Ушакова подлежат квалификации по ст.ст. 17 и 109 УК.

Первая коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза определила действия Балакина, Ушакова и Ефанова пере-квалифицировать на ст. 109 УК и в соответствии с ролью каждого из обвиняемых определить им наказания: Балакину — 4 года лишения свободы, Ушакову—3 года и Ефанову—2 года, исключив из приговора конфискацию имущества.

***

17 июня 1934 г. нарсуд 1 участка Ростовского р-на, Иваново-промышленной обл. приговорил по ст. 107 УК к 5 годам лишения свободы гр. Федорову.

Федорова А. М. была признана виновной в систематической спекуляции овсом и табаком на базарах гг. Ростова и Москвы.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда по следующим основаниям:

Предварительное и судебное следствие по делу было проведено небрежно. В деле нет постановления о привлечении Федоровой А. М. в качестве обвиняемой. Нет постановления об окончании следствия. Обвинительное заключение Федоровой А. М. не было вручено.

Дело слушалось в отсутствие обвиняемой, в то время как суд знал, что повестка обвиняемой Федоровой не получена.

Суд обосновал приговор совершенно непроверенными данными. Факт спекуляции Федоровой А. М. овсом на базарах гг. Ростова и Москвы судом, а также органами финотдела и милиции установлен не был.

Вторая коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: приговор нарсуда 1 участка Ростовского р-на от 17 июня 1934 г. отменить и дело на основании примечания к ст. 66 УК производством прекратить.

Оперативно-производственное совещание в Союзной прокуратуре 10 июня 1935 г.

10 июня с. г. под председательством прокурора Союза ССР т. А. Я. Вышинского состоялось расширенное оперативно-производственное совещание Прокуратуры Союза ССР, на котором обсуждались актуальнейшие в настоящее время для работы прокуратуры вопросы: 1) о мероприятиях по общему надзору (докладчик — т. Рогинский); 2) о работе по кадрам (докладчик — т. Вавилов); 3) о соцсовместителях (докладчик — т. Рогинский). Эти вопросы теснейшим образом связаны друг с другом: улучшение качества работы по общему надзору, как и по другим отраслям прокурорской деятельности, всецело зависит от основной и решающей в современных условиях проблемы кадров, а к этой проблеме, в свою очередь, вплотную примыкает и является ее составною частью вопрос о соцсовместителях.

Вот почему итоги указанного оперативно-производственного совещания заслуживают особого внимания и интереса со стороны всех органов и работников всей системы прокуратуры вплоть до самых низовых ее звеньев включительно.

Центральное место в первом докладе т. Рогинского занимал вопрос о борьбе с нарушениями революционной законности, часто наблюдающимся на местах даже со стороны отдельных ведомств. Еще 11 мая с. г. прокурором Союза был издан приказ о мероприятиях по усилению работы органов прокуратуры именно в этой области. Однако и до настоящего времени органы прокуратуры не перестроили еще своей работы в требуемом направлении. Об этом свидетельствует ряд фактов, когда на местах прокуроры, зная о незаконных постановлениях тех или иных органов, не обращали на них внимания, не опротестовывали их, не добивались их отмены и даже не сигнализировали о них в Прокуратуру Союза или РСФСР. Так было с нарушениями закона в денежной системе, с выпуском незаконных местных займов и денежных суррогатов (Омск, Горьковский край, Грозный), с нарушениями в деле проведения в жизнь нового колхозного устава и т. д.

В целях решительного поворота и перестройки работы по общему надзору, в докладе т. Рогинского был предложен ряд практических мероприятий, охватывающих весь прокурорский аппарат, начиная от Прокуратуры Союза и кончая райпрокуратурами.

Так, в Прокуратуре Союза каждый ее отдел и каждый прокурор, ведающий определенным кругом наркоматов и входящих в их систему учреждений, должны просматривать все издаваемые наркоматами и их учреждениями постановления, циркуляры, распоряжения, имеющие директивный, установочный и т. п. характер, проверять их законность и опротестовывать те, которые будут нарушать требования советского закона. Для этой цели необходимо обеспечить своевременное получение Прокуратурой Союза всех издаваемых наркоматами и учреждениями постановлений, приказов и т. п. Все это требует установления тесной связи с правовыми отделами и юрисконсультами наркоматов и учреждений, периодических с ними совещаний, посещения наркоматов и учрежде-

ний наблюдающими за ними прокурорами, с соответствующей проверкой на месте — все ли постановления и приказы посылаются в прокуратуру, систематического и регулярного подведения итогов работы по общему надзору на оперативных совещаниях прокуратуры (не реже 1 раза в месяц) и т. д.

Аналогичным образом должен быть построен общий надзор за законностью издаваемых ведомствами постановлений и в прокуратуре союзных республик.

Что касается краевых и областных прокуратор, то здесь необходимо, чтобы проекты обязательных постановлений проходили через местную прокуратуру для предварительного их просмотра и дачи необходимых замечаний по ним с тем, что, если эти замечания не будут приняты, прокуратура опротестовывает незаконные постановления. Необходимо, кроме того, чтобы на каждом заседании президиума и секретариата край(обл)исполкома присутствовал край(обл)прокурор или его заместитель для внесения, в случае надобности, соответствующих поправок или протестов. Независимо от этих мероприятий, постановления исполкомов должны обязательно поступать для систематического просмотра и в Прокуратуру Союза, которая будет, таким образом, на этом материале проверять работу край(обл)прокуроров.

Весьма ответственна и роль районного прокурора в системе общего надзора за соблюдением революционной законности. Он также должен присутствовать на заседаниях президиума и секретариата своего исполкома, получать и просматривать постановления сельсоветов, периодически проверять постановления общих собраний и правлений колхозов по вопросам нового колхозного устава и штрафной практики.

Таковы, в общих чертах, предложения, выдвинутые в докладе т. Рогинского. Резюмируя вкратце по этому докладу, т. А. Я. Вышинский предостерег работников прокуратуры от двух опасностей: 1) от опасности «удариться в крайность», т. е. в наблюдение за всякого рода мелочами, что означало бы возврат к старым формам надзора и не позволило бы сосредоточить силы и внимание на основном, главнейшем — на том, что сейчас требуется от прокуроров; 2) от принятия на себя прокурорами роли консультантов наркоматов и учреждений, которые пожелали бы «страховать» себя путем сплошного пропуска своих постановлений через предварительную прокурорскую визу.

Совещание одобрило доклад т. Рогинского и приняло содержащиеся в нем предложения о мероприятиях по общему надзору, признав также необходимым, по предложению т. Вышинского, дать дополнительное инструктивное письмо с конкретными указаниями для работников прокуратуры о методах наилучшего осуществления общего надзора за революционной законностью.

Во втором докладе о работе по кадрам т. Вавилов отметил ряд имеющихся в данном вопросе недостатков. Это, во-первых, **неполное укомплектование** (по общей прокуратуре недокомплекта в 1770 чел., по специальной в

277 чел.), относящиеся, главным образом ко вновь организуемым областям и районам. Крупным недостатком является, далее, **текучесть** кадров, составлявшая за 1934 г. в ряде союзных республик 31%. Причины этой текучести коренятся в не всегда удачном подборе кадров; в нежелании ряда работников, отстающих по своей подготовке от предъявляемых в настоящее время требований, поднять свою квалификацию до уровня этих требований; в неудовлетворительном состоянии материально-бытовых условий, главным образом, народных следователей и районных прокуроров; наконец, в отсеве чуждых, негодных элементов, пробравшихся в прокуратуру, выявляемых при проверке, которая продолжается и поныне.

Для устранения имеющихся недостатков, для улучшения подбора, укрепления и поднятия авторитета работников прокуратуры совещанием был принят ряд предложенных т. Вавиловым мероприятий. Предложения эти были дополнены т. Вышинским, отметившим необходимость углубления поставленных в докладе вопросов, давшим развернутый и заостренный в духе большевистской самокритики, анализ недостатков работы с кадрами и внесшим ряд новых практических предложений, принятых оперативно-производственным совещанием. В частности, т. Вышинский указал на необходимость довести до конца реализацию в данном вопросе постановления XVII съезда партии, а именно: организовать изучение периферийных кадров и работу по ним внутри соответствующих оперативных секторов прокуратуры, с тем, чтобы изучение кадров и руководство их движением носило вполне оперативный характер и основывалось не на каких-либо случайных моментах, не на чисто бумажных данных, а на систематическом, глубоком ознакомлении с живыми людскими кадрами и с их реальной работой по конкретным делам, по исходящим от того или иного работника следственным и судебным материалам.

***

Широко развернут был и второй доклад зам. прокурора Союза т. Рогинского, посвященный вопросу о **соцсовместителях**. Докладчиком была дана яркая картина существующего в этом вопросе положения со всеми важнейшими его недостатками. Самое число соцсовместителей крайне недостаточно: на 1-ое июня 1935 г. числятся в Прокуратуре Союза только 36 человек, а в действительности — значительно меньше. В ряде отделов (сельскохозяйственный, промышленный, водная прокуратура) соцсовместители, хотя и числятся, но фактически не работают. Некоторые отделы сумели заинтересовать соцсовместителей и правильно построили работу с ними. В других же отделах работа соцсовместителей либо вовсе срывается по вине самих же отделов, либо этой работе придается неправильный, извращающий самую идею соцсовместительства, характер. Соцсовместителя превращают по существу в обычного аппаратного оперативного работника, в результате чего он теряет свой профиль общественного призванного не только помогать в оперативной работе, но и изучать самую систему, в которой работает, помогать выявлять и исправлять существующие в ней дефекты.

Нет у работающих в Прокуратуре Союза

соцсовместителей и связи с выдвинувшим их производством. и (за исключением транспортной прокуратуры) взаимного между собою обмена опытом.

Нет также и должного внимания к материально-бытовым условиям работы соцсовместителей, приходящих в прокуратуру работать вечером, по окончании своей дневной работы на производстве; не организована и система поощрения лучших соцсовместителей, включения в аппарат наиболее подготовленных из них и т. д.

Все это приводит к утрате интереса у соцсовместителей к работе, а вслед за тем и к полному отходу их от работы.

Тов. Рогинский внес ряд предложений, направленных к улучшению дела соцсовместительства в Прокуратуре Союза. Сюда относится, прежде всего, изменение самого **способа комплектования** соцсовместителей: вместо «кустарщины» в этом деле — плановое обеспечение источников комплектования с тем, чтобы каждый прокурор, как правило (за некоторыми специфическими исключениями), имел соцсовместителя. Во-вторых, необходимо изменить и **метод работы** с соцсовместителями, не превращать их в простой придаток оперативного аппарата, а обеспечить соцсовместителю возможность проявления инициативы в деле изучения и вскрытия недостатков аппарата.

Важнейшее значение имеют и **правильное разрешение организационного вопроса** (перенесение заведывающих вопросами соцсовместительства в отдел кадров), и надлежащая организация **учебы** соцсовместителей, и улучшение их **бытового обслуживания**.

Доклад т. Рогинского был одобрен оперативно-производственным совещанием, подкрепившим при этом, по предложению т. Вышинского, ответственность, лежащую на начальниках управлений, отделов и отдельных частей Прокуратуры Союза за правильную организацию работы соцсовместителей как в самом центральном аппарате, так и на периферии. Внося это предложение, т. Вышинский указал на необходимость оживления работы соцсовместителей, перенесения центра тяжести ее из канцелярии, гораздо менее интересующей рабочего с производства, на общественную арену; расследования и выезды на места, судебные выступления, участие в производственных совещаниях прокуратуры и т. д.

К той же мысли, по существу, примыкало принятое совещанием предложение т. Сегала о выделении и продвижении, после соответствующей подготовки на непосредственную оперативную судебно-прокурорскую работу ряда соцсовместителей, проявивших себя хорошими и преданными делу работниками.

Таковы, в общих чертах, итоги июньского оперативно-производственного совещания Прокуратуры Союза. Охватывая ряд важнейших вопросов, касающихся содержания, организации и качества прокурорской работы, постановления этого совещания должны привлечь к себе максимальное внимание всех органов и работников нашей системы, послужить для них по этим вопросам новой исходной и опорной точкой в неуклонной и повседневной, партийно вдохновленной борьбе за наилучшие, большевистские качества советского прокурора.

Библиография

Колькотт, М. С., д-р. Юстиция в России, Нью-Йорк, Изд. Макмиллен, 1935 г. с. 265.

Книга американского социолога и криминолога д-р Мери Колькотт: «Юстиция в России» представляет большую ценность, как добро-совестная и вдумчивая попытка дать картину советской юстиции, советской уголовной и исправительно-трудовой политики.

Д-р Мери Колькотт принадлежит к левобуржуазной американской интеллигенции. Она — автор двух капитальных исследований: «Нью-Йоркское законодательство о детском труде и «Принципы социального законодательства». Для ее умонастроения и политической установки не только симптоматичен самый выбор тематики, но и трактовка предмета. Необходимо также отметить, что предисловие к ее работе о детском труде написано известным американским деятелем в области детского суда Линдслеем.

Проф. Мери Колькотт посетила в прошлом году Советский союз, приехав вместе со слушателями англо-американского института при И МГУ. Она с большой энергией использовала время, которым располагала, не только посетив наши суды и исправительно-трудовые учреждения, но и вступив в теснейший контакт с деятелями нашей юстиции и работниками наших правовых научных учреждений.

Книга представляет интерес не только своей попыткой дать теорию советского уголовного права и процесса, советской уголовной и исправительно-трудовой политики, не только теми живыми и всегда острыми впечатлениями, которыми автор подводит итог, но и всем ее тоном. Можно смело сказать, что, приехав в Советский союз в качестве «объективного наблюдателя», автор уехал, как видно из ее книги, убежденным другом и поклонником Советского союза. Отсюда в высшей степени благожелательный тон всей книги. Книга подкупает своею искренностью и то, что книга принадлежит буржуазному ученому, приехавшему только в качестве «объективного наблюдателя», делает пожалуй особенно ценным те благожелательные, а местами восторженные выводы к которым автор приходит в результате изучения нашей уголовной и исправительно-трудовой политики, причем автор отдает себе полный отчет о тех трудностях, которые стояли и еще стоят на нашем пути, и о тех недостатках, которые еще не изжиты.

Автор в введении пишет: «Социальную политику Советского союза нужно брать в историческом разрезе. Нельзя ограничиться описанием того, что существует в настоящий момент, но нужно охватить пройденное за короткое время расстояние и те грандиозные преобразования, которые пришлось преодолеть». И автор продолжает: «Должно казаться прямо чудом, как удалось не только почти покончить с детской беспризорностью, принявшей такие огромные размеры лет 10—12 тому назад, но и создать конструктивные методы в деле исправления взрослых правонарушителей».

Нас не должно удивлять, что книга слабее в тех частях, которые посвящены марксистской теории права и государства (в частности глава: «Советская теория преступления»), чем в тех, где автор излагает свои живые впечатления или дает сводку и анализ советского законодательства. Автор для первой из названных задач недостаточно подготовлен (в частности, не владея русским языком, автор не мог охватить всей необходимой ему литературы), но самое желание дать теоретические основы советского права нужно только приветствовать.

Зато с захватывающим интересом читаются те страницы, где автор излагает свои живые впечатления, которые были получены при посещении наших судов и исправительно-трудовых учреждений. И вот, что замечательно. Проф. Мери Колькотт подметила многое такое, что нам в силу привычки уже не бросается в глаза. Описание Соколынского изолятора, Новинского исправдома, Болшевской коммуны принадлежат к числу лучших глав в книге. Автор при этом приводит любопытные сопоставления с капиталистической пенитенциарной практикой. Она говорит: «Когда при посещении зарубежных тюрем нас уверяет начальство, что у них нет «практики молчания», а заключенные на вопросы отвечают шопотом, то внимательный наблюдатель делает из этого свои выводы». Наоборот, при посещении советских исправительно-трудовых учреждений не было расхождений между полученными разъяснениями и тем, что автор сам видел и наблюдал, причем автор подчеркивает, что ему была дана полная свобода общения с заключенными.

Не менее интересны описания посещения народных судов, городского суда, верховного суда РСФСР. Автору была дана возможность ознакомиться с делами, которые подлежали разбору и, будучи в курсе того, что происходит, автор мог следить за всеми деталями судебной процедуры. Ее впечатления — не впечатления иностранного туриста, а серьезного наблюдателя и специалиста, впечатления, в которых найдет для себя много поучительного даже советский читатель. С одним, впрочем, нельзя согласиться в описании д-ра Колькотт: вполне понимая роль и значение советской прокуратуры, она недооценивает роли советской защиты. Правда, автор прав, когда подчеркивает, что в советском суде нет «эффектной схватки между обвинением и защитой», нет словесной дуэли и игры написанных друг другу ударов, нет всего того парада, когда подсудимый забыл, а публика следит за единоборством сторон (стр. 131), прав автор, когда подчеркивает разницу между ролью обвинения и защиты в советском суде и в судах капитала, но неправ, когда думает, что обвинение и защита не пужны в советском суде.

Книга М. Колькотт распадается на следующие главы (кроме предисловия): 1) введение, 2) советская теория преступления, 3) советская уголовная репрессия со времени революции, 4) какие преступления совершаются и кто их

совершает, 5) что собой представляют суды, 6) предварительное следствие, 7) научная помощь суду, 8) прокуратура, 9) подсудимый и защита, 10) труд как метод исправления, 11) Сокольниковы, 12) женская тюрьма, 13) дети и закон, 14) Болшевская коммуна и 15) заключение.

Из этого оглавления видно, как широк диапазон книги. Кроме того, автор в виде приложения дает перевод общей части уголовного кодекса (особенная часть почти целиком приведена в тексте книги, как и перевод важнейших законодательных актов последнего времени).

Хотя автор, казалось бы, должен был понимать, что советский суд как орган пролетарской диктатуры и советская уголовно-исправительная политика неотделимы от всей советской системы, однако автор полагает, что Америка до известной степени может использовать «русский судебный и пенитенциарный опыт». Это та же ошибка, которую делают буржуазные экономисты, когда им кажется, что они могут заимствовать у нас «планирование хозяйственной жизни».

Автор в своем предисловии пишет: «Проблема преступности в Соединенных штатах Америки принадлежит к числу самых серьезных социальных вопросов. Возросшая за последнее время активность «гэнгстеров» (бандитов, терроризирующих промышленность и торговлю) и «киднеллеров» (похитителей людей) увеличение преступности среди молодежи, преступности, с которой мы не видим средств борьбы, вызывают тревогу не только среди социальных работников и лиц, соприкасающихся с этими проблемами, но даже среди обыкновенных граждан. Не только наша пенитенциарная система, непригодная для исправления правонарушителей, но и наши социальные условия являются почвой для порождения преступности. Медлительность наших судов, влияние политики на юстицию, воздействие на сентиментальных и некомпетентных присяжных заседателей со стороны искусных, но совершенно беспринципных адвокатов — все это явления, хорошо всем известные. Видя все это, мы задаем себе естественный вопрос: что же нам делать в интересах охраны общества и в то же время для того, чтобы помочь преступнику снова стать полезным гражданином?»

Конечно, причины плохой «работы» американской юстиции очерчены автором в этих строках не совсем «адекватно». Однако, не это нас сейчас интересует. Нас интересует тот рецепт, который предлагает автор: «Мы можем сделать только одно: внимательно присмотреться к другим странам и к другим системам, которые кажутся более пригодными. Россия с ее широкой социальной программой уделяет большое внимание своей преступности и своим преступникам. Шервуд Эдди, изучавший Россию в течение долгого времени, включил гуманное обращение с преступниками в число вещей, которые могли бы позаимствовать другие страны. Он мог бы прибавить также простоту разбора дел в судах, при помощи которой достигается более правильное отправление правосудия, и порекомендовать бы и это явление как образец для подражания».

К сожалению, мы должны разочаровать д-р Колькотт: американские тюрьмы едва ли

сумеют заимствовать у нас «гуманное обращение с заключенными», а суды «простоту производства», да дело не в этом.

Далее, д-р М. Колькотт пишет: «Можно симпатизировать политическим убеждениям, господствующим в Советском союзе, или осуждать их, но нельзя не испытывать уважения и удивления в отношении народа, который сумел претворить идеи в действительность. Они знают, чего потребовать от человека, нарушившего закон, и как вернуть его обратно в общество».

Д-р Колькотт кажется, что можно заимствовать советскую уголовную и исправительно-трудовую политику, оставив в стороне «политические убеждения, господствующие в этой стране», и в этом ее ошибка.

Однако уже в введении к своей книге она рассуждает более правильно. Она пишет: «Уголовная репрессия тесно связана со всей социальной программой, которую развивает советское государство». При этом д-р М. Колькотт перечисляет следующие основные условия, помогающие советскому государству в борьбе с преступностью: 1) пятилетка и ликвидация безработицы, 2) участие широких масс в управлении государством и в общественной жизни, 3) культурная революция и ликвидация безграмотности, 4) новое социальное сознание, 5) новое законодательство о семье и браке, 6) заботы о здравоохранении и о физической культуре, 7) заботы о детях, охрана материнства и младенчества, 8) подъем жизненного уровня трудящихся масс, 9) широкая система социального обеспечения и пр.

В том же введении д-р Колькотт пытается парировать упрек, который ей могут бросить, что она пробыла в Советском союзе недостаточное время для того, чтобы составить себе исчерпывающее понятие о советских судебных и исправительно-трудовых учреждениях. Парировать она этот упрек довольно правильно: ссылкой на то, что она специалистка в той области, о которой пишет, и что она была в силу этого достаточно подготовлена к правильной оценке и правильному восприятию полученных впечатлений. И действительно, как мы видели, личные впечатления автора всегда отличаются большой точностью, а ее описания — правдивостью и добросовестностью. Точно так же она проявляет достаточную осведомленность и в советском уголовном законодательстве. И не в этом слабая сторона ее книги. То, чего ей не хватает, не может быть ей, как буржуазному ученому, поставлено в вину: ей не хватает надлежащей марксистской подготовки и это мешает ей углубить и теоретически осмыслить те в общем правильные фактические наблюдения, которые она сделала.

Если в силу указанных причин глава: «Советская теория преступности» является недоработанной, то другие главы ее книги нельзя не признать в достаточной степени содержательными. В главе: «Советская уголовная репрессия со времени революции» автор дает сжатый, но серьезный очерк истории уголовной репрессии в Советском союзе. В главе: «Какие преступления совершаются и кто их совершает» автор не только излагает особенную часть уголовного кодекса, не только приводит статистические материалы, но на основе работ советских теоретиков уголовного права пытается дать отчет о корнях, формах и причинах пре-

ступности в Советском союзе. В главе: «Научная помощь суду» автор подробно останавливается на работах Института уголовной политики и Института им. Сербского, а также на роли экспертизы в советском суде. Неплохо изложено судостроительство и особенно хорошо — роль и задачи советской прокуратуры. Изложение сопровождается приведением наглядных схем в форме таблиц, которые должны сильно облегчить зарубежному читателю понимание предмета.

Честность, добросовестность, серьезность, полное желание. понять происходящее, отсутствие предвзятости — вот отличительные черты личности и книги д-р В. Колькотт.

В целом книга должна расцениваться как положительное явление. Книга д-р Колькотт, на-

писания в высшей степени популярно, рассчитана не только на специалистов, но и на широкий круг читателей. Книга представляет собою правдивый отчет видного американского криминолога о советской судебной и исправительно-трудовой системе. Книга эта сыграет огромную роль в деле правильной ориентации зарубежного читателя в тех явлениях, которые она описывает и подвергает вдумчивому анализу. Книга эта безусловно заслуживает перевода на русский язык. Книга эта — победа того большого дела, которое творится в Советском союзе, и которое вынужден признать даже буржуазный ученый, если он хочет быть добросовестным.

А. Е. Брусиловский.

Официальный отдел

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА СССР О СНЯТИИ СУДИМОСТИ С КОЛХОЗНИКОВ

Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза СССР постановляют:

1. Снять судимость с колхозников, осужденных к лишению свободы на сроки не свыше 5 лет либо к иным более мягким мерам наказания, и отбывших данное им наказание или досрочно освобожденных до издания настоящего постановления, если они в настоящее время добросовестно и честно работают в колхозах, хотя бы они в момент совершения преступления были единоличниками.

2. Действие этого постановления не распространяется:

а) на осужденных за контрреволюционные преступления и особо опасные преступления против порядка управления;

б) на осужденных по всем преступлениям на сроки свыше 5 лет лишения свободы;

в) на рецидивистов;

г) на лиц, осужденных за злостное и систематическое невыполнение обязательств по поставкам сельскохозяйственных продуктов (зернопоставки, мясо- и молокопоставки и др.).

3. Снятие судимости освобождает этих лиц от дополнительных мер наказания, назначенных по пунктам «ж», «з» и «и» ст. 20 УК РСФСР и соответ-

ствующим пунктам статей УК других союзных республик, а также отменяет запрещение на получение ими паспорта, если для этого нет ограничения по другим основаниям.

4. Для осуществления настоящего постановления образовать в районах, краях, областях и союзных республиках, не имеющих краевого и областного деления под председательством председателя соответствующего исполкома, комиссии в составе: прокурора, председателя суда и начальника управления НКВД.

5. Для определения порядка работы комиссий, указанных в п. 4-м настоящего постановления, поручить Прокуратуре Союза ССР, Верховному Суду Союза ССР и НКВД СССР издать специальную инструкцию.

6. Работу по снятию судимости с колхозников в соответствии с настоящим постановлением закончить к 1-му ноября 1935 г.

Председатель ЦИК Союза ССР
М. Калинин.

Зам. председателя СНК Союза ССР
В. Чубарь.

Секретарь ЦИК Союза ССР
И. Акулов.

Москва, Кремль.
29 июля 1935 года.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КО-
МИТЕТА И СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССА-
РОВ СОЮЗА ССР 19 ИЮНЯ 1935 г.**

**О ПОДСУДНОСТИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ СПО-
РОВ КОЛХОЗОВ МЕЖДУ СОБОЙ И ИМУ-
ЩЕСТВЕННЫХ СПОРОВ КОЛХОЗОВ С ГОСУ-
ДАРСТВЕННЫМИ И КООПЕРАТИВНЫМИ
ОРГАНИЗАЦИЯМИ**

1. Установить, что споры колхозов между со-
бой и споры колхозов с государственными и
кооперативными организациями, возникающие
из договоров и других имущественных право-
отношений, подлежат рассмотрению:

а) при сумме иска не свыше 5000 руб. —
в народном суде;

б) при сумме иска свыше 5000 руб.—в Госу-
дарственном арбитраже.

2. Учредить в составе республиканского (в
республиках, не имеющих областного деления),
краевого и областного государственного арбит-
ража специальные должности арбитров (от
двух до пяти человек на республику, край,
область) для рассмотрения споров, предусмот-
ренных п. «б» ст. 1 настоящего постановления,
в соответствии с Положением о Государствен-
ном арбитраже, с обязательным выездом ар-
битров в районы.

3. Предоставить государственному арбитражу
при совнаркоммах республик, не имеющих обла-
стного деления, краевых и областных испол-
нительных комитетов право изменения и от-
мены решений, вынесенных соответствующими
арбитрами в порядке выезда.

Возложить на главного арбитра при СНК
СССР контроль за работой республиканского,
краевого и областного государственного арбит-
ража по рассмотрению указанных споров.

4. Размер единой государственной пошлины
с исковых заявлений по спорам колхозов меж-
ду собой и спорам колхозов с государствен-
ными и кооперативными организациями устано-
вить в 1/4‰ исковой суммы.

5. Настоящее постановление на земельные
споры не распространяется. В отношениях этих
споров сохраняется порядок их рассмотрения,
предусмотренный законодательством Союза ССР
и союзных республик.

6. Поручить СНК Союза ССР и правитель-
ствам союзных республик внести в дейст-
вующее законодательство Союза ССР и союзных
республик изменения, вытекающие из настоя-
щего постановления.

Председатель Центрального исполнительного
комитета Союза ССР **М. Калинин.**

Председатель Совета народных
комиссаров Союза ССР **В. Молотов.**

И. о. секретаря Центрального исполнительного
комитета Союза ССР **И. Уншлихт.**

Москва, Кремль.
19 июня 1935 г.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА
ССР**

**ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СНК
СССР ОТ 29 СЕНТЯБРЯ 1932 г. «О ПРАВАХ
И ОБЯЗАННОСТЯХ ГЛАВНЫХ И СТАРШИХ
БУХГАЛТЕРОВ» В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ХОЗЯЙ-
СТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ОБОБЩЕСТ-
ВЛЕННОГО СЕКТОРА**

Изложить ст. 11 постановления СНК СССР
от 29 сентября 1932 г. «О правах и обязан-
ностях главных и старших бухгалтеров в уч-
реждениях и хозяйственных организациях
обобщественного сектора» (СЗ СССР 1932 г.
№ 72, ст. 440) следующим образом:

«11. Главный или старший бухгалтер в слу-
чае получения распоряжения, противоречащего
закону или установленному порядку бухгал-
терской отчетности, обязан до приведения его
в исполнение письменно обратить внимание ли-
ца или органа, давшего распоряжение, на не-
законность последнего.

При получении письменного подтверждения
распоряжения главный или старший бухгал-
тер обязан его исполнить с немедленным уве-
домлением о том руководителя вышестоящего
органа. Одновременно главный или старший
бухгалтер обязан об этом сообщить:

а) по учреждениям и организациям районно-
го и городского подчинения заведующему рай-
онным или городским финансовым отделом;

б) по учреждениям и организациям краевого
(областного) подчинения — заведующему кра-
евым (областным) финансовым отделом;

в) по учреждениям союзного и республикан-
ского подчинения — народному комиссару фи-
нансов Союза ССР или народному комиссару
финансов союзной республики — по принад-
лежности.

В тех случаях, когда главный или старший
бухгалтер получает распоряжение совершить
действие, наказуемое в уголовном порядке, он
обязан, не приводя этого распоряжения в ис-
полнение, немедленно сообщить об этом ука-
занным выше органам».

Зам. председателя совета народных
комиссаров Союза ССР **Н. Антипов.**

Управделами Совета народных
комиссаров Союза ССР **И. Мирошников.**

21 июня 1935 г.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КО-
МИТЕТА И СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССА-
РОВ СОЮЗА ССР**

**О ПОРЯДКЕ ПРОВЕДЕНИЯ ДОБРОВОЛЬНЫХ
СБОРОВ**

Центральный исполнительный комитет и Со-
вет народных комиссаров Союза ССР поста-
навлиют:

1. Запретить советским и общественным ор-
ганизациям проведение всякого рода добро-

вольных сборов на какие-либо цели, в том числе и путем распространения значков, открыток и т. п. предметов. В виде исключения из этого правила проведение этих сборов допускается лишь с разрешения Совета народных комиссаров Союза ССР, даваемого в каждом отдельном случае с указанием формы, срока и размера сбора, а также территории, на которой сбор будет производиться.

2. Разрешенные в порядке ст. 1 настоящего постановления добровольные сборы могут проводиться только силами соответствующего учреждения, общества или организации и с помощью их низовых организаций. Привлечение для проведения сборов специальной платной агентуры запрещается.

3. За проведение добровольных сборов в нарушение настоящего постановления наряду с лицами, непосредственно проводившими сборы, несут ответственность руководители соответствующих организаций, а по линии добровольных обществ — также и председатели ревизионных комиссий.

4. Запретить Госбанку Союза ССР и государственным трудовым сберегательным кассам открывать текущие счета для приема добровольных сборов без наличия у открывающей счет организации разрешения СНК СССР на производство этих сборов.

5. Настоящее постановление не распространяется на сборы, проводимые организациями среди своих членов на основании изданных в установленном законом порядке уставов и положений соответствующих организаций.

6. Постановления ЦИК и СНК СССР от 5 сентября 1924 г. — «О порядке производства добровольных сборов и пожертвований» (СЗ СССР 1924 г. № 8, ст. 81 и 1929 г. № 61, ст. 560) и от 7 августа 1925 г. «О производстве добровольных сборов и пожертвований» (СЗ СССР 1925 г. № 52, ст. 388; 1928 г. № 38, ст. 347; 1929 г. № 31, ст. 282, п. 4; 1930 г. № 44, ст. 451, пп. 24 и 25) и п. «а» ст. 6 Положения о Центральной комиссии по организации и распоряжению фондами им. В. И. Ленина помощи беспризорным детям при Президиуме ЦИК Союза ССР (СЗ СССР 1928 г. № 38, ст. 348) — отменить.

7. Поручить правительствам союзных республик внести в законодательство союзных республик изменения, вытекающие из настоящего постановления.

8. Поручить всем центральным советским и общественным организациям привести уставы и положения подведомственных им организаций в соответствие с настоящим постановлением.

Председатель Центрального исполнительного комитета Союза ССР **М. Калинин.**

Председатель Совета народных комиссаров Союза ССР **В. Молотов.**

Секретарь Центрального исполнительного комитета Союза ССР **И. Акулов.**

Москва, Кремль.

1 июля 1935 г.

О ПОРУЧЕНИЯХ МИЛИЦИИ ВЗЫСКИВАТЬ ШТРАФЫ

Главное управление РК милиции НКВД СССР сообщило в Прокуратуру Союза об имевших место случаях, когда на милицию возлагается обязанность взыскания штрафов, наложенных различными органами (не милицией).

Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 4/1 1928 г. (СЗ 1928 г. № 5, ст. 42) принудительное взыскание штрафов, налагаемых в административном порядке, осуществляется в соответствии с положением о взыскании налогов и неналоговых платежей (СЗ 1932 г. № 69), а этим положением устанавливается, что взыскание производится тем органом, который исчислил налог.

Таким образом поручать работу по взысканию штрафов (наложенных не милицией) органам милиции законных оснований нет.

В соответствии со ст. 410 «Б» § 6 постановления ЦИК и СНК СССР (СЗ 1932 г. № 69) и постановлением СНК от 3/III 1933 г. (СУ 1933 г. № 16, ст. 53) милиция должна оказывать содействие органам, производящим принудительное взыскание, причем представители милиции приглашаются в случае отказа недомщика допустить производство описи в помещении, занимаемом им самим или имуществом, вскрыть хранилище своего имущества и т. д.

Настоящее разъяснение прошу принять к руководству.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

15 июня 1935 г.

№ 51/11.

ОБ УСИЛЕНИИ БОРЬБЫ С ПРЕСЛЕДОВАНИЯМИ РАБСЕЛЬКОРОВ

Дела о преследованиях рабселькоров, прошедшие в последнее время через Прокуратуру Союза, сигнализируют о том, что указания Прокуратуры Союза от 3 декабря 1933 г. о быстрой и своевременной борьбе с преследованиями рабселькоров органами прокуратуры в целом ряде случаев не выполняются.

Особо необходимо отметить имевшие место факты бездействия отдельных работников прокуратуры, которые, получая сведения об угрозах, преследованиях и даже о готовящихся покушениях на рабселькоров не принимали реального мер к проверке этих сведений и предупреждению готовящихся покушений.

Дело об убийстве одного из авторов книги «Были Горы Высокой» рабкора Быкова в г. Н. Тагиле Свердловской обл. и дело об убийстве селькора-общественника Сапрыкина в Мучкапском р-не Воронежской обл. особенно ярко вскрыли недостатки прокурорской работы.

Как в том, так и в другом случае органы прокуратуры за внешним видом быденных событий не сумели разглядеть их действительной политической сущности, не сумели вскрыть и своевременно разоблачить классового врага и допустили волокиту в расследовании.

Классовый враг тщательно маскирует свою борьбу против рабселькоров, стремясь создать против них ложные обвинения, представить их антисоветскими людьми, подорвать к ним доверие трудящихся, оклеветать их, затравить, а то и прямо физически уничтожить. Сложность махинаций классового врага требует от органов прокуратуры максимальной политической чуткости и внимательности при расследовании дел о преступлениях против рабселькоров.

Н. Тагильская прокуратура не сумела понять того, что Быков разоблачал вредителей, хулиганов и т. д., используя для этой цели печать, и в силу этого подвергался травле и преследованию со стороны его бывшего окружения.

Воронежская прокуратура, увидев в убийстве Сапрыкина прежде всего «пьяное дело», не рассмотрела и не поняла истоков вражды между семьями Сапрыкина и убийц Черниковых, приведшей к этому убийству и происходившей на ясно выраженной классовой основе.

Отсутствие должного внимания к делу о преследованиях и убийствах рабселькоров проявляется в работе и других местных органах прокуратуры.

Так, например, 10 и 15 ноября 1934 г. «Крестьянская газета» по телеграфу запросила прокурора Березовского р-на Одесской обл. о расследовании дела об убийстве селькора Воярчук. Только после третьей телеграммы-молнии райпрокурор ответил, что расследование производится, но убийца скрылся. После этого редакция четыре раза обращалась по этому делу к одесскому облпрокурору т. Турину и лишь в ответ на 5 обращение т. Турин сообщил о том, что меры к розыску убийцы приняты.

Прокурором Гагинского р-на Горьковского края была допущена девятимесячная волокита по расследованию жалобы селькоров Ларина и Павлова на преследование их со стороны лиц, разоблаченных ими в газетных заметках. Волокита по этому расследованию продолжалась до тех пор, пока один из обвиняемых сбежал.

Исходя из всего изложенного, предлагаю:

1. Все дела о преследовании рабселькоров брать под личный надзор прокуроров краев, областей, республик не имеющих краевого деления, жел. дорог и водных бассейнов, обеспечивая расследование по этим делам силами наиболее квалифицированных работников следственного аппарата.

2. Все дела о преследованиях рабселькоров заканчивать в кратчайший срок.

3. Установить тесную связь средакциями газет, своевременно реагируя на их материалы и сигналы и обеспечивая информацию редакций о результатах мероприятий органов прокуратуры по этим материалам и сигналам.

Во всех случаях получения органами прокуратуры сведений об угрозах, преследованиях и готовящихся покушениях на рабселькоров безотлагательно принимать активные меры к защите рабселькоров производить расследование и привлекать виновных к уголовной ответственности по соответствующим статьям УК.

Предупредить работников прокуратуры, что в случаях оставления подобных сведений без надлежащего расследования они будут привлекаться к строжайшей ответственности.

4. О всех случаях нападения на рабселькоров, а также о всех наиболее крупных и серьезных делах об их преследовании немедленно направлять в Прокуратуру Союза специальные сообщения.

5. Ставлю на вид т. Турину проявленное им невнимание к делу об убийстве т. Воярчука.

6. Прокурору Гагинского р-на Горьковского края т. Рудакову объявляю за волокиту по делу селькоров Ларина и Павлова выговор.

7. Это письмо проработать на оперативных совещаниях при прокурорах союзных республик, прокурорах автономных республик и край (обл) прокурорах, выработав на основе местных условий данной республики, края, области конкретные мероприятия для обеспечения проведения в жизнь настоящих указаний.

О принятых мерах на основе этого письма сообщите в Прокуратуру Союза ССР к 15 июля 1935 г.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

17 июня 1935 г.

№ 54/10.

О НАРУШЕНИЯХ КРЕДИТНО-КАССОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

По сведениям, имеющимся в Прокуратуре Союза ССР, в целом ряде краев и областей участились случаи нарушения кредитно-кассовой дисциплины, выражающиеся в создании торгующими организациями так называемых «черных касс», образующихся вследствие несдачи в Госбанк накапливающейся выручки.

Вопреки существующему закону (пост. СТО от 17/VII 1932 г. № 836) об обязательной сдаче в Госбанк торгующими организациями всех систем (потребкооперация, госторговля, кустарно-промысловая кооперация и т. д.) не менее 90% своей кассовой выручки (по сельским ЕПО не менее 80%), эти организации выручку задерживают у себя, расходуют ее наличными помимо банка и его контроля, зачастую на различные незаконные авансы, на выдачу сверх лимитов зарплаты, на закупку товаров с нарушением конвенционных цен и т. д. Имеют место случаи, когда правления Горпо предлагают магазинам сдавать выручку не в Госбанк, а непосредственно правлению Горпо.

Чередко эти нарушения кредитно-кассовой дисциплины объясняются и тем, что работники Госбанка не осуществляют в этом отношении должного контроля, не ревизируют торгующие организации, разрешают им расходование из выручки наличным с превышением законных норм.

Несмотря на исключительную важность соблюдения дисциплины в вопросе о своевременной сдаче торгующими органами выручки в Госбанк, органы прокуратуры не придают достаточно серьезного значения этого рода делам и либо вовсе не реагируют на сигналы печати и банковских организаций, либо проявляют совершенно недопустимую волокиту в расследовании этих дел.

Прокуратура Союза ССР предлагает повести самую решительную борьбу с созданием торгующими организациями у себя «черных касс», привлекая к ответственности должностных лиц торгующих организаций, виновных в нарушении правил о сдаче выручки в Госбанк и в расходовании выручки с нарушением правил кредитной системы, по ст. 109 УК РСФСР (или соотв. статей других союзных республик), а работников Госбанка, не осуществляющих контроля за сдачей торгующими организациями своей выручки и разрешающих расходование из выручки наличными с превышением законных норм, — по ст.ст. 111 и 109 УК РСФСР (или соотв. статей УК других союзных республик).

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

17 июня 1935 г.

№ 53/8.

О БОРЬБЕ С НАРУШЕНИЯМИ В ПОЛИВНЫХ ХЛОПКОВЫХ РАЙОНАХ

В соответствии с постановлением пленума ЦК ВКП(б) от 7—9 июня с. г. предлагаю в поливных хлопковых районах обеспечить своевременную, меткую, общественно-организованную и жесткую репрессию в отношении тех, кто:

1. Нарушит бесперебойную работу ирригационных систем.

2. Допустит срыв установленных планов водопользования.

3. Будет расхищать или разбазаривать воду. Виновных привлекать к ответственности по ст. 175¹ УК ТССР, по главам о водных преступлениях УК ТаджССР и УзбССР, по ч. 2 ст. 207 УК АзССР и по 16—162 п. «г» УК РСФСР (Киргизия, Казакстан, Кара-Калпакия).

При наличииотягчающих обстоятельств (сговор, массовость хищений воды, крупные размеры хищений, повторность хищений, совершение преступлений классово враждебными элементами) к организаторам применять закон от 7 августа 1932 г.

Расследование этих дел заканчивать не более чем в пятидневный срок, обеспечив в такие же сроки их рассмотрение в суде, не допуская при этом какого бы то ни было упрощения, нарушения закона и массовости репрессии.

О принятых мерах сообщите к 20 июля с. г.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

21 июня 1935 г.

№ 56/9.

О ВЗЫСКАНИИ АВТОРСКОГО ГОНОРАРА

Из поступивших в Прокуратуру Союза ССР сообщений видно, что вследствие нарушения руководителями зрелищных предприятий установленного законом об авторском праве и постановлениями наркомпросов порядка взыскания авторского гонорара и систематической задержки выплаты его, материальным интересам авторов — советских писателей, композиторов и др. наносится значительный ущерб.

Органы же прокуратуры в ряде мест слабо реагируют на эти нарушения авторского права, упуская из виду, что постановлением ЦИК и СНК СССР от 16 мая 1928 г. о введении в действие основ авторского права (СЗ 1928 г. № 27, ст. 245) порядок взыскания вознаграждения авторам приравнен к порядку взыскания заработной платы с одновременным установлением уголовной ответственности за нарушения авторского права.

Ввиду этого Прокуратура Союза ССР предлагает руководителей зрелищных предприятий, виновных в систематической задержке выплаты авторского гонорара за публичные исполнения произведений, а также систематически не представляющих в авторские организации сведений об исполненных программах, привлекать к уголовной ответственности по ст. 177 УК РСФСР и соотв. статей УК других союзных республик за самовольное использование литературных, музыкальных и других художественных произведений с нарушением авторского права.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

21 июня 1935 г.

№ 65/1.

О РАБОТЕ ПРОКУРАТУРЫ ПО БОРЬБЕ С ОБМЕРИВАНИЕМ И ОБВЕШИВАНИЕМ

Поступающие с мест материалы о работе органов прокуратуры по проведению в жизнь постановления ЦИК и СНК СССР 25 июля 1934 г. о борьбе с обворовыванием потребителя говорят о том, что работа эта страдает крупными дефектами:

1. Обращает на себя внимание чрезвычайно высокий процент применения по делам об обворовывании потребителя исправительно-трудовых работ и других мер социальной защиты, не связанных с лишением свободы. По РСФСР этот процент достигает 52, по УССР — 42, по БССР — 50% и т. д.

Между тем Прокуратура СССР еще в октябре 1934 г. и 49 пленум Верховсуда СССР, состоявшийся в декабре того же года, указали, что применение к виновным в обворовывании потребителя исправительно-трудовых работ является неправильным, не соответствующим закону 25 июля, устанавливаемому в качестве наказания — лишение свободы.

2. Наряду с этим отмечаются многочисленные факты неосновательного привлечения работников торговой сети к уголовной ответственности за случаи обмера или обвеса, когда по обстоятельствам дела следовало ограничиться наложением на них дисциплинарных или административных взысканий.

Таковы случаи привлечения к уголовной ответственности и затем осуждения работников торговой сети по закону 25 июля при наличии в деле данных о том, что допущенный ими факт обмера или обвеса являлся неумышленным, единичным и явно малозначительным.

Таким образом вместо того, чтобы жесткими мерами репрессии бороться с действительными преступниками, занимающимися обворовыванием потребителя, органы прокуратуры зачастую привлекают к ответственности людей, случайно допустивших незначительный недомер или недовес отпускаемого товара. Суды же вместо того, чтобы прекращать подобные дела, идут по пути применения к привлеченным непредусмотренных законом 25 июля 1934 г. мягких мер социальной защиты.

Для выправления отмеченных недостатков в работе органов прокуратуры по проведению в жизнь закона 25 июля 1934 г. предлагаю:

1. Точно руководствоваться указаниями Прокуратуры СССР и постановлениями 49 пленума Верховсуда СССР о том, что к лицам, виновным в обворовывании потребителя, должно применяться в качестве наказания лишение свободы. Другие более мягкие меры социальной защиты могут применяться лишь в исключительных случаях через ст. 51 УК РСФСР (и соотв. статьи УК других союзных республик).

2. При расследовании дел об обмеривании, обвешивании и нарушениях цен не ограничиваться установлением одного только факта допущенного обвеса, обмера или превышения цены, а обязательно выявлять всю обстановку, при которой произошли эти факты.

В тех случаях, когда расследование установит, что допущенные работником факты обмера, обвеса или нарушения цен носили единичный характер, при бескорыстности и живой малозначительности их, возбужденные уголовные дела следует прекращать, с возвращением материалов в органы торговой инспекции для

наложения на нарушителей административных или дисциплинарных взысканий.

3. Секторы КТФ республиканских, краевых и областных органов прокуратуры должны усилить свою работу по проверке в порядке надзора дел об обворовывании потребителя, немедленно опротестовывая приговоры, заключающие в себе отмеченные нарушения закона 25 июля, постановлений пленума Верховсуда СССР и директив Прокуратуры СССР.

О ваших указаниях на места, вытекающих из настоящего письма, срочно сообщите.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

27 июня 1935 г.

№ 58/8.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОПЕРАТИВНОГО СОВЕЩАНИЯ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО ДОКЛАДУ О БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Предварительные материалы, поступившие в Прокуратуру СССР свидетельствуют, прежде всего, о том, что органы Прокуратуры, до самого последнего времени уделявшие явно недостаточное внимание вопросам борьбы с детской преступностью, после издания закона 7 апреля 1935 года о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних в большинстве мест взялись за ликвидацию преступности малолетних, развернув как массово-разъяснительную работу (доклады, совещания, выступления в печати, на родительских собраниях и т. д.), так и организацию и руководство борьбой с этим видом преступлений (участие в суде, в работе органов просвещения, надзор за милицией, ведение следствия и т. д.).

Наиболее активно эту работу сумели организовать Одесская, Московская городская, Саратовская, Киевская, Ленинградская прокуратуры.

Эти прокуратуры, помимо дачи указаний местам и повсеместной оперативной работы по конкретным преступлениям несовершеннолетних, сумели изучить работу мест, исправляя их ошибки на ходу. Однако, во многих местах до сих пор не развернута еще большевистская борьба органов прокуратуры за ликвидацию детской преступности, не выполнены категорические указания Прокуратуры Союза ССР по этому вопросу; прокуроры в ряде мест ограничились внешней стороной дела, спустив на места очередной циркуляр и созвав до или после этого совещание по этим вопросам; во многих местах не выделены специальные прокуроры по делам несовершеннолетних, либо выделены в каком-либо одном секторе прокуратуры, вопреки указаниям Прокуратуры Союза; нет действительного и широкого вовлечения в дело борьбы с преступностью несовершеннолетних общественного актива (социалистических работников, групп содействия); характерно также, что некоторые республиканские прокуроры, несмотря на требования Прокуратуры Союза, ничего не сообщили о своей работе и о состоянии борьбы с преступностью несовершеннолетних по их республике (Азербайджанская, Грузинская, Узбекская, ТаджССР).

Наметившиеся уже основные недочеты в работе по реализации постановления правительства от 7 апреля 1935 года сводятся к следующему:

а) предварительное расследование этих дел ведется с такими же недочетами, что и по делам взрослых, между тем как по делам несовершеннолетних особенно важно тщательное выяснение всей конкретной обстановки совершенного преступления, условий семейной жизни и быта, учебы в школе, связи со взрослыми и т. д. До сих пор еще явно недостаточно выявляется роль и участие классово враждебных элементов и рецидивистов в совершаемых детьми преступлениях.

В большинстве случаев расследование ведется работниками милиции, не имеющими достаточного опыта в этой работе, а наблюдение и руководство со стороны прокуратуры явно неудовлетворительно, в результате чего, помимо указанных недочетов в расследовании дела и незаконного длительного содержания малолетних в местах заключения, имеет место неправомерное предание суду этих лиц и последующее их оправдание. что, конечно, совершенно недопустимо. Возраст совершившего преступления определяется нередко явно небрежно после передачи суду, в результате чего наблюдаются случаи, когда привлекаются к уголовной ответственности дети и до 12-летнего возраста.

б) Вследствие распространительного толкования закона 7 апреля до сих пор еще имеют место случаи привлечения к ответственности несовершеннолетних за преступления, не предусмотренные законом. Кроме того, суду предаются и осуждаются несовершеннолетние за явно незначительные преступления. Установленный Московской горпрокуратурой порядок передачи дел в суд только через прокурора по делам несовершеннолетних существует далеко не везде, а подготовительное заседание суда плохо занимается вопросами отбора дел, не подлежащих судебному рассмотрению, скверно расследованных.

Вопреки циркуляру Верховсуда и Прокуратуры СССР от 8 апреля 1935 г. о сосредоточении всех дел о несовершеннолетних в спец. камерах нарсудов, циркуляром НКЮ РСФСР установлен (а московскими органами юстиции проведен в жизнь) порядок, согласно которому в этих специальных камерах нарсуда рассматриваются только дела несовершеннолетних в возрасте от 12 до 16 лет.

в) Прокуратура слабо участвует в работе суда как в первой, так и в кассационной инстанциях, что свидетельствует о явной недооценке со стороны прокуратуры судебного рассмотрения этой категории дел.

г) В практике применения мер наказания к несовершеннолетним имеет место разноречивость, причем имеются случаи осуждения несовершеннолетних к лишению свободы без указания срока наказания.

д) Самый порядок рассмотрения дел о несовершеннолетних, в суде нередко придает делу характер нездоровой сенсации, лишая судебное разбирательство особенно необходимой в этих делах, простоты и чуткости.

е) Недостаточным является также надзор за содержанием несовершеннолетних в местах заключения, особенно в арестных помещениях милиции, где они нередко содержатся вместе со взрослыми преступниками.

Надзор за местами заключения ограничивается лишь поверхностной проверкой правильности содержания и изоляции несовершеннолетних; вопросам правильного осуществления ис-

правительно-трудовой политики, трудового устройства отбывших наказание не уделяется должного внимания.

Исходя из необходимости немедленного ускорения указанных выше недочетов и ошибок, — предлагаю:

1. Прокурорам союзных республик строго руководствоваться указаниями Прокуратуры Союза по вопросам организации борьбы с преступностью среди несовершеннолетних и не допускать повторения отмеченных здесь недочетов.

2. В крупных городах расследование сложных дел о преступлениях несовершеннолетних возложить на специально выделенных опытных следователей, установив такой порядок направления дел в суд, при котором ни одно дело о преступлениях несовершеннолетних не направлялось бы к слушанию без санкции прокурора по делам несовершеннолетних.

3. В остальных районах обязать райпрокуроров взять эти же дела под свое непосредственное наблюдение.

4. Поручить прокурорам союзных республик проверить точное выполнение циркуляра Верховного и Прокуратуры СССР от 8 апреля 1935 г. о выделении специальных народных судей для рассмотрения всех дел о несовершеннолетних и результаты сообщить Прокурору Союза не позднее 15 августа с. г.

5. Не допускать нарушений процессуальных норм при проведении как предварительного, так и судебного расследований, тщательно выясняя всю обстановку совершения преступлений, материально-бытовые, культурные, семейные условия несовершеннолетнего правонарушителя, связь его с взрослыми; беспощадно вскрывать и привлекать к строжайшей уголовной ответственности подстрекателей и организаторов детской преступности.

6. Не допускать случаев расширительного толкования закона 7 апреля 1935 года, а также фактов привлечения к ответственности малолетних в возрасте до 12 лет, для чего во всех случаях тщательно устанавливать возраст привлекаемых к суду.

7. Принимать активное участие в работе суда при рассмотрении дел о несовершеннолетних, опротестовывая приговоры судов, осуждающие несовершеннолетних к нереальным мерам наказания (оголудное применение исправительных работ, осуждение рецидивистов к краткосрочному лишению свободы и т. п.); активно участвовать в рассмотрении дел о несовершеннолетних в кассационных инстанциях.

8. Систематически проверять законность содержания в местах заключения несовершеннолетних и применения к ним мер исправительно-трудового воздействия.

9. О результатах проводимой прокуратурой в этой области работы ежемесячно информировать Прокуратуру Союза ССР.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

4 июля 1935 г.

№ 68/1.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕТА СКОТА

Постановлением СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 27 апреля с. г. «О государственном плане развития животноводства по СССР на 1935 г.» предложено использовать в целях контроля за выполнением плана развития жи-

вотноводства летний учет скота (на 1 июля), проводимый в связи с обложением по единому сельхозналогу.

Между тем поступающие с мест сведения сигнализируют, что не всюду этот учет скота надлежаще организован, а в отдельных местах имеют место факты укрытия скота от учета.

В соответствии с указанным решением СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) предлагаю:

а) должностных лиц, срывающих проведение учета скота вследствие бездеятельности и халатности, привлекать к ответственности по ст. 111 УК РСФСР и соотв. статей УК других союзных республик, а за допущенную ими умышленную утайку от учета скота привлекать к ответственности по ст. 109 УК РСФСР и соотв. статей УК других союзных республик;

б) единоличников, колхозников, а также граждан, проживающих в городах и рабочих поселках и имеющих скот, — в случаях умышленной утайки скота, — привлекать к ответственности по ст. 62 УК РСФСР и соотв. статьям УК союзных республик, направляя удар репрессии главным образом в отношении организаторов утайки скота;

в) расследование по этому рода делам заканчивать в 5—10-дневный срок.

О проделанной работе сообщите мне не позже 1—10 августа (в зависимости от дальности районов, краев, областей и союзных республик).

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

2 июля 1935 г.

№ 64/9

ДИРЕКТИВНОЕ ПИСЬМО

№ 60/27. 10/VI 1935 года.

ВЕРХСУДАМ И ПРОКУРОРАМ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Прокуратурой СССР и Верховным Судом СССР получены материалы о том, что народные суды принимают к рассмотрению иски о восстановлении в должности работников торгового аппарата, уволенных за нарушение правил торговли по предложению Государственной торговой инспекции. Иски эти в ряде случаев нардами удовлетворяются и уволенные восстанавливаются на работе.

Подобная практика является неправильной. По постановлению СНК СССР от 19/X 1934 г. о Государственной торговой инспекции, последней предоставлено право налагать на работников торговой сети, виновных в нарушениях правил торговли, денежные штрафы и возбуждать перед торгующими организациями вопрос о наложении на виновных дисциплинарных взысканий, вплоть до снятия с работы. Уволенные в этом порядке работники могут оспаривать правильность увольнения только путем обжалования постановления государственного торгового инспектора в административном порядке, т. е. в вышестоящие органы государственной торговой инспекции. Судебные же органы исков о восстановлении в должности уволенных в этом порядке принимать не должны.

Иски о восстановлении на работе уволенных по постановлениям Государственной торговой инспекции могут рассматриваться только

в тех случаях, когда увольнение состоялось в связи с возбуждением против работников уголовного преследования за нарушение правил торговли, которое затем закончилось прекращением дела или вынесением оправдательного приговора по недоказанности обвинения.

Решения судов, вынесенные с нарушением настоящих указаний, органами прокуратуры подлежат немедленному опротестованию.

Прокурор СССР
А. Вышинский

Председатель
Верхсуда СССР
А. Винокуров

ДИРЕКТИВНОЕ ПИСЬМО

№ 61/31. 29/VI 1935 г.

ВЕРХСУДАМ И ПРОКУРОРАМ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Из материалов, поступающих в Прокуратуру Союза ССР, видно, что на местах существует разнородность в вопросе о квалификации скупки в целях спекуляции государственной разменной металлической монеты, переплавки ее в слитки и использовании ее для выделки различных изделий.

Верхсуд и Прокуратура СССР разъясняют:

1. Скупка государственной разменной метал-

лической монеты (серебряной, никелевой, медной, бронзовой), совершаемая в виде промысла, должна быть квалифицирована по ст.ст. 16 и 107 УК РСФСР и соотв. статьям УК других союзных республик. В случаях, когда скупка не носила характера промысла, не имела значительных размеров и при других смягчающих вину обстоятельствах судом может быть применена по аналогии ст. 105 УК РСФСР или соотв. статей УК других союзных республик.

2. Переплавка разменной монеты в слитки и использование этой монеты для выделки различных изделий квалифицируется (впредь до внесения соотв. статей в уголовные кодексы союзных республик) по постановлению ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 г., опубликованному в СЗ 1935 г. № 19, ст. 156.

3. Преступления, указанные в п. 2 и совершенные до издания постановления ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 г., следует квалифицировать по ст.ст. 16 и 107 УК РСФСР с применением, при наличии смягчающих вину обстоятельств, по аналогии ст. 105 УК РСФСР (или соотв. статей УК других союзных республик).

Прокурор СССР
А. Вышинский

Председатель
Верхсуда СССР
А. Винокуров.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ 51 ПЛЕНУМА ВЕРХСУДА СОЮЗА ССР

О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ В IV КВАРТАЛЕ 1934 г. И В I КВАРТАЛЕ 1935 г. ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В ОБЛАСТИ ЖИВОТНОВОДСТВА

28 июня 1935 г.

Заслушав доклад председателя уголовно-судебной коллегии Верхсуда СССР о судебной практике по животноводческим делам за IV квартал 1935 г., 51 пленум Верхсуда Союза отмечает:

1. Судебные органы в своей судебной практике проявили значительную активность в деле борьбы за воспроизводство и охрану животноводства.

Однако судебные органы уделили недостаточное внимание к ряду преступлений, отражающих новые формы классовой борьбы с ростом и укреплением обобщественного животноводства, к борьбе с бесхозяйственностью и преступной небрежностью в области обеспечения стада зимними помещениями и достаточными кормами, а также в области организации ухода за молодняком, к борьбе с разбазариванием стада и кормов, с забоем племенного скота, с нарушением льгот за выращивание молодняка и др.

2. Судебная практика по животноводческим делам за IV квартал 1934 г. и I квартал 1935 г., за небольшими изъятиями, состоит из значительного количества дел, связанных с преступно-небрежным и хищническим отношением к коню. Однако наряду с делами о серьезных и значительных преступлениях против конского поголовья судебная практика засорена значительным количеством дел о мелких и ничтожных проступках, которые не должны рассматриваться в уголовном суде, а могут быть рассмотрены в дисциплинарном порядке или в товарищеских судах.

Широкое, непродуманное и необоснованное привлечение членов колхозов, рабочих совхозов и других трудящихся к уголовной ответственности за маловажные хозяйственные проступки, совершенные по неопытности или небрежности и являющиеся по существу нарушением труддисциплины, особенно нетерпимо в настоящее время после перехода на новый устав с.-х. артели и после исторических директив т. Сталина о бережном и внимательном отношении к людям.

3. Необоснованное привлечение к уголовной ответственности большого количества лиц за мелкие и ничтожные проступки в РСФСР привело к увеличению количества осужденных в IV квартале 1934 г. по сравнению с III кварталом на 27% и одновременно к распылению репрессии на такие меры наказания, которые без надлежащего эффекта отрывают людей от работы и создают им судимость.

В нарсудах нет единства карательной политики. Проступки, за которые в одних нарсудах приговаривают к 3—4 мес. и-т. работ, в других — приговаривают к лишению свободы на 2—3 года. Количество дел, рассмотренных краевыми и областными судами по первой инстанции, ничтожно, особенно в РСФСР, где оно изменяется сотнями долей процента. Проверка Северокавказского и Азовочерноморского краевых судов показала, что практика нарсудов по животноводческим делам не изучается. Так как количество таких дел, поступающих в высшие суды в кассационно-ревизионном порядке, очень невелико, то фактически нарсуды остаются без оперативного руководства и каждый суд проводит свою карательную политику.

В работе кассационно-надзорных инстанций наблюдаются случаи безмотивного смягчения наказания за серьезные и опасные преступления и назначения мягких мер репрессий по

делам, которые следовало бы совершенно прекратить (Азово-черноморский край, Одесская обл. и др.).

4. Предварительное и судебное следствие по огромному количеству проведенных дел проведено с недопустимой небрежностью. Сведующие лица к расследованию, как правило, не привлекаются даже тогда, когда выводы о причинной связи между действиями обвиняемого и причиненным животноводству ущербом могут быть сделаны на основе специальных знаний. В результате действительные причины гибели скота остаются нерасследованными, а настоящие виновники от суда ускользают. В выборе ответственных за преступление лиц в судебной практике существует разноречие. В одних случаях к ответственности привлекается только то лицо, у которого непосредственно произошел ущерб, а в других — целое звено лиц, вплоть до председателя колхоза.

В направлении дел существует самотек. Ни прокуратура, ни нарсуды не дифференцируют дел по их значению и крупнейшие дела слушаются в нарсудах.

Особенно плохо поставлено дело с предварительным и судебным следствием в Казакстане. Из проверенных дел почти все крупные дела отменены высшей инстанцией из-за небрежного и неполного предварительного и судебного следствия.

Основная гарантия против необоснованного привлечения к уголовной ответственности и недоброкачественного предварительного расследования — ст. 208 УПК РСФСР и соотв. статьи УПК других союзных республик в ряде районов не применяются.

5. Количество процессуальных нарушений по сравнению с прошлой судебной практикой стало меньше. Однако еще до сих пор в ряде районов Азово-черноморского, Северокавказского, Сталинградского краев, Западной обл. и др. наблюдаются нарушения ст.ст. 206, 235 УПК РСФСР и соотв. статей УПК других союзных республик и в особенности ст. 80 УПК РСФСР и соотв. статей УК других союзных республик о составлении протокола судебного заседания. Единственный документ, по которому можно судить о проведенном судебном следствии, составляется до того небрежно и безграмотно, что его часто даже трудно и прочесть.

6. В квалификации преступлений в области животноводства в судебной практике РСФСР существует большая пестрота (ст. 79 УК со знаками и за те же преступления ст.ст. 109, 111, 128 и т. д.). Обращение судебных органов в ряде случаев вместо статей, непосредственно трактующих о данных преступлениях, к другим статьям по аналогии объясняется недостаточностью санкций ст.ст. 79¹, 79² и 79³ УК и несоответствием их новым условиям.

7. Суды недостаточно используют свои возможности в области профилактической борьбы с преступлениями. Количество дел, по которым суды сигнализировали соответствующим организациям о выявленных на суде недочетах, ничтожно.

8. Крайне неудовлетворительно поставлено дело с приведением приговоров в исполнение. В подавляющем большинстве случаев в делах нет никаких отметок о сообщении соответствующими учреждениями о вступлении приговора в законную силу для приведения его в исполнение. Это относится особенно к при-

говорам об ИТР. Ряд случаев из практики уголовно-судебной коллегии Верховного Суда СССР, находившей в надзорных делах определения кассколлегии о снижении меры наказания, о которых осужденный не знает в течение ряда лет, приводит к убеждению, что когда в деле нет отметок о посылке копии приговора органам, приводящим приговоры в исполнение, приговор или определение остаются неисполненными.

51 пленум Верховного Суда Союза ССР постановляет:

1. Указать председателям Верховного Суда РСФСР, УССР, БССР и УзбССР на недостаточное наблюдение и руководство судебной практикой по животноводческим делам и на недостаточное внимание к перестройке судебной работы на основе указаний директивного письма Верховного Суда СССР от 27 июля 1934 г. и постановлений 48 пленума Верховного Суда СССР.

2. Предложить председателям верховных союзных республик:

а) расширить практику применения ст. 427 УПК РСФСР и соотв. статей УПК других союзных республик, путем передачи на непосредственное рассмотрение краевого (областного) или главного суда, а в республиках, не имеющих краевого (областного) деления, Верховного Суда в качестве первой инстанции дел о таких преступлениях в области животноводства, по которым приговоры должны иметь крупное хозяйственное значение в районе или руководящее значение для судебной практики;

б) организовать во всех краевых (областных) и главных судах постоянное наблюдение за практикой нарсудов по животноводческим делам, изучение этой практики и быстрое и оперативное исправление замеченных недочетов;

в) обязать нарсуды передавать прокурорам все дела, которые требуют утверждения прокуратуры, если эти дела получены от милиции без визы прокурора;

г) проверить практику судов по сообщению ими соответствующим органам о вступлении приговоров в законную силу. Привлекать к ответственности виновных в систематическом нарушении ст. 455 УПК РСФСР и соотв. статей УПК других союзных республик.

3. Обратить внимание председателя Верховного Суда РСФСР на крупнейшие недочеты в работе судебных органов Казакстана (небрежное и недоброкачественное судебное следствие, волокита, нарушение процессуальных норм и пр.).

4. Довести до сведения Прокуратуры Союза ССР о следующих недочетах, имеющихся в практике следственно-прокурорских органов по животноводческим делам:

а) недостаточное внимание к таким преступлениям в области животноводства, как разбазаривание скота и кормов, оставление по безхозяйственности скота без зимних помещений, несоблюдение ветеринарных правил по уходу за скотом, в особенности за молодым скотом, нарушение льгот за выращивание молодняка и прочие преступления, отмеченные в директивном письме Верховного Суда Союза от 27 июля 1934 г. и в постановлении 48 пленума Верховного Суда СССР;

б) непрекращающаяся практика массового привлечения к уголовной ответственности за мелкие проступки и нарушения, которые по колхозным делам согласно § 17 Примерного устава с.-х. артели должны рассматриваться управлением колхозов в дисциплинарном порядке, а по другим делам — в дисциплинарном порядке или в товарищеских судах;

и) низкое качество предварительного расследования и недостаточный надзор со стороны прокуроров за доброкачественным проведением предварительного расследования за обоснованностью привлечения к ответственности, а также непринятие мер к недопущению непосредственной передачи в суд милицией таких обвинительных материалов, которые требуют предварительного утверждения прокурора.

5. Обратить внимание председателей верховных судов союзных республик, что вторичная проверка судебной практики по животноводству выявила значительную часть тех же недочетов, которые были отмечены в постановлении 48 пленума Верховного Суда Союза. Обязать председателей верховных судов союзных республик под личную их ответственность исправить все вышеуказанные, лежащие недочеты судебной работы и доложить о результатах к 53 пленуму Верховного Суда СССР.

6. Поручить председателям Верховных судов союзных республик, в уголовном законодательстве которых установлены незначительные санкции за преступления в области животноводства (например ст.ст. 79^а, 79^б, 79^в УК РСФСР и соотв. статей УК других союзных республик) с такими же санкциями, войти в свои законодательные органы с представлением об увеличении санкции по указанным категориям преступлений.

О БОРЬБЕ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ С РАСТРАТАМИ В СИСТЕМЕ ГОСТОРГОВЛИ И КООПЕРАЦИИ

28 июня 1935 г.

Заслушав доклад председателя уголовно-судебной коллегии Верховного Суда СССР о проверке применения судами постановления СНК СССР от 16 февраля 1933 г. (СЗ 1933 г. № 13, ст. 76) и постановления 49 пленума Верховного Суда СССР по тому же вопросу, 51 пленум Верховного Суда СССР находит:

1. Верховные суды союзных республик, областные и краевые суды достигли по сравнению с 1933 и 1934 гг. известного перелома в судебной практике по делам о растратах: борьба с последними стала одним из центральных вопросов, на котором фиксируется внимание судебной системы; вместо прежнего либерального отношения к растратам карательная политика стала жестче и, как правило, удары, наносимые действительным преступникам, выражаются в применении соответствующих сроков лишения свободы; значительно сократились сроки рассмотренных дел.

2. Наряду с этими достижениями в работе судов однако еще продолжает иметь место ряд недостатков;

а) верховные суды союзных республик недостаточно закрепили взятую ими линию дифференцированного руководства судебными органами отдельных краев, областей, районов и городов и недостаточно сконцентрировали свое внимание на судах тех мест, которые особенно поражены растратами (Москва, Ленинград, Харьков, Средняя Азия и др.) в которых количество и сумма растрат не только не снизились по сравнению с 1934 г., но в I полугодии 1935 г. имеют рост;

б) растраты в сельских местностях недостаточно расследуются судебно-следственными ор-

ганами, причем, как правило, имеется недооценка экспертизы в процессе предварительного следствия и переоценка ее в процессе судебного разбирательства

в) по ряду дел встречаются или неправильное применение к растратчикам ИТР (в том числе применение их по месту службы), или не отвечающая преступному действию мера лишения свободы;

г) попрежнему еще недостаточно выявляются классовое лицо и личность подсудимого;

д) весьма мало применяется репрессия к лицам, виновным в непринятии мер предотвращения растрат;

е) нет достаточного контроля за исполнением приговоров, в частности по взысканию присужденных убытков;

ж) краевые, областные и верховные суды, рассматривая дела в кассационном и надзорном порядке, проходят мимо ряда дефектов предварительного и судебного следствия, в своих определениях не отмечают имевшиеся по делам конкретные недочеты, например полное отсутствие или позднее составление актов описания имущества, непроведение дел по растратам через подготовительные заседания и т. д.;

з) слабая надзорная работа краевых, областных и верховных судов по необжалованным делам.

3. Слабо еще налажена необходимая для учета эффективности борьба с растратами, связь судебных органов с органами госторговли и кооперации (совместные совещания, взаимная информация, постановка вопросов о растратах в секциях горсовета и т. д.).

4. Работа органов дознания и предварительного следствия продолжает оставаться на низком уровне и страдает крупнейшими недостатками (не проверяются или слабо проверяются ведомственные материалы и заявления о предании суду, не выявляются действительные виновники растрат, существует попрежнему длительная волокита с расследованием дел, на подготовительных заседаниях прокуратура, как правило, отсутствует и т. д.).

5. При некотором улучшении постановки учета и отчетности в органах госторговли и кооперации и большей проверки лиц, принимаемых на работу, все еще не достигнута необходимая четкость, и до настоящего времени имеет место большая засоренность кадров лицами социально чуждыми и преступными элементами с значительным наличием прошлой судимости.

В соответствии с этим 51 пленум Верховного Суда СССР постановляет:

1. Предложить верховным судам союзных республик:

а) неослабно продолжать борьбу с растратами в органах госторговли и кооперации на основе постановлений 47 и 49 пленумов Верховного Суда СССР, добиваясь улучшения качества и эффективности судебной работы по борьбе с растратами;

б) усилить дифференцированное руководство судебными органами отдельных краев, областей, районов и городов, в которых количество растрат достигло особо значительных размеров; в ближайшие месяцы провести выборочную проверку работы вышеуказанных судебных органов для выявления правильности карательной политики в подготовительном и судебном заседаниях, правильности выявления социального лица осужденных, степени

исполнения приговоров (в частности по взысканию растраченных сумм) и эффективности борьбы судебных органов с растратами.

2. Предложить высшесудам союзных республик усилить борьбу с растратами в органах кооперации на селе.

3. Просить Прокуратуру Союза ССР на следующем пленуме Верховсуда СССР сделать сообщение о принятых мерах по улучшению следственной работы и об эффективности этих мер по стране, а в особенности в местах, наиболее пораженных растратами и в частности в Москве, Ленинграде, Киеве и Харькове.

4. Поручить председателю Верховсуда СССР издать совместно с Наркомвнуторгом СССР и Центросоюзом инструкцию о том, чтобы местные представители этих органов и судьи друг друга информировали, как о движении преступности, так и о результатах судебной борьбы с растратами в органах госторговли и кооперации.

О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ДЕЛАМ ОБ ОБМЕРИВАНИИ, ОБВЕШИВАНИИ И ПРЕВЫШЕНИИ ЦЕН

28 июня 1935 г.

Заслушав доклад председателя уголовного-судебной коллегии Верховсуда СССР о результатах проверки судебной практики по применению закона 25 июля 1934 г. по делам об обмеривании, обвешивании и превышении цен за последние месяцы 1934 г. и за I квартал 1935 г., 51 пленум Верховсуда СССР отмечает:

1. За последние месяцы 1934 г. и в особенности за I квартал 1935 г. в судебной практике по борьбе с обворовыванием потребителя имеются некоторые достижения как в части последовательности применения закона 25 июля 1934 г. по этим преступлениям, так и назначения по ним лишения свободы во всех случаях, когда факт обмеривания, обвешивания и превышения цен установлен с достаточной полнотой.

2. Однако наряду с делами, по которым судами установлены умышленное систематическое обворовывание потребителя и систематическая преступная небрежность, а также обворовывание на крупные суммы путем разных мошеннических ухищрений, в судах имеется большое количество дел о мелких нарушениях и проступках, совершенных в первый раз лицами, в отношении которых не было ни жалоб, ни дисциплинарных взысканий. При расследовании и судебном рассмотрении таких дел органы юстиции не интересуются общей характеристикой обвиняемого, степенью его общего развития, его прошлым, отношением к нему общественной и пр.

В ряде случаев, вопреки постановлению ЦИК и СНК СССР от 9 сентября 1934 г. «О мерах и весах» (СЗ 1934 г. № 45, ст. 352), за плохое состояние весового хозяйства привлечены и осуждены совместно с директорами и заведующими также рядовые работники прилавка или рядовые работники. В результате такого формального подхода к борьбе с этого рода преступлениями значительное количество лиц, в отношении которых вполне было бы достаточно взыскание, наложенное администрацией или товарищеским судом, попадают в уголовный суд и приговариваются к уголовной репрессии.

3. В ряде судов до сих пор еще не изжито либеральное отношение к умышленному и систематическому обворовыванию потребителя. По присланным из Киевской обл. двадцати наиболее серьезным делам ни по одному делу нет наказания выше 1 года и-т. работ. Много мягких приговоров обнаружено среди дел, присланных из БССР (из 22 дел только по 7 делам дано лишение свободы) и Азово-Черноморского края. Обследование установило недопустимо слабую репрессию в судах Карадагской и Черкасской автономных областей.

В некоторых судах (г. Полтава) наблюдается широкое применение ст. 46 УК УССР (ст. 51 УК РСФСР) и, вопреки постановлению 49 пленума Верховсуда СССР, приговоры с применением указанных статей не посылаются на контроль вышестоящего суда. Некоторые суды (в г. Ленинграде) допускают отбывание уличенными в обмеривании и обвешивании и-т. работ по месту службы.

5. К выяснению классового лица обвиняемого органы юстиции относятся с недостаточным вниманием. Документов о социальном происхождении обвиняемого, как правило, в делах нет. Наличие среди осужденных большого процента лиц, уже имевших по одной и больше судимостей, свидетельствует о том, что при подборе своих кадров торгующие организации в ряде случаев не проявляют необходимой бдительности.

6. Основная масса осужденных за обворовывание потребителя падает на преступления, совершенные в городской торговой сети. Борьбе с обворовыванием потребителя в сельской торговой сети органами юстиции до сих пор не уделено необходимого внимания. Между тем торговые точки в сельских местностях, в национальных районах и автономных областях и по состоянию их весового хозяйства, и по недостаточной проверенности их кадров представляют широкое поле для этого рода преступлений.

7. Предварительное расследование, которое тянется иногда недопустимо долго, проводится поверхностно и неполно, причем очень часто остаются невыясненными существенные обстоятельства дела (умысел и систематичность) и не используются все необходимые и возможные доказательства. По ряду дел обвинительные заключения не утверждены прокурором.

8. В судебной практике наблюдается волокита, небрежное техническое выполнение судебного протокола. В делах нет отметок о вручении обвиняемому копии обвинительного заключения, нет выписки из протокола распорядительного заседания, нет отметки о сообщении соответствующим органам о вступлении приговора в законную силу.

9. Анализ судебной практики по делам об обмеривании и обвешивании показывает, что этим преступлениям в значительной мере способствует плохое состояние весового хозяйства, часто связанное с недочетами в работе «Метровеса», а также отсутствие товарного учета. Преступления же по повышению цен часто облегчаются отсутствием стандартов на многие изделия, несоблюдением стандартов и множественностью цен на почти одинаковые товары.

51 пленум Верховсуда СССР постановляет:

1. Предложить председателям высшесудов союзных республик:

а) усилить борьбу с назначением дел к слушанию без предварительного изучения этих

дел в распорядительном заседании для отсева дел о мелких проступках, при недостаточности уликowego материала, изобличающего систематичность и умысел;

б) обязать суды при рассмотрении дел выявить общую характеристику обвиняемого, степень его общего развития, его прежнюю работу и т. п.;

в) не допускать, как правило, осуждения к и.-т. работам в тех случаях, когда умышленное или систематическое обворовывание потребителя установлено с достаточной полнотой, и все случаи применения к таким делам и.-т. работ поставить под контроль вышестоящих судов;

г) обязать суды рассматривать дела, как правило, не позже 10 дней со дня их поступления;

д) обязать судебные органы путем вынесения частных определений сигнализировать в соответствующие органы о недочетах, связанных с недостаточным снабжением торговых организаций, весоизмерительными приборами и их проверкой и клейменем.

2. Довести до сведения Прокуратуры Союза ССР о следующих недочетах, имеющих место в практике следственно-прокурорских органов по делам этой категории.

а) недостаточная борьба с массовым привлечением работников торгового аппарата за мелкие проступки и нарушения, когда с достаточной полнотой не установлена систематичность, когда нет умышленных изменений весов и облегчения гирь;

б) слабое качество предварительного следствия и выяснения классового лица обвиняемого по документам, слабый надзор со стороны прокуроров за доброкачественным проведением следствия, за незаконным и необоснованным привлечением и за недопущением передачи в суд обвинительного материала без утверждения прокурора;

в) недостаточное внимание к работе торговой сети в деревне, в национальных районах и автономных областях;

г) недостаточная борьба с волокитой при расследовании.

О РАБОТЕ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТОВАРИЩЕСКИХ СУДОВ

28 июня 1935 г.

Заслушав доклады верхсудов РСФСР и УССР, а также транспортной и водно-транспортной коллегий Верховсуда СССР о работе производственно-товарищеских судов, 51 пленум Верховсуда СССР отмечает:

1. На настоящем этапе социалистического строительства производственно-товарищеские суды приобретают особое значение как одно из орудий пролетарской диктатуры в деле борьбы с капиталистическими пережитками и воспитания коммунистического отношения к труду, являясь одним из важнейших рычагов практической реализации лозунга т. Сталина о бережении кадров.

2. Пленум считает неправильной установкой, что в тех отраслях хозяйства, где применяется дисциплинарный устав, производственно-товарищеские суды не должны заниматься вопросами трудовой дисциплины, так как сочетание форм административного воздействия с формами общественного воспитания является

целесообразным методом борьбы за трудовую дисциплину.

3. Пленум отмечает, что профсоюзные органы недостаточно занимаются производственно-товарищескими судами.

4. Пленум отмечает, что вся судебная система недостаточно занималась производственно-товарищескими судами; некоторая проверка работы ПТС и эпизодическое издание инструктивного материала не является еще действительным руководством. Ни о какой серьезной работе по руководству ПТС нельзя говорить, если некоторые верхсуды не знают даже о количестве ПТС в их республиках.

5. Важнейшими недостатками в работе ПТС являются:

а) некоторые ПТС вместо того, чтобы применять главным образом меры общественно-воспитательного характера, что особенно важно, поскольку материалы проверки показывают, что привлекаемыми в ПТС в большинстве являются молодые кадры, не впитавшие еще фабрично-заводских традиций, не освободившиеся еще от предрассудков старого, увлекаются мерами репрессивного характера (ходатайство об увольнении или перемещении на низшую должность), составляющие в отдельных областях высокий процент (Днепропетровская обл. — 24,7%);

б) ряд ПТС существует только формально, так как по существу никакой работы не проводят; имеется немало и таких ПТС, которые мало уделяют внимания рассмотрению актуальных дел, волнующих данное предприятие на данном отрезке времени;

в) дела часто залеживаются в ПТС и теряют свою актуальность;

г) совершенно правильно уделяя большое внимание вопросам мелких краж, хулиганству и нарушению трудовой дисциплины, которые составляют наибольший процент дел по отношению к другим рассмотренным делам, ПТС вместе с тем крайне недостаточно занимаются вопросами соблюдения правил внутреннего распорядка, касающихся охраны труда, техники безопасности, ухода за машинами, внутри-заводского брака и т. д.;

д) некоторые ПТС рассматривают дела о работниках, уволенных администрацией в разрез правильности или неправильности увольнения, чем вторгаются в область компетенции расечно-конфликтных комиссий и других органов по рассмотрению трудовых конфликтов;

е) в работе некоторых ПТС имеют место извращения, связанные с неправильным применением мер взысканий: соединение нескольких взысканий, лишение пособий по соцстраху, взыскание из помещений, денежные взыскания свыше установленных пределов и т. д.;

ж) многие ПТС не проявляют достаточно инициативы в своей работе, ограничиваясь только рассмотрением тех дел, которые направляет им администрация. Между тем ПТС должны проявлять большую инициативу в вопросах привлечения и мобилизации общественного мнения посредством рассмотрения дел на тех или иных участках производства и должны организованно реагировать на все существенные вопросы производства и производственного брака.

з) некоторые ПТС не проверяют выполнения своих решений, что не может не подрывать авторитета среди массы рабочих в тех случаях, когда решения не выполняются, когда

решения не имеют своих положительных результатов;

и) постановления ПТС крайне недостаточно популяризируются в местной и центральной прессе, между тем освещение наиболее характерных, актуальных дел и доведение решений ПТС до знания широких масс является крайне необходимым, так как такая популяризация укрепит авторитет ПТС. Ввиду этого пленум Верховсуда СССР считает необходимым поставить вопрос перед ВЦСПС об издании специального журнала, который должен практически помогать ПТС в их работе;

к) пленум Верховсуда СССР особо отмечает имеющиеся место искажения основных принципов пролетарской демократии в вопросах комплектования ПТС: назначение председателей и членов ПТС, несвоевременные перевыборы, часто ПТС не отчитываются в своей работе на рабочих собраниях.

Пленум Верховсуда СССР отмечает обязательность оказания организационной помощи ПТС, повлечения актива из числа председателей и членов ПТС в систему краткосрочного правового образования без отрыва от производства, а также выдвижения наиболее способных и преданных товарищей на судебную работу, так как ПТС являются одним из основных источников пополнения судебных кадров.

В связи со всем сказанным 51 пленум Верховсуда СССР постановляет:

1. Обязать все судебные органы немедленно перестроить свою работу по надзору за ПТС, сделать его руководство систематическим и действенным. Организационное руководство ПТС обязательно предполагает систематическое ознакомление председателей и членов ПТС с новым законодательством, с изменением судебной политики в отношении некоторых категорий преступлений, вызываемым особенностями того или иного этапа.

Необходимо так воспитывать и вырабатывать эти кадры, чтобы они в звеньях своей работы обеспечили правильное разрешение дел.

2. Просить ВЦСПС организовать краткосрочные курсы для председателей ПТС без отрыва их от производства.

3. Поручить председателю Верховсуда Союза ССР организовать издание популярной литературы для председателей и членов ПТС силами Института уголовной политики.

4. Обязать председателей верховсудов союзных республик возложить ответственность за надзор над производственно-товарищескими судами в республиках, не имеющих областного деления, непосредственно на своих заместителей, а в республиках с областным делением — на заместителей председателей областных, краевых и главных судов.

Обязать председателей транспортной и водно-транспортной коллегий Верховсуда СССР возложить ту же ответственность за надзор над производственно-товарищескими судами, организованными в линейно-бассейном звене, на председателей линейных и водно-транспортных судов по принадлежности,

51 пленум Верховсуда СССР предупреждает все судебные органы, что важнейшим показателем их работы будет являться качество осуществляемого ими надзора в отношении ПТС.

5. Обязать судебные органы немедленно оказать ПТС помощь в деле исправления всех отмеченных выше недостатков в практике их работы.

6. Поручить председателю Верховсуда СССР ускорить разрешение вопроса об издании совместно с ВЦСПС инструкции о работе производственно-товарищеских судов.

7. Поручить председателю Верховсуда СССР поставить перед соответствующими инстанциями вопрос о слабой деятельности профсоюзам в вопросе руководства ПТС.

8. Считать нецелесообразным организацию ПТС на плавающих единицах на морях, реках и озерах, а существующие подлежащими упразднению. Отдельные дела о преступлениях команды судов по инициативе командира судна могут быть передаваемы на рассмотрение ПТС соответствующих портов и пристаней, к которым приписано судно.

Председатель Верховного суда Союза ССР
А. Винокуров
Секретарь пленума Смолицкий

ПОПРАВКИ

В опубликованном в № 5 «За социальность» пост. 50 Пленума Верховсуда СССР от 25.III.1935 г. «Об отмене разъяснений» и директивных писем Верховсуда СССР, в связи с введением в действие нового Устава ж. д. СССР (стр. 59) вкратце ошибка. В п. 3, излагающем новую редакцию директивного письма Верховсуда СССР от 3/VI 1934 г. № 21, в той части, где говорится о размере начисляемых процентов на суммы претензий, признанных или присужденных с ж. д., следует читать не «за 1-й месяц — 3% годовых», а «за 1-й месяц — 8% годовых». В номере 7 журнала «За социалистическую законность», по недосмотру корректуры, оказались опечатки:

1. На стр. 20-й, в статье «О защите» (4-й абзац, стр. 8-я) напечатано «защитника» следует читать — «защитника». В абзаце 5-м той же статье (стр. 4-я) напечатано — «путем и искажает» — надо читать — «путает и искажает».

2. На стр. 47-й в статье «Право — процесс — судостроительство в капиталистических странах», (последняя строка) напечатано — «такова судебная тема польского фашизма» — надо читать — «такова судебная система польского фашизма».

3. На стр. 52, в отделе «Библиография» (4-й абзац 10 строка) после слова — «секретаря», пропущено слово — «знал», — следует читать — «знал бы свою канцелярию».

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Адрес изд-ва: Москва, Красная пл., здание ЦИК, пом. 28

Ответств. редактор А. Я. Вышинский

Редколлегия: Г. м. Леплевский, А. А. Сильц, В. В. Соколкин, Л. М. Собоцкий, А. С. Шляпников.

Мукопись поступила в и.-во 19 июля, передовля 1/IV. II 1935 г. слана в произв. 20 июля 1935 г.; подписана в печати 16 августа 1935 г.; 4 печ. л.; 9,94 авт. л.; в 1 бум. л. 225600 вн.; формат бум. 72 X 105, С.—04 п. № 490.

Техн. редактор Х. И. Могорова

Уполном. Главлитб. Б-9655.

Заказ 913

Тираж 10 000

15-я типография О. ИЗ треста «Полиграфкнига», Мал. Дмитровка, 18.

КОНКУРС НА МАССОВУЮ БРОШЮРУ

Государственное издательство „Советское законодательство“ совместно с НКЮ РСФСР и Прокуратурой СССР объявляют конкурс на лучшую популярно-массовую брошюру (очерк), написанную практическими работниками суда, активом юстиции, членами товарищеских судов и секций революционной законности на основе непосредственного опыта своей работы.

ТЕМЫ ДЛЯ КОНКУРСНЫХ БРОШЮР (ОЧЕРКОВ) СЛЕДУЮЩИЕ:

1. Как лучше организовать и поставить работу нарсуда.
2. Как лучше организовать работу общественного суда в деревне.
3. Как лучше организовать работу товарищеского суда на предприятии.
4. Как организовать и наладить работу секции революционной законности в деревне.
5. Прокурор на страже революционной законности.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

1. Брошюра (очерк) рассчитана на широкий актив советской юстиции и работников суда и прокуратуры. В нее должны быть включены конкретные материалы практики работы, показаны живые люди, произведен обмен опытом. До отправки рукописи в издательство необходимо обсудить ее на совещании актива юстиции.

2. Брошюра должна быть написана простым и популярным языком. Желательна разбивка ее на главы по отдельным вопросам, а также присылка фото и рисунков.

3. Размер брошюры 1 1/2 — 2 авторских листа (30—40 стр. на пишущей машине).

4. Последний срок представления рукописи — 15 сентября 1935 г.

5. За лучшие брошюры установлены 15 премий (3 премии по каждой теме):

1 премия	— 750 — 500 руб.
2 „	— 500 — 350 „
3 „	— 350 — 300 „

Кроме указанных премий авторы премированных рукописей получают обычный гонорар за принятые к печати работы и фотоснимки.

6. Рукописи, не получившие премий, но одобренные жюри конкурса и признанные подлежащими опубликованию, будут напечатаны отдельным сборником или переданы в редакции журналов „Советская юстиция“ и „За социалистическую законность“ для использования. Опубликованный в сборнике и журналах конкурсный материал будет оплачен установленным гонораром.

7. При издательстве организована для участников конкурса консультация по вопросам, связанным с конкурсом.

Состав жюри конкурса

- 1) **КРЫЛЕНКО Н. В.** — Нарком юстиции РСФСР — председатель совета издательства, председатель жюри.
- 2) **РОГИНСКИЙ Г. И.** — Зам. прокурора СССР.
- 3) **СОРОКИН В. В.** — Зав. издательством „Советское законодательство“.
- 4) **БЕРМАН Я. Л.** — Зам. председателя Верховного суда РСФСР.
- 5) **НЮРИНА Ф. Е.** — Зам. прокурора РСФСР.
- 6) **ЕЛКИН Г. П.** — Нарсудья Краснопресненского р-на г. Москвы.
- 7) **ЛИВШИЦ И. Ю.** — Пом. зав. издательством „Советское законодательство“.

Рукописи, обсужденные на активе работников юстиции или товарищеских судов, и запросы по конкурсу направлять по адресу:

Москва, Красная площ., здание ЦИК СССР, пом. 28.
Государственному изд-ву „Советское законодательство“.
На конвертах делать приписку: „На конкурс“.